

312 322 81071 (18.23)
3-39 Jue

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

IV
-16058/2np

ЗОРЯ

Г А Д И Щ Е В А Я,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый подъ редакціею, сперва:

ІОАННА ГУЩАЛЕВИЧА,

потомъ:

БОГДАНА А. ДѢДИЦКОГО.

Г О Д Ъ VI.

Круніcki

ЛВВОВЪ,

Изданіемъ и типою Станропигійского Института.

1853.

5-8

Slav 3222.897 $\left(\frac{1853}{2-7, 30-31, 37-39} \right)$

"ZORIA HALYTSKA"

Mrs. St.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поэзіи.

Где дождь есть мой? Б. А. Д. Число 1.
 На смерть А. Балузянского. — Къ сближающейся
 веснѣ. Б. А. Д. ч. 2.
 Райна. — Поетъ. — Къ горожанцѣ. Б. А. Д. ч. 3.
 Сдвардъ, (баллада). Б. А. Д. ч. 4.
 Кена, (романъ). Б. А. Д. ч. 5.
 Слава во вышнихъ Богу! Б. А. Д. ч. 6.
 Юліи. — Чулакъ. Б. А. Д. ч. 7.
 Воспоминаніе Наддѣстровья. И. Г. Н. ч. 8.
 Осѣпленный Василько, (историческая дума) Б. А.
 Д. ч. 9.
 Горе и благодать Ѳ. Глин. ч. 11.
 Къ невѣрной. Б. А. Д. ч. 12.
 Годящій звонъ, (сказка). Б. А. Д. ч. 13.
 Близость влюбленного. Б. А. Д. ч. 14.
 Цоя молитва. Б. А. Д. ч. 15.
 О память усопшого Фр. С. гр. Стадіона. Б. А. Д.
 ч. 16.
 Судъ закона и милость благодати Ѳ. Глин. ч. 17.
 Саревичъ и двѣ Русалки, (баллада I. II.) Б. А. Д.
 ч. 18—19.
 Не унывай! И. С. ч. 20.
 Стѣшитель. Ѳ. Глин. ч. 21.
 Лебедь, ракъ и щука, (басня). К. ч. 22.
 Пѣснь русскаго кобзаря. I. II. Б. А. Д. ч. 23 и 31.
 Ослѣдняя борьба. А. К. ч. 24.

Беззаботность птички. А. П. — Листокъ. Ж. ч. 25.
 Жаворонокъ, Н. Б. ч. 26.
 Оправданіе. Б. А. Д. — Розбитая скрипка (басня).
 Дм. ч. 27.
 На кладбищѣ, П. Г. Наум. — Первая утрата. О.
 ч. 28.
 Вечерній звонъ. Михайла Петренка. — Любовь. Б.
 А. Д. ч. 29.
 Да будетъ миръ! Б. А. Д. ч. 30.
 Словенское племя. — Большинство голосовъ. — Два
 листика. Б. А. Д. ч. 32.
 Воспоминка о Петрѣ Головацкомъ — Къ нашимъ
 Народолюбямъ. Б. А. Д. ч. 33.
 Молитва спротки К. П. — Золото и булатъ. А. П. ч. 34.
 Хвали Творца. З. — Сонетъ Коляра. Б. А. Д. ч. 35.
 Къ другу. Я. съ Я. ч. 36.
 Встрѣча съ Оленою. Б. А. Д. ч. 37.
 Смотръ крестовъ. Б. А. Д. ч. 38.
 Чего намъ недостаетъ. Б. А. Д. — Вишневый
 кустъ, (басня). Дм. ч. 39.
 Ежедневное испытаніе самого себе — Жизнь при-
 мѣрна. Я. съ Я. ч. 40.
 Зимовый вечеръ. А. П. ч. 41.
 Схватка. А. П. — Къ Емплин Ѳ. М. ч. 42.
 Стихъ привѣтственный Его В. Архикнязю Каролу
 Людвигу. Б. А. Д. ч. 43.

Науковыи и историческіи статьи.

Осланіе о первомъ нашемъ письменномъ языкѣ.
 ч. 1—4.
 Аллегретрика. Туряна. ч. 1.
 Короткая Исторія Черной Горы. ч. 2 и 4.
 способъ воеванія Черногорцевъ. ч. 2 и 3.
 Формисмы о народной словесности. Туряна ч. 5, 6, и 8.
 о начаткахъ перваго епископства въ Галицко-рус-
 скомъ княжествѣ. А. Петрушевича. ч. 6—11.

Битва на Куликовскомъ полѣ. ч. 6
 Козаки въ Царьградѣ. I. Левицкого. ч. 8 и 9.
 Паденіе Царяграда. I. Левицкого. ч. 11—13.
 Обзоръ важѣйшихъ политическихъ и церковныхъ
 происшествій въ Галицкомъ княжествѣ съ по-
 ловины XII до конца XIII вѣка. А. Петруше-
 вича. ч. 12—19, 21, 24, 37—41.
 Воспоминки Старословенскіи. Гв. Ц. ч. 24—30.

- О невѣжествѣ галицкихъ селянъ. М. Малиновского. ч. 25.
 Историческія извѣстія о коронѣ св. Стефана. ч. 30.
 Короткая исторія литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій. I. Исторія старословенской литературы. ч. 31—35.
 II. Короткая исторія чешско-словацкой литературы. ч. 37—38.
 Омеръ-паша. ч. 35.
 Слово къ нашимъ почт. Читателямъ, отъ Редакціи ч. 37.
 Вѣроповѣданіе хинскихъ возстанцевъ. ч. 37.
 Новый мостъ въ Кіевѣ. ч. 40.

Справозданія галицко-русскихъ обществъ.

- Отъ строительной Комиссіи Н. Дома ч. 5, 8, 10, 13, 17.
 О выборахъ въ Ставропигіанскомъ Институтѣ. ч. 10.
 Промова Вч. Г. М. Куземского, на засѣданіи Выдѣла Галицко-русской Матицы ч. 20.
 Вступное Слово Вч. Г. М. Куземского на званіи-
 ніи Комиссіи, управляющей строеніемъ Нар. Дома. ч. 21 и 22.
 Засѣданіе выдѣла Галицко-русской Матицы. ч. 23.
 Даръ г. Министра Баха для книгохранилища Народ. Дома. ч. 24.

Повѣсти и драма.

- Отецъ Игнатій, русскій приходникъ изъ Соломянки. ч. 1—22.
 Такъ иногда люди женятся. Е. Гр. ч. 23 и 24.
 Знѣй Нотайскій. Хохолушка ч. 25—28.
 Мачиха и Паниочка. Е. Гр. 29 и 30. (1880—1881)
 Чайковскій. Е. Гр. ч. 31—43. (1887—1888)
 Ночь зимовая. С. ч. 31 и 32.
 Краса села. ч. 33 и 34.
 Доброе общество. ч. 36.
 Бережливость и скупость. ч. 37.
 Немира, трагедія С. Онуфріевича ч. 14, 16—21, 23—28.

Дописи.

- Изъ Самбора. Г. ч. 1.
 Изъ Вѣдя. Р. ч. 1 и 2.
 Изъ Тернополя. Н. ч. 3.
 Изъ Перемышля, І. Левичкого. ч. 5.
 Изъ Львова Б. А. Д. ч. 12.
 Изъ Львова. О. Ф. ч. 14.
 Изъ Будина. Др. А. Радлинского. ч. 16.
 Изъ западной Галичины. М. изъ Д. (—ій) ч. 21 и 40.
 Довѣрительныя письма съ Будина. ч. 23, 25, 28, 29.
 Изъ Пришева. Турина ч. 26.
 Изъ Коломыйского. И. ч. 27.
 Изъ Пришева, А. Д. — Изъ Кошиць. В. Д. ч. 32,
 Изъ Пришева, Духновича. — Изъ Жолковского, И. ч. 33.
 Изъ Коломыйского, Андрея Ивановича К. ч. 35, 38, 39.
 Изъ Яворова, І. Лозиньского. ч. 36.
 Изъ Покутья, Юсефа съ Болшова. ч. 40—42.

Извѣстія науковыя и Всячина

находятся едва не въ каждомъ числѣ; замѣчанія седмичныя и торговельныя въ нѣкоторыхъ. Господарскія и дѣкарскія, потому извѣстія Ко всякому числу приложены „Поученія Церковныя“.

Надъобыкновенныя прилоги.

- Тебе Бога хвалимъ! стихъ Б. А. Д. ч. 1.
 Молитва за Его Апостольское Величество. ч. 11.
 Вовнаніе къ предплатѣ на 3 четвертьгодіе ч. 30.
 Справозданіе комиссіи Нар. Дома. ч. 36.
 Заглавныя Листы и Оглавленія къ „Зорѣ“ и „Поученіямъ Церковнымъ.“ ч. 43.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается ежеседмично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьочно получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ГДЕ ДОМЪ ЕСТЬ МОЙ?

(поется по напѣву известной чешской пѣсни.)

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где Днѣстеръ быстротечный

Безпредѣльный, безконечный,—

Тамъ где Сянъ и Бугъ и Прутъ

Серебромъ въ руслахъ текутъ:

Тамъ страна моя родная,

Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где храмы вѣковыи,

И памятники святыи,

И церковный нашъ обрядъ

О минувшемъ говорятъ:

Тамъ страна моя родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где курганы и могилы,

Городища старожилы

Прахъ богатырей хранятъ,

Где Бояны наши спать:

Тамъ страна моя родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где, Мстиславъ, Романъ, Данило,

Левъ, послѣднее свѣтло,

Край и Вѣру стерегли

Отъ враговъ и гибели:

Тамъ страна моя родная,

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где народъ сердечный, добрый,

Въ битвахъ сильный и хоробрый.

Вѣрный Славъ прежнихъ дней,

Всякій часъ поетъ о ней:

Ахъ, межъ тѣмъ народомъ милымъ

Домъ есть мой и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где мать, отецъ старенькій,

Сестры, братчикъ молоденькій

Въ смирной хижинѣ живутъ:

И мене съ тоскою ждуть:

Тамъ ахъ, тамъ страна родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где Русиня младая,

Заунывно припѣвая,

Золотое жито жнетъ,

Где краса моя живетъ:

Тамъ страна моя родная,

Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

Друзе!

Мило заговорило до моего сердца твое
воззваніе, „щобымъ по моимъ силамъ при-
чинялся до воздвиженія народного слова.
Я радовался, получивши купно и извѣстіе,
що наше повременное письмо снова будетъ
намъ просвѣщати. Въ Зорѣ видишь укръ-

сербски); 11) Федоръ и Марица, повѣсть Лафон-теза; перев. Рашичемъ (по сербски).

грамматическаго содержанія: 12) Грамматика чешскаго языка для Нѣмцевъ, спис. А. Терельскимъ (по нѣмецки); 13) Грамматика польскаго языка тогоже (по нѣм.); 14) Грамматика нѣмецкаго языка для Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ (по чешски); 15) Чешско нѣмецкіи разговоры съ сокращенною грамматикою чешскою соч. Конечнымъ изд. втор.; 16) Грамматика болгарскаго языка соч. Кир. Цанковымъ (по нѣмецки); 17) Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ соч. Фр. Микловичемъ; часть I. (по нѣмецки).

Словари: 18) Правничо-коллигическая терминологія для славянскихъ языковъ въ Австріи: *Словарь нѣмецко рускій*; 19) Сербскій словарь Стефана Вука Караджича.

Читанки: 20) Читанка для низшихъ школъ гимназійныхъ состав. А. Веберомъ (по хорватски) 21) *Руская Читанка для низшой гимназіи; часть I. сост. В. Ковальскій*; 22) Сербска читанка для гимназій сост. I. Суботичемъ; книга I.

Нѣи школьными книжки; 23) *Начальное основаніе зрѣлословія соч. Волякомъ* (по руски); 24) Малая читанка для каѳ. школъ въ Австріи (по чешски); 25) Рахунковая книжка для 2 и 3. классовъ нормальныхъ. Кроме того вышло надъ 50. школьныхъ книгъ, будь новыхъ, будь ново отпечатанныхъ и то: 6. чешско-словацкихъ, 3. чешско нѣмецкихъ, 13. польскихъ, 4. русскихъ, 2. хорватскихъ, 7. итальянско дальматскихъ и 20. словѣнскихъ.

господарскаго содержанія: 77) Юрія В... книжечка о средствахъ противу слабости будбъ (по чешски).

Мыслословъ; Войродянинъ на г. 1853. сербскій.

Вѣстники законовъ державныхъ и правительства: Годъ 1852 ч. IV. во всѣхъ австрійскихъ славянскихъ языкахъ.

Часописи: 85) Весна (чешская выходила до конца I. полгодія) 86) Словацкія Новины; 87) Вѣстникъ для Русиновъ австр. державы.— Кроме того 4. гудебныхъ твореній по напѣву славянскому.—

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— Дня 11. Января с. г. приплылъ до английской пристани въ Суттантонъ корабель „Австралія“

квотный привезъ съ тамошнихъ новооткрытыхъ копальной золота въ цѣнѣ 9. миліоновъ р. вр.

— Профессоръ Бетхеръ въ Базелю, изобрѣтатель стрѣльчой баволны, получилъ отъ Его Величества Цсаря Францъ Юсефа отличительный крестъ ордена Леопольдова.

— Найглубшіи копальни въ цѣломъ свѣтѣ суть безсомнительно *копальни мѣди* близъ англійскаго мѣстечка *Боталекъ*; они ростираются поподъ глубиною сосѣднаго моря, и страхъ наполняетъ посвящающаго ихъ, когда проводникъ окажется ему: „теперь находимся мы на 30- сажней подъ моремъ, а на 300 сажней отдалены отъ его берега.“ Подъ землею стучать молотки работниковъ, когда межъ тѣмъ понадъ его головою плывиють то тамъ то сямъ купеческіи корабли.

— Средняя температура мѣсяца Декабря бываетъ въ средней Европѣ обыкновенно низша 3 степеней Реомбра (3. степеней зимна); минувшаго года однакожъ подступла она на три степени теплоты; случай надзвычайный, якій не бываетъ ниже въ нѣсколько столѣтіяхъ. Таяже сама температура тревала и въ первой половинѣ мѣсяца Января 1853. года.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Перемышлянинъ [Мыслословъ] на годъ 1853. въ Перемышляхъ. Типомъ и накладомъ книгопечатни капитульной. Цѣна 24. крайц. серебромъ. Страницъ отъ 1 — 200. Годъ издаванія четвертый. Въ осмериць.

Покореніе Новгорода. Повесть историческая издавъ К. Меруновичъ. Львградъ 1852. Типомъ Института Ставропигіанскаго. Страницъ 1 — 100.

Руска Читанка для низшой Гимназіи составлена Василіемъ Ковальскимъ ц. к. министріальнымъ конценстомъ и редакторомъ Законодательнаго и правительства. Въ Вѣдлю 1852. Тископечатана въ ц. к. печатнѣ. Цѣна 41. крайц. серебромъ.

Конюшій, повесть въ двоухъ пьесахъ сочиненная Богданомъ А. Д. Въ Львовѣ 1853. Типомъ Института Ставропигіанскаго Страницъ 1 — 54.

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.

Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ БАЛУДЯНСКОГО.

сочинителя
„ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
Новаго Завѣта.“

Печальныйъ годосъ къ намъ отбился
Изъ поза сумрачныхъ Карпатъ:
Отецъ Андрей упокоился,
Нашъ однородный Русинъ — Братъ!
Погасло снова одно свѣтило
Что величаво такъ и мило
Нашъ озаряло небосклонъ!

Онъ сороботникъ пригвѣтнѣйшій
Во вертоградѣ былъ Христа,
Теперь пошелъ во свѣтъ краснѣйшій,
Въ тотъ край, гдѣ Вѣра пресвята
Прійметъ его и скажетъ Богу:
Якъ жизненну свершалъ дорогу,
Якъ все для ней трудился онъ.

Якими украсилъ плодами
Спасительный, Господній Храмъ;
Съ якими подавалъ чувствами
Душевному пищу Русинамъ.
И занесетъ его сказанья,
Его дѣла, его страданья
Свята любовь предъ Божій тронъ.

Такъ не смущайтесь мила братья
Утратою оною снова;
Его приняли во объятя
Надежда, Вѣра и Любовь;
Онъ не во вѣкъ упокоился,
Лишь въ нинѣ міръ переселился,
Гдѣ вѣчно жити будетъ онъ!
Богданъ А. Д.

КЪ СБЛИЖАЮЩЕЙСЯ ВЕСНѢ.

Весно! ты красная Богиня,
Ты дочь наймильшадъ небесъ!
Ты вѣчно-юная княгиня
Во областяхъ любви, чудесъ!
Прійди, прійди скорѣйше къ намъ,
И радость принеси сердцамъ!

Зима дождливая и влажная
Не выстелила путь саямъ;
Она такъ скучна и протяжна,
И не понравилась ужъ намъ:
Тому мы тужимъ за весною
Веселою и молодою!

Когда - то и народъ нашъ милый
Тыкъ за весною все тужилъ;
Но снѣгъ скрываетъ Отцевъ могилы
Вождохъ не стало замъ и силъ!
На Руси всей была зима,
И нужда, и глубока тьма!

И долго плачешь и мольбами
Весны просили мы съ Небесъ:
И отъ, предъ нѣскольکو годами
Она прійшла — народъ воскресъ!
И къ новой жизни онъ отжилъ,
И древній вѣкъ возсталъ съ могилъ!

Такъ пребывай — же между нами
Ты вѣчно - юная Весна!
Твоими разбудивъ пѣснями
Насъ отъ дремоты и отъ сна;
Да будетъ власть у насъ твоя
Несокрушима, вѣчная!

Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ

(Продолженіе.)

Глубоко троняють насъ известія о древнихъ великихъ характерахъ, и мимовольно производять въ души удивленіе и поважаніе для нихъ; мы любимъ и поважаемъ тыхъ мужей еще тымъ больше, если видимъ на нихъ добродѣтель, безкористолюбіе и истинно христіанское житіе. Тымъ отличился и нашъ первый изобрѣтатель словянскаго алфавита. Исторія передала намъ, що передъ усовершеніемъ сего подвига онъ постился сорокъ дней, ибо онъ верно понималъ якъ многоважный ость сей трудъ. Поглянемъ якъ онъ собъ въ томъ поступилъ дѣлъ. Двадцать четыре буквы греческаго языка, благозвучнаго и художественнаго, были недостаточны для того, чтобы восприняти въ себе все разнообразіе, всю полную звуковъ языка Словянскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Ученый Добровскій гово-

рить, що мудрый изобрѣтатель Словенскон азбуки, принялъ въ основу письма греческїи, за другими же недоставшими обратился къ письменамъ восточнымъ: Еврейскимъ, Ариянскимъ и Коптскимъ. Къ сему онъ нашель средства въ Византїи самой, котора, кромя духовныхъ сношенїи, и политическїи вела на письмъ тыхъ народовъ, съ которыми сносилася. Соборная Софїйская Библиотека, конечно могла предложить Константину грамоту всѣхъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразити весь огъникъ звуковъ Словянскаго языка. Въ 855 году, тыи звуки были начертаны. Чѣмъ больше ученые выискали и выискають въ нашу азбуку, тѣмъ больше изумлялися и изумляють ся премудрому ея составленїю. Послухаемъ, що безпристрастный Нѣмецъ ученый Шлецеръ говоритъ къ нашимъ первоучителямъ: „Привѣтствую Васъ здѣсь, бессмертныи изобрѣтатели Словенскон грамоты! Вы, первыи, дорзнули грубый *) языкъ имѣющїи множество ему только свойственныхъ звуковъ, взяти, такъ сказати, изъ устъ народа, и писати греческими буквами; но въ томъ дѣлѣ поступили вы, якъ люди отличныи умомъ одаренныи, и для каждого особеннаго звука, котораго Грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новыи особенныи знаки или буквы. Якъ малъ противу васъ Ельзасскїи монахъ Отфридъ, или кто бы не былъ тотъ Нѣмецъ, который первый осмѣлился писати въ своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку”

Придивъмъ теперь тому, що наиперво передложено было съ Греческаго языка на

*) Слово: грубый неумѣстно употреблено Шлецеромъ. Тотъ языкъ не могъ быти грубъ, въ которомъ нашлися уже силы для того, чтобы собственными словами передати всю глубину Священнаго Писанїа.

Словенскій Константиномъ и Меѳодіемъ. „Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога? *) То суть первыя слова, написанныя близько нашихъ языкомъ — или церковью благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражаючи основную мысль христовой Вѣры; — то суть слова Апостола Любви, который возлежалъ на персахъ у Христа и которому Спаситель умиравши на крестѣ поручилъ Матерь Свою. Старшихъ отъ тѣхъ словъ не имѣемъ. Тогда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна, Константины и Меѳодія показали Царю, Патриарху и всему Собору и всѣ о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и всѣ необходимыя богослужебныя книги. Греческія и Болгарскія Словене, съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія въ народномъ языкѣ отъ своихъ Первоучителей. **) Въ 862. году, Меѳодій крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ отъ 855. до 861. года, Словенская литургія распространилася сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которые по берегамъ Дуная, къ северу, граничили съ другими своими соплеменниками.

Между тѣмъ и до Моравовъ дошли слухи о томъ, что братья ихъ послеменишки совершаютъ Богослуженіе въ языкѣ врозумительномъ. Потому Моравскій князь могъ обратиться къ Императору Михаилу и про-

*) Текстъ приведенъ по Остромирову Евангелію, которое могло быть третьимъ или четвертымъ спискомъ съ первоначальной рукописи Константина и Меѳодія.

**) Извѣстіе о томъ, что Болгарскія Словене пользовались Словенскимъ богослуженіемъ прежде, чѣмъ Моравскія, принадлежитъ Греческой біографіи Болгарскаго Архіепископа Климента. —

сити его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, между которыми позднѣе прославился Климентъ, Епископъ Болгарскій въ Македоніи. Ростиславъ съ восторгомъ принялъ Словенскихъ Апостоловъ въ своей столицѣ въ Моравскомъ Велеградѣ, нынѣшнемъ Градищѣ, и народъ раздѣлилъ съ княземъ его радость. Первымъ трудомъ Константина и Меѳодія было строити церковь, переводити дальше Священное Писаніе, вводити Словенское богослуженіе въ предѣлахъ цѣлой Моравы. Скоро разошлася вѣсть о томъ, что Словенское богослуженіе раздается дальше и дальше. О томъ услышалъ и Императоръ съ Петра. Тогда Папскою тіарою украшался Николай I. Онъ позвалъ обонхъ братьевъ въ Римъ въ 867. году.

Въ житію Меѳодія сказано, когда братья пришли въ Венецію, и съ собою Словенскія богослужебныя книги и мощи св. Климента несли — они встрѣтили съ тамошними священниками прѣіе. Они говорили имъ: „Якъ же сотворимъ Словенамъ книги и обучаемъ ихъ тому, чего не позволили ни Апостолъ, ни Пана Римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ ни Августинъ? Мы знаемъ только три языка, въ которыхъ можно славить Бога. Еврейскій, Греческій, Латинскій.“ Философъ отвѣчалъ имъ: „Не льется ли дождь отъ Бога на все? Солнце не сіяетъ ли ровню на весь міръ? Не все ли мы дышемъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ? Якъ не стыдитесь вы принимать только три языка, а прочимъ племенамъ велите быть слѣпыми и глухими? Богъ по вашему, или немощенъ, что не можетъ дати того, или завистливъ, что не хочетъ? Намъ извѣстно, что многіи народы умѣютъ воздавати славу Богу, каждый своимъ языкомъ: Аріане, Персы, Абазги,

Иворійци . Готы . Обры , Турки . Козары . Аравляне , Египтяне , Сиріяне и еще други . Если не хотите уразумѣти того : изъ писанія познайте Судію . Давидъ вопіетъ , глагола : пойте Господеви вся земля , пойте Господеви пѣснь нову .” — Въ такомъ видѣ преданіе сохранило намъ прѣвнѣ Константи-на съ предразсудженіями .

Братья идутъ въ Римъ . Туда несутъ они ноши св . Клиента и словенскіи книги . Между тѣмъ , Папа Адріанъ сѣдѣлъ умершаго Николая . Со всѣмъ духовнымъ соборомъ . Папа Римскій , выходитъ на встрѣчу св . мощамъ , принимаетъ ихъ въ церкви св . Маріи . Въ храмъ св . Петра и въ храмъ великаго учителя языковъ . Апостола Павла , и въ другихъ церквахъ Рима , пѣли литургію въ языкъ Словенскомъ . На гробницахъ перво-верховныхъ Апостоловъ лежало Словенское Евангеліе .

Наслѣдникъ св . Петра умный Адріанъ не принялъ возраженій противниковъ , враждебныхъ народному богослуженію Словенъ , а тѣхъ , которыми утверждали , що священ-ныи книги могутъ быти писанныи только въ трехъ языкахъ : Еврейскомъ , Греческомъ и Латинскомъ будто бы ; що въ нихъ только , повелѣніемъ Пилата , написано было на крестѣ нѣа распятаго Спасителя , проклятъ и нарекъ пилатиньями и трезычниками .

Продолженіе слѣдуетъ .

Короткая исторія Черной Горы .

Событія , которыи въ нынѣшномъ времени обратили на Черногорцевъ вниманіе всей Европы . осуждиваемы бывають различно , будь во пользу хороброго сего славянскаго племени , будь на его вредъ и обиду . Даже тѣи , которыи до сихъ поръ и незнали , существуютъ ли якіи Черногорскій край , смотрять на нѣзъ прилѣжно за извѣстіями . относящимися къ исторіи Черной Горы и розсуждаютъ ,

якъ имъ захочется . Думаемъ , що сдѣлаемъ ч . читателейъ нашихъ не малую прислугу , подавая имъ короткое обзорнѣе исторіи Черногорцевъ .

Исторія Черной Горы и такъ званого Сербскаго Пригорья начинается съ четырнадцатымъ столѣтіемъ ; о событіяхъ . случившихся прежде того времени , извѣстно дуже мало . Тое только неоспоримо , що якъ у всѣхъ славянскихъ племенъ такъ и у Сербовъ были многіи удѣльными князья (господари) . Роздѣленіе державы и такъ не дуже великою на множан области было головною причиною упадка сербскаго Царства . которое разрушено было въ 1389 . году во время владѣнія Царя Лазара на Косовомъ полѣ .

Въ то же время владѣли въ Зетѣ*) и въ Черной Горѣ особныи князья . Кроме тѣхъ было еще больше князей (господаревъ) въ оныхъ сторонахъ , именно : въ Герцоговинѣ , Приморію и Альбаніи и всѣ они стояли между собою въ сродствѣ . Найстаршій между ними былъ Балша . сынъ бана Страница . Когда Турки преодолѣли Сербскаго Царя на Косовомъ полѣ . не спѣшили тѣи поменьшіи князья съ помощію . котору нести ему будь не могли . будь не хотѣли По разрушеніи Сербскаго Царства владѣли тѣи князья въ своихъ удѣлахъ самостоятельно и уважали Балшу за наслѣдника Сербскихъ Царей , найвысшаго господара Сербской державы .

Турки нападали иногда и на княжескіи области , но не могли тамъ osiąгнути жела-

*) Зета есть рѣка втекающая недалеко Подгорицы въ рѣку Морачъ . Тутъ подразумѣвается полѣтѣи именемъ край лежащій понадъ рѣкою Зетою межи Герцоговиною , Альбанією , Черною Горю и озеромъ Скадерскимъ . Кроме города Подгорицы суть въ Зетѣ еще двѣ крѣпости : Стужъ и извѣстнѣи нѣтъ Жаблякъ .

тельного успѣха. Ажъ тогда, коли ноосторожныи Господарово Боснійскіи улегшии Туркамъ приступъ до Босніи, могли тіиже реченымъ областямъ больше вреда нанести. Жители Герцоговины, Албаніи и Зеты боролись за свой бытъ и независимость свою почти полтора вѣка; но наконецъ истощились и поддалися Туркамъ. Въ продолженіи тогожъ времени отступилъ князь Черной Горы и Приморья Дюрядъ важный по своему мѣстоположенію и инымъ выгодамъ городъ Скадаръ неблагодарной и неспасщенной Венецкой (Бенатской) республицы. Република тая была тогда сильна и могуча: на противъ Сербская держава упала съ дня на день. Такъ и не дивно, що Дюрядо, сынъ бана Странича отдалъ Венетамъ реченный городъ желая по крайней мѣрѣ съ той стороны имѣти нѣкую помощь прогнвъ Туркамъ. И воистину, когда потомъ Турки хотѣли слобыти Скадаръ, бранили его Сербы и Венеты.

По смерти Балша послѣдовалъ братъ его Стефанъ, которого попомки назывались по его прозвищу Черноевичи. Стефанъ, союзившись съ тестемъ своимъ Скандеръ — бекъ, высупалъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ летописцевъ, 66. разы на поле битвы противъ Туркамъ. Сынъ его Иванъ вовелъ также безъустанио противъ Магометанамъ, которые всѣ свои силы обратили на подбитіе Иванова удѣла. Но успія ихъ были неуспѣшны Иванъ, яко независимый Господаръ, оженилъ сына своего съ дочерью Бенатского дожи и такимъ образомъ вошелъ въ дружескіи отношенія съ Италією. Онъ создалъ въ Венеціи (Бенаткахъ) для себе и своихъ подданныхъ сербскую церковь. Бенатскій дожа выдалъ дочь свою за сына Иванова по той лише причинѣ, понеже надѣялся съ такового союза различныхъ для себе користей. И надѣя не обманула его; оба бо тіи князья были со своимъ народомъ

для Бенатчанъ правою рукою. Однакожъ Бенатчане имѣли звычайно тупую память и оплачевали за то Сербямъ неблагодарностию. За тотъ грѣхъ преслѣдовала ихъ потомъ судьба многократно.

Дюрядъ, сынъ Ивановъ, пребывалъ яко зять Бенатского дожи, долгое время въ Бенаткахъ. Онъ пріѣзжалъ частыйше на Черную Гору и основалъ тамъ типографію. А таки мильше было ему жити въ Италиіи и съ той причины отдалъ онъ княжескую власть своему сроднику Ивану, который также оженился съ Италянкою. Сію власть препоручилъ Иванъ сыну своему Дюрядю а тотъ, проживая съ дѣтствія въ Италиіи, изрекся правленія и передавши оно въ г. 1516. сербскому Митрополиту Герману, повхалъ опять до Италиіи.

Мимо того потомки Странича владѣли независимо; и въ Исторіи Черной Горы нѣтъ даже слѣдовъ, абы они когда либо Туркамъ дащ платили; сказано только, що города, въ которыхъ не могли остоятися, уступали одинъ за другимъ магометанскимъ наездникамъ, которые во время княженія Дюряда Черноевича такъ ихъ уже обсадили, що Дюрядъ принужденъ былъ отдать власть свою Митрополиту. Тотже Дюрядъ оставилъ ему и державную печать съ двома орлами, котора до нынѣ сохраняется у Черногорцевъ.

Князья владѣвшіи во время Сербского Царства, правили Черною Горю и ея областями 127. лѣтъ по битвѣ на Косовомъ полѣ супокійно. Турки отнимали вправдѣ то одну часть ихъ края то другую, но Черная Гора оставала для нихъ пріютомъ, на которую Турки долго еще не отважались нападати.

Въ г. 1450 палили Турки въ битвѣ на Ченовскомъ полѣ брата Иванова, Петра Черноевича, неопытного и слабого молодца. Онъ потурчился и потомки его владѣли

въ Альбании и шьли столицу въ Скадаръ до г. 1834. Тойже самъ Петро, борючись почти всю жизнь со своими соплеменниками, отправился въ старости своей яко Турокъ въ году 1522. когда княжеская власть Черной Горы перешла въ руки тамошнихъ Владыкъ, на Черную Гору съ тѣмъ намѣреніемъ, абы край тотъ яко свое наслѣдіе себѣ покорити и причлудити его къ своимъ областямъ. Однакожь не много скорысталъ онъ въ селъ походъ, занявши только незначительнѣи части Черной Горы.

Продолженіе слѣдуетъ.

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Единимъ еще утѣшеніемъ для моеи родины была теперь тая мысль, що може вѣсть о несчастіи нашемъ злонамѣренно выдуманна или розголошена съ пересадю; вскорѣ однакожь получили мы письмо съ города отъ одного съ нашихъ друзей, которымъ подтвердилось все несчастное оно приключеніе.

Для мене самого убытокъ имѣнія былъ дѣломъ дуже маловажнымъ, и только мысль о моеи родинѣ, угроженной бѣдностію во будущемъ, — о родинѣ, котора не пользовалась даже тѣмъ высшимъ просвѣщеніемъ ума, для когото не такъ болестною бываетъ утрата благъ вещественныхъ, не такъ болестнымъ презрѣніе холодного свѣта, — тая мысль наполняла сердце мое великою скорбію.

Почти двѣ недѣль прошло, закымъ покусился я печаль ихъ словами усмирят: боялся бо, щобы посвѣшными мои утѣшенія не умножали тѣмъ больше ихъ горести. Въ тоже

время раздумывалъ я надъ средствами, якими бы можно было ущербъ сей хотя отъ части исправити; наконецъ посовѣтовали менѣ друзья мои податись на одно упрямное тогда и весьма выгодное приходское мѣстце, о десять миль отъ Романовки отдаленное, сирѣчь на село Соломянку. Подавшись, получалъ я оное безъ великихъ трудностей.

Передъ выездомъ нашимъ съ Романовки, занимался я обчисленіемъ всего моего движимаго и недвижимаго имѣнія, которого по сплаченіи долговъ не было выше цѣны трехъ сотъ червонцовъ. Для того головою для мене задачею было теперь, усмирят гордость родины моеи о столько, о сколько неприятныи обстоятельство къ тому насъ принуждали. Зналъ бо я, що горделивая бѣдностію то крайнее несчастье. „Вы пересвѣдитесь, мои дѣти, говоритъ я, що ніякъ не могли мы отвратити отъ себе непредвидимое злополучіе: можемъ однакожь во многомъ заповѣгчи его слѣдствіямъ. Мы теперь бѣдны, и розсудокъ повелѣваетъ жити соотвѣтно нашему состоянію. Для того откажмса безъ горести отъ вѣшнаго блеску, въ которомъ такъ многіи бывають несчастливими, и въ лихихъ обстоятельствахъ нашихъ да ищемъ лучше того внутреннаго супокою, въ которомъ всякіи счастливымъ бити можетъ. Тажъ убогіи люди живутъ весело и безъ нашої помочи, чемужь не жити бы намъ такъ само? Дѣти мои любезныи, съ тѣхъ поръ оставимъ всякіи покушенія на выставное житѣе, довольно еще осталось намъ на тое, абы бити счастливыми, если только не опуститъ насъ розумъ; и где не достанетъ намъ средствъ вещественныхъ, тамъ да пособитъ намъ руское наше сердце и веселое радушіе.”

Вскорѣ сближился день, въ которомъ шьли мы розстатись — Богъ знаетъ, на

якое время, а може на всегда розстатись съ найстаршимъ нашимъ сыномъ. Розлука съ друзьями и сродными есть однимъ съ найгорестнѣйшихъ случаевъ въ жизни людей убогихъ. Для богатыхъ не бываетъ она столь болестною, бо они рѣдко принуждены розлучатись на долгое время. Во преки бѣдакъ не находя содержанія въ отеческой хатѣ, уже скоро опускаетъ ю съ болестнымъ сердцемъ — на долго — можетъ и на вѣки! Попрощавшись съ матерью и прочими родными, которыи съ слезами прильнули къ груди любезного брата, приступилъ сынъ мой къ мнѣ и просилъ благословенія. Изъ глубины сердца благословилъ я его и словы и слезами; се благословеніе, сіи слезы и два червонцы. — вотъ все приданное, якимъ могъ я теперь его надѣлать. И къ отходящему сказалъ я трогательнымъ голосомъ: „Вдешь теперь, сыну мой, въ свѣтъ широкіи нескати самобытной доли; гдѣ и возьми на дорогу слова твоего дѣда, сказанныи менѣ при такомъ же случаѣ: *„Я былъ молодъ и состарился и никогда не видѣлъ, дабы праведный человекъ лишенъ былъ всякой помощи, или дабы семья его ходила за милостынями хлѣбомъ.“*” Та мысль да будетъ тебѣ утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ на жизненной пути, да будетъ она тебѣ всегда и всюду сопутною звездою! Иди съ бодрымъ духомъ прямою дорогою, и якъ бы ни велось тебѣ въ житіи, не унывай, а трудись — и прїѣдь до насъ свиданія ради хоть одинъ разъ въ году. Такъ съ Богомъ сыну! — прощай, прощай!” И онъ повхалъ, — въ родимой хижѣ оставилъ жаль, тугу и слезы!

Пересвѣдченъ о высокихъ его дарованіяхъ и благородномъ сердцѣ, я не печалился чрезмѣрно тѣмъ, що выславъ его безъ всякихъ почти пособій въ неизвѣстную путь жизни; къ тому зналъ я наилучше, що будъ

въ счастью будъ въ бѣдѣ, онъ ролю свою отограетъ съ честію.

Въ нѣсколько дней по его отъѣздѣ стали мы думать о нашемъ переселеніи, которое и наступило въ двѣ недѣли по Великодніи. Прощалье съ сосѣдами, съ которыми столько веселыхъ часовъ прожили мы въ Романовцѣ, не обошлось безъ слезъ и сердечного жалю; самыи даже твердого нрава люди не могли ихъ уганити. Десятимильная просторонь, якую надобно намъ было переѣхать, смущала особенно мои дѣти, которыи доселѣ едва на четыре мили отдалялись отъ Романовки. Волли сиротъ и убогихъ людей, сопутствовавшихъ намъ почти цѣлу милю за Романовкою, не причинялись во все къ тому, щобы смущеніе оно розсытти.

Первого дня совершили мы половину нашей дороги, и захвали на ночь до неоканчанои корчмы, стоящей неподалеку маленького села. Жидъ корчмарь завелъ насъ въ особенную комнату, где розгостившись, стали мы распытывать свѣдущаго еврея про стороны, въ которыи ѣдемъ и про будущихъ сосѣдъ. На тѣи вопросы зналъ онъ весьма подробно отвѣчати, именно же описалъ онъ будущаго моего властелина, яко человека, для котораго нѣтъ въ свѣтъ иныхъ заботъ кромѣ собственныхъ увеселеній, и который лихо слыветъ своею пристрастною склонностію къ женскому полу. „Нѣтъ майже дѣвчины такой” говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ, „котора опертись бы могла его ласкательнымъ словамъ и кознямъ; и на нѣсколько миль вокругъ рѣдко уже найти такой, котору бы онъ не проѣзстилъ и послѣ не оставилъ на леду.” Хотя вѣсть та не мало мене поразила, во все однакожь не такъ подѣйствовала на мою жену, котора столь же много полагала на добрый нравъ своихъ дѣтей, сколько и на

силу ихъ прелестей. Межи тѣмъ, вбѣгла до насъ корчмарка и розказала мужу, будто молодой Панъ, который отъ вчера у нихъ обѣдѣетъ, хочетъ отъѣзжати не заплативши за постой, понеже, кажетъ онъ, не имѣю при себѣ ни слоканного гроша. „Якъ то не имѣетъ гроша!“ воскликнулъ корчмаръ. „якъ то не имѣетъ гроша! я самъ видѣлъ вчера, якъ подалъ онъ убогому цѣлого сороковца, и приказалъ ему за то купити новую шапку.“ Когда однакожь корчмарка повторила вызнание молодого Пана, а озлобленный корчмаръ спѣшилъ уже къ дверямъ, тогда заступилъ я ему дорогу и попросилъ его, чтобы зазнакомилъ мене съ тѣмъ чоловѣкомъ Паномъ, который по сказанію самого корчмара казался быти добродѣтельнымъ чоловѣкомъ. Сему не противился онъ и вскорѣ потомъ привелъ въ нашу комнату чоловѣка, не больше двадцати пяти лѣтъ числящаго, одѣтого въ черное платье, которое хотя сношено, показывало, що молодецъ сей принадлежалъ къ высшему сословію. Онъ былъ хорошъ собою, и лице его являло мыслящаго чоловѣка. Розговоръ его былъ рѣзкій; въ обхожденіи не заховывалъ онъ свѣтскихъ церемоній, будь съ несвѣдомости, будь съ презрѣнія днѣхъ.

Когда корчмаръ вышелъ изъ комнаты, не могъ я воздержатись отъ того, чтобы не изъявити молодцу свое сожалѣніе надъ его неутѣшнымъ положеніемъ; къ тому объявилъ ему, що гроши мои радъ подѣлюсь съ нимъ. „Съ охотою принимаю я ваше предложеніе.“ сказалъ онъ. „и дуже радуюсь, що моя легкомысленность, съ якую посбивался моихъ грошей, подала менѣ случай удостовѣритись, що суть еще въ свѣтъ благородныи люди, въ которыхъ числѣ и Вы, честный Отче. Межь тѣмъ хотѣлъ бы я узнати имя и мѣсто пребыванія мо-

его добродѣтеля, егоче должникомъ я сталъ отъ той поры.“ Я удовлетворилъ его желанію, извѣщая ему не только имя и приключившееся менѣ нещастіе, но и мѣстце моего пребыванія. „Ахъ, тожь лучше вѣдется менѣ, нежели якъ самъ того надѣялся.“ воскликнулъ онъ, „я бо тоуже ѣду дорогою. Возбранная рѣка не дозволяла менѣ черезъ два дни путь продолжати; нынѣ однакожь, якъ довѣдался я, упала она о столько, що можемъ завтра ѣхати разомъ дальше.“ Я увѣрилъ его, що милымъ менѣ будетъ его товарищество, и просилъ умильно, дабы ѣлъ съ нами вечеру. Онъ согласился на тое только тогда, коли сіеже запрошеніе повторилъ жена и мои дѣвчата. Розговоръ его ставался такъ пріятнымъ, що слушалъ бы я былъ его до поздней ночи, кобы не помнилъ на тое, що нынѣшнимъ сномя надобно покрѣпити силы къ завтрашнимъ трудамъ.

Съ утра пустились мы разомъ въ дорогу. Моя родина ѣхала трема брычками, однакожь такъ, що въ третьей наибольше отягощенной сидѣла только Амалия съ маленькимъ извощикомъ. Я же и господинъ Раевичъ, пріятель нашъ отъ вчера, ѣхали за ними верхомъ. Хотя зналъ я, що така ѣзда моя не совсѣмъ отвѣчаетъ рускому обычаю; но бывши уже съ юности самымъ пристрастнымъ охотникомъ до такой ѣзды, къ тому уважая на молодого друга, которого скучно менѣ было оставити самого и которого бесѣда менѣ такъ понравилась, рѣшилъ я сопутствовать ему на моемъ ворономъ. Съ радостію узналъ я на пути, що Раевичъ занимается прилѣжно и рускою словесностью; мы говорили о всѣхъ ея корифеяхъ, начавъ отъ Нестора и слѣдуя даже до Котляревского, которого то послѣднего онъ умно защищалъ противъ моихъ нападеній. Менѣ то дуже понравилось, що

онъ, хотя мой должникъ, не отрекался предъ мною своего мнѣнія.

Иногда розсказывалъ мнѣ снова про окрестныя селенія, мимо которыхъ или близъ которыхъ мы проезжали. „Вотъ дворецъ.“ говорилъ онъ, всказывая на хорошій дворъ, принадлежащій теперь Пану Долинскому, властелину вашего прихода Соломянки.” Желая где-то больше дознаться о будущемъ властелинѣ, сталъ я выпытываться г. Раевича про его нравы, житье-бытье и про его обхождение съ народомъ; хотя бы говорилъ мнѣ много о немъ непотышного корчмаря на послѣднемъ ночлягу, но все таки не доверялъ я признаніямъ честнаго еврея. По нѣякомъ размышленіи сталъ говорить мой спутникъ: „Панъ Долинскій богатый властелинъ, кажется однакожь, что иицъ не на долго уже будетъ; о добра бо его ведется больше дванадцать лѣтъ великая тяжба, которая три раза рѣшаема была во пользу его противника; но онъ подалъ еще до найвысшей инстанціи, для того власть его можетъ продолжаться еще пайдалѣй два года. Онъ самъ знаетъ о томъ добре, и для того приходы свои рсточаетъ на собственныхъ или тѣхъ людей увеселенія: которы лстятъ его сам олюбію. Житье его не отличается благоправіемъ; въ общежитіи бываетъ онъ обыкновенно солодкій, но се иицетъ свои причины; для простаго же народа онъ безмилосердный.” Такии образъ моего властелина опечалилъ мене надсвычайно. Имѣя однакожь нѣкую надежду, що по увѣренію моего спутника, власть его не потреваеть долго, хотѣлъ я узнати еще гдѣшо про его наследника. „Наслѣдникъ его или лучше правый властитель сихъ добръ скитался черезъ 12. лѣтъ по далекихъ краяхъ. Во время скиталческой жизни познавалъ онъ свѣтъ и людей и удостоиврился: що между ними не много добрыхъ, а еще менше счастливыхъ, що при-

чною жалкихъ отношеній въ ихъ жизни бываетъ иногда недостатокъ полнѣйшаго просвѣщенія. найчастіе же самолюбіе; шо истинное счастье состоитъ въ доброй совѣсти и въ удовольствіи при иярныхъ средствахъ. Набывши такого убѣжденія, опустилъ онъ чужин стороны, вернулъ въ отечество и весь предался трудамъ во области исторіи и словесности словенской. Если же Господь Богъ подалъ бы ему большіи средства, которы выдерты ему неправостию, онъ употреблялъ бы ихъ только къ добру отечества и того народа, котораго любить всею душою и всѣмъ сердцемъ.” Получивши столь прекрасное изобразеніе втораго моего властелина, я такъ возрадовался, шо въ забытіи едва не упалъ съ вороного.

Когда такимъ образомъ занимались мы симъ любопытнымъ разговоромъ, ударилъ насъ нежданно ужасный крикъ моей Амаліи, котору сполошеними коня уносили съ горы по бездорожію и прямо гнали къ возбранной рѣцѣ. Едва могъ я опамятатись отъ печальнаго впечатлѣнія; уже Раевичъ стрѣлюю пустился на своемъ буланомъ и въ одинъ мигъ догнавши полохихъ коней, обернулъ своимъ поперѣдъ нихъ и ухвативши счастливымъ случаемъ за узды, принудилъ ихъ остановитись на мѣстѣ. Я поспѣшилъ за иицъ на ворономъ, прочіи же члены моей родины, вхавши въ переднихъ брычкахъ, сбѣглись чѣмъ скорше на мѣстѣ спасенія любимой Амаліи, и видячи ю и неосторожнаго извозчика неповрежденными, благодарили Бога и молодого друга, который съ пренебреженіемъ собственной жизни спасъ двое людей отъ очевидной гибели. Шо чувствовала тогда Амалія, тое не дастся описати словами, она благодарила своего избавителя воззрѣнемъ, въ которомъ созерцались всѣ иижны чувства благороднаго срдца, и когда Раевичъ приблизился къ

ней, приклонилась она на его рамя, якъ бы еще требовала его помочи.

Продолженіе слѣдуетъ.

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ

Закъвъ станемъ говорити о томъ, якъ Черногорцы борются, познакомимъ прежде ч. читателей нашихъ не много близше съ географическимъ мѣстоположеніемъ Черной Горы. И такъ границы ей окружены отъ сѣвера, востока и юга турецкими областями: Герцоговиною, Альбаніею и Босніею; отъ запада австрійскою Далматіею. Весь край обсягающій только 65 квадратныхъ миль, раздѣленъ на 2 головныя части: Черногору и Бердо (Верховины), тѣмъ снова на 8 нагій (областей), по 4 на каждую. Наибольшая изъ всѣхъ нагій есть нагія Катунска, въ которой лежитъ престольный городъ Цетинье. Кругомъ цѣлого краю стоятъ великанскіи горы и допускають легшій приступъ до него только изъ семи сторонъ, именно на юго-востоцѣ отъ турецкой крѣпости Жаблякъ, откуда тянется единственная большая дорога черногорскимъ краемъ черезъ Негушь и Цетинье ажъ до Котору, лежащаго на югозападной границѣ. Главная рѣка есть пограничная Морача, которая пріявши въ себе Зету и Ситницу съ черныхъ горъ втекаетъ въ скадерское озеро. Путешествіе по краѣ семъ отбывается ради великихъ горъ будь пѣшки, будь на маломъ словинскимъ конику. Единственный на европейскій ладъ сбудованный городъ есть Негушь; престольный же городъ Цетинье, въ которомъ кромѣ княжескаго дворца находится еще только 10 иныхъ домовъ. Всѣхъ жителей счтается до 120,000 душъ обоего пола, и тѣмъ подѣлены на 39

племенъ. Каждое племя имѣетъ въ одной изъ нагій особый свой округъ.

Постояннаго войска не имѣють Черногорцы; но каждый кто только силенъ мечъ подвигнути, во время нужды не исключая даже женщинъ, беретъ за оружіе; изнѣженность уважается за наибольшій стыдъ. Обыкновенно считается однакожь до 20,000 воинныхъ людей. Оружіемъ ихъ есть: ганджаръ (великій ножъ), два пистолеты, стрѣльба 3 — 6 стопъ долгая, наконецъ калитка на порохъ. На челѣ ихъ стоитъ 8 сердаровъ или полковниковъ съ прапорчиками (баряктарами), которыхъ въ опасное время, востраиваютъ на какомъ холмѣ прапоръ (хоругвь) и тѣмъ знакомъ зываютъ вооруженныхъ мужей, въ окрестности находящихся. Если Турокъ намѣряетъ вторгнути въ черногорскіи предѣлы, поспѣшаютъ всѣ мужи къ тому мѣстцу, откуда грозитъ опасность. Турки ступаютъ обыкновенно въ двоихъ отрядахъ и то сперва такъ, же мадигого недосягнуть черногорскіи кули; когда однакожь сближаются къ горамъ, острѣвываютъ ихъ Черногорцы со всѣхъ сторонъ, причаиваясь то въ ущелинхъ скаль то за деревомъ или въ гущахъ, въ которомъ то случаѣ закидаютъ они фезы свои (червоныи шапки) на вѣтви выстихъ деревъ, такъ же Турокъ стрѣля въ шапку, думаетъ же вцѣмилъ въ голову. Турки ударяють обыкновенно съ наибольшою яростию на горянъ; що угодно бывасть Черногорцамъ понеже любятъ такую борьбу, где мужъ на мужа бьетъ изъ близка. Тогда начинается ужасная битва. Тутъ нѣтъ отпочинку, нѣтъ помилованья; увидить ли Черногорець упадающаго Турка, прискочитъ къ нему стрѣлою и отрѣзуетъ голову. Своихъ же раненыхъ или мертвыхъ уносятъ Черногорцы чѣмъ скорше съ поля битвы; абы не допустити Туркамъ, такимъ

же способомъ утинати головы упавшимъ Черногорцамъ. Головы Турковъ несутъ они потому яко найдорожшій добытокъ до княжеской столицѣ въ Цетинѣ, где вѣшаютъ ихъ на башни. Одна съ найяростнѣйшихъ битвъ яку когда либо Черногорцы имѣли съ Турками, была въ 1708.

Конецъ слѣдуетъ.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Прибавительно къ мозгу донесенію первому о печатаемыхъ книгахъ въ Вѣднѣ поспѣшаю еще съ одною вѣстію, що Христоматія для вышней Гимназіи составлена Вч. Г. Профессоромъ Головацкимъ будетъ принята В. Министерствомъ просвѣщенія. Такожъ чути, що и Грамматика для школъ нормальныхъ сочинена симъ трудолюбивымъ мужемъ уже одобрена. Всѣ тѣшимся тѣмъ, ибо знаемъ, що Вч. Г. Головацкій своимъ глубокимъ знаніемъ нашего языка, удовлетворитъ достойно всемъ ожиданіямъ. Въ концѣ мѣсяца и говъ донести, яко и рускій Букварь Всеч. Г. І. Кульчицкого министерство одобрило, и яко здѣсь сими днями начнется уже печатати первый листъ. —

Вѣднѣ Р.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

— Яко довѣдуемъ, собираетъ многоученый Г. Шамбера профессоръ чешского языка въ Вѣднѣ старинныя историческія и топографическія матеріалы, изъ которыхъ нахѣтятъ доказати, що первобытными жителями чешско-словенскихъ краевъ были Словене, яко о томъ свидѣтельствуютъ Пражскій летописецъ Косма и нашъ Несторъ; а не Кельты и Нѣмцы, яко то утверждаютъ новѣйшіи писатели, слѣдующіи свидѣтельству Римлянъ и Нѣмцевъ.

— Господинъ И. Р. властитель добръ въ Баголинѣ въ Угорщинѣ подалъ по причинѣ злопамятного приключенія, сбывшагося дня 18 февр. с. г. въ Вѣднѣ сіе разумное предложеніе: абы добровольными жертвами заводили по всей Угорщинѣ „сѣмелища для воспитанія учителей народа;“ понеже только черезъ доброе воспитаніе народа запобѣжится подобнымъ огненнымъ слѣдствіямъ во будущемъ.

— Яко высокую надгороду нужно давати лѣкарямъ въ Калифорніи, видно изъ того що ни одинъ лѣкаръ не посѣтитъ больного скорше поки тотъ же не заплатитъ ему 12 долларовъ (долляръ стоитъ 2 р. 6кр. ср.); за посѣщеніе въ ночи платится 100, за хирургическую операцію 1000 долларовъ!

— Годъ 1852 похлятилъ соплеменникамъ нашимъ Чехамъ двоихъ кайзнакомитшихъ поетовъ. Въ началѣ года умеръ І. Коляръ, при концѣ Фр. Челяковский. Память сего послѣднего повинна бы дорогою быти и для Русиновъ. Не говоря о многихъ его сочиненіяхъ чешскихъ, скажемъ только що онъ написалъ „Мудрословіе славянского народа въ проповѣдкахъ,“ гдѣ глубокоумно разобралъ такожъ народныя рускія поговорки и познакомилъ съ ними близше своихъ соотечественниковъ. Къ тому составилъ онъ прекрасное поетическое дѣлце подъ заглавіемъ „Отголосъ пѣсень русскихъ“ межъ которыхъ есть нѣсколько удачныхъ подражаній думъ и пѣсень малорусскихъ. Для сохраненія памяти Челяковского препоручило корол. Общество Наукъ въ Прагѣ Дру. Гауцшу, абы составилъ его жизнеописаніе, по которой то причинѣ др. Гауцшъ собираетъ всѣ событія, касающіяся жизни безсмертнаго пѣвца.

— Въ концѣ года 1851 имѣла Чешская Матица 3,690 членовъ и 107 громадъ, или обществъ. Для того всякое сочиненіе надобно было печатати тогда въ 5 000 экземплярахъ. Въ томъ же 1851 году прибыло до Матицной кассы 16,774 рс. 55. кр. ср.

— Въ началѣ минувшаго года выходило въ Австріи 50 славянскихъ часописей, однакожъ въ теченіи года перестали нѣкоторые изъ нихъ существовати такъ що при концѣ 1852. года было ихъ только 43 Съ новымъ 1853 годомъ выйдуть въ Австрію — вчисляя къ тому и нашу не много опозненую Зору 38 славянскихъ часописей. —

— Въ Франціи выйдуть современно — не вчисляя къ тому Парижъ — 300 политическихъ часописей. Съ тѣхъ похѣстило 250 занимательную повѣсть Американки Генриеты Стове подъ заглавіемъ „Хижна стрія Фомы.“ Бсть то новая повѣсть, которая удостоилась всеобщихъ похвалъ и дѣлать нынѣ почти такое же впечатлѣніе, яко нѣкогда „Вѣчный жидъ“ Евгения Си. Со временемъ поговоримъ и мы о ней больше.

— Весною с. г. начнеть печататися въ Стрѣлянцяхъ въ Мекленбургскомъ княжествѣ, пространное сочиненіе І. Коляра подъ заглавіемъ „О ретранскихъ

старожитностей" Оно написано въ немецкомъ языкѣ и будетъ обнимать изображенія всѣхъ въ Петрѣ изобрѣтенныхъ божищъ славянскихъ. Дѣло тогоже сочинителя „Старо Италия славянская" печатается современно коштомъ ц. к. Академіи Наукъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

Якъ розсылати овощи въ дальшую дорогу?
Два головныя условія, которыхъ при посылкѣ овощей въ дальшую дорогу наблюдать нужно, суть, абы къ обложенію ихъ не употреблялись мокрыя вещества а потомъ такім, которыми вредити бы могла пригодной вони овощей. Найлучшее къ тому средство есть *дробнекій, чистый, сухой пѣсокъ*, которымъ овощи обсыпываются повинны въ такой способъ: на двѣ бочки, опредѣленной для ихъ посылки, насыплется верства чистого пѣску, потомъ верства овощей, которыя засыпуются пѣскомъ такъ, абы не было между овощами порожнихъ мѣстцъ: потомъ слѣдуетъ новая верства овощей и снова верства пѣску и т. д. ажъ пока не наполнится бочка: послѣднюю верству въ горѣ занимаетъ также пѣсокъ, бочку же потреба добре покрыти вѣкомъ. Такъ посылаются овощи съ южныхъ сторонъ Россіи до Петрограда, куда и въ тамошней зимѣ приходятъ они такъ свѣжи и красны, якъ бы не давно снятыи съ дерева. Въ недостатку добраго пѣску можна употребити *сырку съ пшеничномъ соломы*, добре высушеную, котора и наименьше мокроты стаетъ въ себе изъ воздуха и не отбираетъ овощамъ пріятной вони: Къ тойже цѣли *можно* уживати не совѣтуемъ, для того, же прородною своєю мокротою вредитъ овощамъ и надаетъ имъ вонь силѣннѣе. Когдаже овощи посылаются въ паперѣ, да изберецца къ тому паперѣ чистый, незаписанный или непечатанный, понеже чернило потомъ растаиваетъ и вредитъ овощамъ.

— *Золото въ Австраліи и Калифорніи.* О приобращеніи золота въ тѣхъ двохъ краяхъ сообщаютъ почти всѣ часописы дуже занимательныя извѣстія. Количество добываемаго золота помнажается, особливо въ Австраліи съ дня на день чрезвычайно. Съ Австраліи пишутъ, що если оно и дальше будетъ такъ само помнажаться, то *ежемедельно* прибавитъ до 20 миліоновъ золота. Наибольшую користь имѣетъ при той способности Англія. Якин же будутъ изъ того слѣдства? — Англичане радуются, а отъ части такожъ боятся. Первое слѣдство есть

що цѣна золота упадетъ, и тое уже частію наступило; бо дукаты не стоятъ уже нынѣ такъ высоко якъ стояли въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Другое слѣдство будетъ, що Англія возростетъ, хоть бы на нѣкое время, и укрѣпитъ свои силы. Приобрѣтѣ сего имѣемъ на средновеѣчной Ишпаніи. Передъ тремя, четырма ста лѣты, когда изобрѣтено Америку и когда Ишпанцы съ оттаемъ множество золота и серебра получали, возмоглась Ишпанія въ короткомъ времени такъ, що стала тогда найсильнѣйшою державою въ Европѣ. Но сіе великое богатство принесло потомъ Ишпаніи вредъ и упадокъ. Въ слѣдствіе своего богатства Ишпанцы злѣнивились; все стремилось лишь до Америки и каждый хотѣлъ легкимъ способомъ, безъ труда сбогатитися. Тѣмъ дѣломъ уменьшался народъ, упалъ и упадетъ даже до нынѣ. О Ишпанцахъ мало нынѣ чутя. Ихъ можно бы нынѣ сровнати съ тѣмъ паннчѣмъ, который ростили имѣнне родичей и оставилъ себѣ только хорошее платье, абы могъ въ чемъ свѣту показатися; но свѣтъ уже на него не уважаетъ. До сихъ поръ находится въ Ишпаніи много областей, въ которыхъ на нѣсколько миль не встрѣтишь ни кусень зоранного поля. А однакожь были тѣ области передъ 5 сотъ лѣты богато заселены, и хорошо обдѣланы. Такія то бывають слѣдствія, если народъ скоро, легкимъ способомъ сбогатѣетъ! *Легко прійшло, легко розойдется* Такому богатству нѣтъ благословенія изъ Выше. Въ прочее, якъ послужитъ Англичанамъ новое сіе приобращеніе богатства, о томъ еще не знаемъ, кажется однакожь, що лучше Англичане то народъ трудолюбивый, который не такъ скоро злѣниветъ. Наконецъ австральское золото подаетъ великую выгоду англійскимъ виробникамъ. Когда бо много изъ нихъ достаются на корабляхъ до Австраліи, уменьшается число рабочихъ рукъ въ Англіи, и въ слѣдствіе того принуждены промысленики и фабриканты лучше платити оставшимся въ краю виробникамъ, абы и тіи не порозбѣгались отъ нихъ за золотыми горами."

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія Церковная новаго завета написана Андрей Балудинскій въ лицѣ Угрозградскаго Исторіи и права церковнаго учителя, и кафедральнаго церкви Мукачевскаго каноника Изданіе третое исправленное и умноженное. Въ Вильнѣ 1852. Издательство Неана Ф. Головацкаго. Типомъ П. Ш. Оо. Мезитаристовъ. Продаются по лавочной цѣнѣ 4 ренскихъ м. к.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ТАЙНА

Я не вздыхаю, и не плачу,
А только слѣжусь иногда;
Уста жь мол. лице и очи
Не скажутъ тайны никогда.

Она и страшны всѣ мученья
На днѣ души моей джгать;
Хоть излитись хочеть сердце,
Но все уста мол. молчать.

Спроси дитину въ колыбели,
Спроси гробовъ, спроси могилъ:
Такъ, чей они тебѣ розскажутъ,
Что все предъ тобою я крыль.

ПОЕТЪ

На Руси пѣвчихъ осемь сотъ,
(А можетъ даже больше ихъ),
Которы поюгъ изъ ногъ:
Я самъ зналъ шездьдесятъ такихъ.
Но я такого зналъ пѣвца,
Кой безъ начала, безъ конца,
И безъ розборовъ, безъ розчетовъ
Прекрасно пѣлъ съ чужихъ постовъ,
Или изъ стороннихъ газетъ.
Всѣ говорили: „то Поеть!“

КЪ ГОРОЖАНЦЪ.

Люблю твои прекрасныя взоры,
Твои насѣшки и укоры,
И серденько твое люблю,
И польску бесѣду твою.

Да, ты совѣтъ така дѣвица,
Якой мнѣ Русь, ни загравица
Не дастъ: во мнѣ - жь найшла и ты
Предметъ своей любви. мечты.

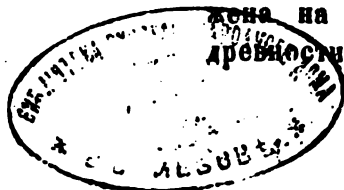
Ты мною самодержно правишь:
И иногда полюбишь таймо,
И. ушастливншь, и забавншь —
Погодъ измѣнншь, — икъ звычайно!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦЪ.

(Продолженіе.)

Икъ цвѣты вянутъ люди, и оставляють
только по собѣ дѣла, котры вѣчно живутъ, и
благодарность потомности собирають. И нашъ
Константинъ. изнуренный многими трудами
предчувствовалъ свою кончину и облекся въ
иноческіи ризы и принялъ въ Римѣ имя Ки-
рилла. Не долго по тому, минуло пятьде-
сять дней онъ скончался въ сорокъ и двохъ
лѣтахъ своего житія 14 Февраля 869. го-
да. Еще и теперь находится въ Римѣ цер-
ковь св. Климента хранящая его мощи пре-
несенны Кирилломъ. Тая церковь располо-
жена на три части, и все говоритъ о ея
древности. Ту покоются и нетлѣнны остан-

ки Первоучителя нашего письма, св. Кирилла, которому мы обязаны разумнымъ Словомъ Варь. — якобы задогомъ що колись весь племена соединятся въ одно стадо подь правленіемъ правдивого наследника святого первоверховного Апостола Петра, о чейъ неперастаетъ ежедневно наша святая гр. к. церковь молитися. Передь своею смертію напоминалъ святой Кириллъ своего брата, абы неоставлялъ дѣла начатого у Словенъ: „Мы съ тобою,“ говорилъ онъ, „якъ чета воловъ взрывали одну борозду. Я кончилъ свой дѣсь и надаю на лехъ (градцъ). А ты любишь гору, не покидай ради своего Олипа, нашего ученія, которымъ спасенся.“ Мееодій исполнилъ завѣщаніе брата.

Труды Славянскихъ Апостоловъ розошлися борзо по Славянскихъ краяхъ Коцель. Князь части Моравіи лежащои за Дунаемъ посылаетъ пословъ къ Папѣ съ просьбою отслушати Мееодія. Адрианъ отвѣчалъ: „Не тобъ одному но и всѣмъ тымъ Словенскимъ сторонамъ посылаю учителя отъ Бога и отъ святого Апостола Петра“ Въ своемъ письмѣ къ Моравскимъ Князьямъ, Адрианъ прибавилъ щобы святое Евангеліе читалося впередь по Латини а потомъ по Славянски.

Мееодій повернулся въ Моравію въ самы бурныи времена войнъ меже Ростиславомъ и Святополкомъ (869 — 870). Въ мирной землѣ онъ продолжалъ дѣйствовать, вводилъ Словенскую литургію. Коли кончилась Моравская война, Мееодій въ 873 году крестилъ Чешского Князя Буривоа. Словенская литургія любезная народу, быстро розширялася въ сосѣднихъ сторонахъ въ Хорватіи, Сербіи, Чехахъ, Польшѣ и дальше.

Было время, коли все наши соплеменники, разомъ съ нами въ Варѣ составляли одно и колись тымъ самымъ языкомъ; ко-

трымъ мы теперь молимся. Только недавно ученые розгадали туя духовную связь, соединяющую въ началъ весь племена Словенскіи. Но предки наши хранили о томъ всегдашнюю память. Въ одной русской рукописи 1494 года читаемъ: „Еще посланъ бысть Константинъ въ Мораву Михаиломъ Царемъ Моравскому князю, просившу философа, и тамо шедъ научи Мораву и Ляхи и Чехи и прочая языки и въру православную утверди въ нихъ, и книги написа имъ Рускымъ гласомъ и добре научивъ.“ —

Последныи годы жизни Мееодія были все омраченны. Его оклеветано предъ Римскимъ престоломъ, куда Іоанномъ VIII, наследникомъ Адриана, возванъ былъ къ отвѣту. Мееодій явился къ Іоанну, оправдался передъ наследникомъ св. Петра и снова спискалъ отъ него позволеніе служити обрядно въ языкъ народномъ.

Въ 800 году пишетъ тотъ самъ Папа Римскій Іоаннъ къ Святополку такъ: „Словенскіи письмена“ говоритъ онъ: „изобрѣтенныи нѣкиимъ Философомъ Константиномъ мы похваляемъ — Священное писаніе ведитъ не трома языками, но всема славити Господа; хвалите Господа всея языцы. Апостолы исполнясь Святого Духа, глаголали всеми языками величіе Божіе. Небесная труба Павелъ гремитъ въщая: всякъ языкъ да не повьсть, яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца, — и въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ ясно увѣщаваетъ насъ, да, глаголя языками, созиждемъ Церковь Божію Нищо не препятствуетъ здоровой въру и ученію спѣвати литургію въ Словенскомъ языкѣ, или читати святое Евангеліе или Божественныи поученія Нового и Ветхого Завьта, хорошо переведенными и истолкованныи, или все другии церковныи книги: ибо кто создалъ три головными языки: Еврейскій, Греческій и Латинскій, тотъ же сотворилъ и все прочии во

славу и хвалу Свою. — Одиакоже повелѣваемъ, що бы во всѣхъ церквѣхъ земли вашои, ради большои важности, Евангеліе читали въ Латинскомъ, а послѣ для нерозумѣющихъ переводили на Словенскій языкъ.”

Въ году 886, по иномъ въ Римъ, куда былъ призванъ, но вѣроятнѣе въ Велеградъ, скончался онъ, за три дни предсказавъ свою кончину и назначивши собою наместникомъ ученика своего Горазда. Такъ довершилъ онъ великое дѣло, начатое разомъ съ братомъ: — но не для того народа, среди которого дѣйствовалъ.

Межь прочими Словенами въ Болгаріи и Сербіи процвѣтало Словенское Богослуженіе трудами новыхъ подвижниковъ. Климентъ Епископъ Болгарскій, Григорій Иеромонахъ, и самъ Князь Симеонъ, сынъ крестившагося Бориса, переводили святыхъ Отцевъ: высокіи творенія Іоанна Златоуста, Анастасія Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, ставшіе доступны для народа въ языкъ словенскомъ. То продолжалось въ теченіи многихъ столѣтій; но въ послѣдствіи, у Болгаръ и у Сербовъ, распри ихъ съ Греками и вторженіе Турковъ, были причиною того, що книжны богатства не уцѣляли. Сохранити было предоставлено намъ, — и мы принимавши ихъ постоянно отъ нашихъ соплеменниковъ въ теченіи всей древней жизни, благодарно и вѣрно заховали, якъ для насъ самыхъ, такъ и для нихъ, той словесный памятникъ.

Всѣ извѣстія о введеніи Христіанства въ Русь можно принять за извѣстія, о расширеніи у насъ Словенскаго письма, потому, що Вѣра Христова не иначе дѣйствовала, якъ словомъ устнымъ и письменнымъ, и повсюду къ пародамъ необразованнымъ вносила съ собою письмо. Самъ отъ себе является вопросъ, якое было первоначальное нарѣчіе наибольше участвовавшее въ перево-

дѣ священныхъ книгъ? Несторъ говоритъ, що одно и тоже письмо у Руси и у Болгаръ Дунайскихъ. Шлецеръ съ якимъ то предчувствіемъ обернулъ вниманіе на тыи слова Нестора *). Добровскій назвалъ самое нарѣчіе Болгаро-Сербо-Македонскимъ, отдавши такимъ образомъ преимущество участія въ его образованіи Болгарскимъ Словенамъ. Новыи изслѣдованія Шафарика окончательно утвердили то же мнѣніе и оправдали слова летописца. Шафарикъ родною Церковного языка полагаетъ Словенію, которая занимала собою сѣверную часть Македоніи и прежней Мизіи, а въ послѣдствіи Болгаріи. Имя Болгаръ, народа — побѣдителя вытѣснило названіе Словеніи точно такъ якъ у насъ имя Русовъ пришельцевъ замѣнило Словенскіи именованія племенъ. То же древнее нарѣчіе должно было совершенно отличаться отъ средняго и новаго Болгарскаго.

Треба такожъ на то же памятовати, що многіи Словенскіи нарѣчія черезъ различныхъ ученыхъ, объявляли право на первое участіе въ языкъ церковномъ. Всѣ мнѣнія были ошибочными, но такожъ имѣли свое основаніе. Треба допустить, що Словено — церковно нарѣчіе первоначально образовавшееся грамматически у Словенъ Болгарскихъ, по мѣрѣ того якъ проникало къ другимъ племенамъ, подвергалось вліянію ихъ нарѣчій и собирало въ себе отдѣльныи черты ихъ. Такъ было во времена самыи первоначальныи, коли было единство Вѣры и слова. Въ томъ смыслѣ не совсѣмъ несправедливо думали тыи, которые почитали языкъ церковно Словенскій первоначальнымъ общимъ язы-

*) Слова Шлецера: „Болгарія, которую Несторъ именемъ означаетъ, теперь дуже мало намъ извѣстна; мы незнаемъ навітьъ Словено Болгарскаго нарѣчія. Можно надѣяться, що въ тамошнихъ монастыряхъ суть еще рукописи писанныи древнимъ Кирилловскимъ письмомъ.“

комъ, простораючи тое нѣнїе ажъ до того, що видѣли въ немъ источникъ всѣхъ нарѣчій Словенского языка, попадающіеся въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, по частямъ, словно обложки послѣ бури и наводненія, въ церковномъ все находятся разомъ и въ цѣлости. Такимъ образомъ представляетъ намъ Словено — Церковный языкъ избранный цвѣтъ всѣхъ Словенскихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое, во времена первоначальныя, внесло въ него хотя одну черту свою.

Про тое желательнымъ есть сравнительную Грамматику и такой Словарь Словенскихъ нарѣчій составить. Изслѣдованья нача-

лись у некоторыхъ Словенъ. Но у племенъ Словенскихъ движеніе въ науку неможетъ остаться отвлеченнымъ. Оно находитъ прекрасныя отголоски и въ жизни.

Словакъ среди Мадяровъ, спѣваетъ теперь грустно — торжественную пѣсню соединяючи съ нею воспоминанія о святомъ первоучителю Слова Божого Меѳодію. По пѣнямъ таа пѣснь древная; по другимъ сочиненна пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, коли возобновлена была наукою память великомъ минувшости. Она роздается и у Моравовъ, и у Чеховъ и у другихъ народовъ Словенскихъ. Отъ слѣдуетъ:

Нитра мила, Нитра, ты высока Нитра!
Кдѣже су те часы, въ которыхъ си ты квітла?
Нитра мила, Нитра ты Словенска мати!
Що позрѣмъ на тебе, мусимъ заплакати.
Ты си была вѣжды вишицкимъ краемъ главы,
Въ которыхъ тече Дунай, Висла и Морава;
Ты си была сидло краля Сватошлука,
Кедь ту пановала его мощна рука:
Ты си была свѣто мѣсто Методово,
Кедь ту нашимъ отцомъ казавъ Божье слово.
Вчлѣкѣ твоя слава въ тони скрыта лежи:
Такъ са часи мѣня, такъ тебѣ то свѣтъ бежи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

(Продолженіе)

Послѣ того захали мы до поблизкон корчмы, где отпочивши и съѣвши скромный обѣдъ попращалися честненько съ г. Раевичемъ, который обѣщавшися посѣтити насъ за недолгое время, отъ тонже корчмы въ лѣну пустился дорогу. Потомъ выѣхали и мы; въ третьей бричцѣ вѣхалъ теперь я съ женою и наименьшимъ сыномъ. На дорожъ открыла мѣнѣ жена, що Панъ Раевичъ дуже

ей понравился, и що, кобы былъ богатшій и достойного роду, она найсердечнѣйше желала бы наречи его своимъ зятземъ. Слышачи ю тако говорящую не могъ я сдержатись отъ смѣха; а таки признаюсь, никогда не былъ я непріятелемъ таковыхъ безвредныхъ обольщеній, которы не мало причиняются до нашего счастья.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новое наше жилище стояло на концѣ села не далеко приходской церкви, которая построена на значительной возвышенности, придавала всей околлицѣ нѣкую то печать благовѣнія. Село Соломянка пороз-

кидано то по горбкамъ близкихъ горъ; то по окрестной долинь, озвненное къ тому многими огородовыми деревьями, имѣло видъ дуже пріятный и привлекательный.

Увѣдомлены о моемъ пріѣздѣ прихожане собрались численно у камениого креста, стоящего на краю села при дорожѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на привѣтъ подати хлѣбъ-солъ новому приходнику. Одинъ поважный старикъ изъ числа собравшихъ, промовилъ при томъ случаѣ къ намъ нѣсколько похвально-словъ въ мнѣ горскою нарѣчію; я же отрекъ на то короткою бесѣдою, приводя нѣкоторые соотвѣтныя мѣста изъ священнаго писанія. Погомъ вхали мы медленно, сопровождаемъ сельскимъ народомъ въ прихожанское загородье, где мы при помочи добрыхъ людей заплняли нашими вещами порожнее жилище.

Въ нѣсколько дней присмотрѣлся я ближе всему приходскому обыстью и всей окрестности; прехорошій видъ показался мнѣ особливо съ горы, на которой стояла церковь; съ одной стороны розстелилось смиренное село; съ другой представлялась великая долина, прорѣзана шумящимъ ручьемъ, произтекающимъ изъ окрестныхъ Карпатскихъ горъ. Въ той долинь находилась моя поля и сѣножати, которыя всѣ могъ я изъ той горы обнять однимъ взрѣніемъ. Познакомившись съ мѣстоположеніемъ Соломячки, старался я потомъ познати и ея жителей.

Жихины того села, хотя весьма непоказны съ верху, но за то опрятны во внутрь; они мѣстили въ себя народъ богобоязливый, благонравный, довольный собою и малымъ своимъ господарствомъ; отдаленъ отъ большихъ городовъ, и не имѣя нужды посѣщати ихъ часто, переходилъ онъ въ чистотѣ добрыя природныя свойства души, откровенное, доврчивое, ко всѣмъ пріятное

сердце и языкъ свой найже въ большой неповредности, чѣмъ Подолане. Наймилшмъ его утѣшеніемъ здавалась быти невпнана, безъискусственная пѣсня или заунывная пригравка на сопѣльцѣ.

Якъ мило было мнѣ тутъ уже въ первыхъ дняхъ послѣ моего пріѣзда, когда для лучшаго познанія хлѣбородной земли прохаживаясь по полонинамъ или по долинь, слышалъ я съ розличныхъ сторонъ тужливый отгласы родныхъ нашихъ пѣсней! Тогда сѣдалъ я себя подъ конарыстымъ дубомъ или сумною березою и вслушиваясь въ соловкии звуки мимовольно вспоминалъ слова одного нѣмецкаго пѣвца:

Wo man singt, da setz' dich nieder;

Boese Menschen haben keine Lieder!

который то стихокъ мой сынъ Романко перевелъ въ послѣдніи вакаціи въ Романовцѣ слѣдующимъ образомъ:

Где поють, тамъ можешь отпочати;

Злыи люде не знаютъ спѣвати!

Такъ забавлялся я въ первыхъ дняхъ моего пребыванія въ Соломяцкѣ. Межи тѣмъ родина моя занималась исправленіемъ и пристроеніемъ нашей хаты. Дѣвчата украшали внутренныя стѣны хорошими образами, которыхъ было у мене, яко великаго ихъ любовника, цѣлая скриня. Жена пряталась въ пекарни, а хлопчики ставляли собѣ хатку въ садѣ.

Когда сталъ у насъ якій такій порядокъ въ хатѣ, старался я вовести давній ладъ въ ежедневныхъ нашихъ занятіяхъ. Вставши со всходомъ солнца съ постели, собирались мы въ первой большой комнатѣ на утреннюю молитву, по свершеніи которой ишелъ я вразѣ съ племянникомъ нашимъ Федоромъ, сопѣвчимъ церковнаго крилоса и сотрудиномъ домашнаго нашего господарства, до церкви, где ожидали насъ уже обыкновенно дякъ и панамаръ приход-

скій. По окончаніи Службы Божіей, которой присутствовало довольно побожного народа даже въ будни, возвращались мы домой съядати. Для съяданья опредѣлялъ я четверть, для объѣда полъ години; въ то время забавлялись мы самымъ веселымъ разговоромъ: дужалъ бо я всегда, що человекъ, наслаждаясь тѣмъ насущнымъ даромъ Божіимъ долженъ быти и сажъ веселый и веселити другихъ; и що къ тому объѣдъ, споживанный со скукою или печалью, бываетъ не вкусенъ и даже, по мнѣнію лѣкарей, вредливъ здоровію.

Со восходомъ солнца начинали, съ его западомъ кончили мы дневныи наши занятія. Вечеромъ съѣдали мы вокругъ стола и дѣвчата попеременно читали намъ будь духовныи, будь свѣтскіи сочиненія древной и новѣйшой словесности русской. Иногда зазѣжалъ до насъ вечеркомъ въ гостиню приходникъ съ Верховники, или кузь его, лѣсничій Пана Долниского, и подчивались останками славного Романовского меду. Тѣ оба сосѣди забавляли насъ своимъ веселымъ разговоромъ, или яко сыны романтическихъ верховинъ, прехоронимъ нѣніемъ въ двоємъ при содѣйствіи которой съ дѣвчаты, играющей на фортепянь. Послеъ вечера совершали мы вечернюю молитву; хлопчичи мои обязаны были при томъ читати нѣчто изъ руского молитвослова, и который изъ нихъ отличался добрымъ выразительнымъ чтеніемъ, получалъ еженедѣльно отъ мене и матери нагороду.

Такъ шло все по моимъ распорядженіямъ, и только въ Божію Недѣлю, когда я почти цѣлый день занятый былъ въ церкви, присвоила собѣ родина моя полное право распорядкати собою свободно. Всякому извѣстно, що женщина, хоть бы яка поважна и просвѣщенна, всегда таки имѣетъ большую якъ мы склонность къ мірской суетѣ,

къ блескоткамъ; всегда больше преданна желанію, приподобатися свѣту. Отъ того порока не были свободны ни мои дѣвчата, ни даже (про що скривати правду) — моя жена. Не разъ дуналъ я, що проповѣди мои противъ гордости и выставному житію навертнуть ихъ наконецъ къ смиренномудрію; но таки все замѣчалъ, що сердца ихъ любовались въ прикраскахъ давнѣйшихъ временъ, въ перстенькахъ, вѣтяжочкахъ и иныхъ ничтожныхъ блескоткахъ, оставшихся со дней минувшого нашего благосостоянія. Такъ и жена моя убиралась иногда въ праздничныи дни въ розовую сукню, для того понеже когда то — за давныхъ лѣтъ — сказалъ я былъ ей, що она лежитъ на ней дуже хорошо.

Уже первой Недѣли возмущился духъ мой надъ ихъ легкомысленнымъ поступованьемъ. Въ субботу вечеръ просилъ я ихъ, дабы завтра раненько одѣлись въ скромныи платья, и въ свое время пошли на службу Божію до церкви. Случалось бо не разъ еще въ Романовцѣ, що пришедши въ сѣдствіе своего продолжительного страсія поздно до церкви, мѣшали порядокъ и молитву приходжанъ а еще больше любопытливыхъ прихожанокъ. Сей же Недѣли совершивши утренню въ церквѣ и не могли потомъ ихъ дождатися, пошелъ я до нихъ самъ, дабы обвѣстити, що вскорѣ стану на Службу Божію. Но шо узрѣлъ я тамъ! жена и дѣвчата въ самой пестротѣ, въ самыхъ суетныхъ блескоткахъ, въ сукняхъ широко фалдистыхъ и такъ опущенныхъ, що съ шумомъ сметали порошокъ въ хата. Я не могъ превозмогти себе, чтобы во внутрь сердца не засмѣятися надъ ихъ легкомысліемъ, особливо же надъ моею женою, у которой надѣялся найти больше здравого розума. Желая укорити ихъ за тое доткливо, велѣлъ я моимъ паробкамъ приладити старинный по-

возъ, убрата коней хорошо въ шоры и сейчасъ везти Еймость съ панянками до церкви. Дѣвчата засмѣялись съ такого повелѣнія; но я повторилъ оно паробкамъ еще разъ, и то съ видомъ всея поваги, яку лишь во ту пору прибрати на себе возмогъ.

„Навѣрно ты жартуешь Игнатій,” сказала ко мнѣ жена, „не далека дорога, такъ не тяжело и пѣшки зайти; по що намъ ажъ повоза?”

— „Не жартую моя мила; до такого убранства потребно вамъ конечно покова; инакше будутъ дѣти за вами бѣгати и смѣяться съ долгихъ вашихъ сарафановъ.”

„Воистину,” отрекла жена. „я думала, що мой Игнатій всегда радъ дѣти свои видѣти хорошо и опрятно убранны...”

— „Но, убирайтесь,” сказалъ я. „хорошо и опрятно. убирайтесь. якъ лишь возможете. а я васъ только любить буду еще больше; — но се не опрятность, а самы пустыи вымыслы. Тѣ пестрини всѣяжки, тѣ ничтожныи блескотки, тѣ преширокии сарафаны подадутъ лишь причину къ ненависти вашимъ сосѣдкамъ. Такии суетныи уборы оставите городскимъ панямъ, гонящимъ за новыми медами; вамъ же, непивющимъ теперь ниже столько средствъ, чтобы пристойно и по вашей волѣ одѣтиса, они вовсе не приличны. Незнаю, уходятъ ли они даже богачамъ въ нашихъ уединенныхъ сторонахъ, а не то намъ, которы хотѣли бы неблагорозумно покрывати бѣдность свою плащемъ суеты и тщеславія!”

То представленіе подѣйствовало успѣшно; въ мѣниту удалились они во святлицу, чтобы перебраться, и на другій день радывался я не мало видячи, що дочери мои передѣлываютъ, по совѣту матери, сарафаны свои въ маленькии платья для братчиговъ, и що мене найбільше радовало: тѣ платья

казались въ слѣдствіе сей передѣлки далеко красшими и пріятнайшими моему взору.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

За нашихъ огородомъ на краю возвышенности посадилъ мой предшественникъ четыре березы, которыи розрослись уже широко, и въ тѣни ихъ построилъ дерновни скамейки и столъ деревянный. Тутъ звыкли мы въ погодныи вечера сидѣти и наслаждаться красотою западающаго солнца и проторонной околнцы. Иногда зли мы тутъ и вечеру и забавлялись яко бы въ нашей комнатѣ. Дѣвчата пѣли при созвучіи гитары, на которой довольно знала играти Наталія народныи, именно некоторыи украинскии пѣсни. що научилась отъ покойной тетки Ростиславы, пребывавшой нѣсколько времени на Украинѣ и подарившой насъ богатыхъ собраніемъ пѣсеней и повѣстей малорускихъ. Тогда восхищаясь вторилъ я ихъ пѣнію, или отступивши на нѣкое отдаленіе съ радостію прислухивался отгласу солодкихъ напѣвовъ. Вообще былъ я яко Русинъ самъ ревнѣйшій любитель гудьбы и пѣнія, и хотя по немуществу средствъ ни способности въ юныхъ лѣтахъ не изучилса самъ вкусно изъ ногъ играти, то за то не щадилъ средствъ для моихъ дѣтей, особливо дѣвчатъ, для которыхъ, по моему мнѣнію, почти необходимы суть гудьба и цѣніе; тамъ бо не только облагородняется нравъ ихъ, но и нѣжнѣйшимъ становится дѣвственное сердце.

И такъ дознали мы, що во всякомъ случаѣ человеческой жизни можно найти свои занятія и свои увеселенія, каждого утра пробужались мы къ новой полезной работѣ; а каждый вечеръ вознаграждалъ насъ сладостію ничемъ невозмущеннаго отпочинка. Такъ прожили мы въ Соломянцѣ весну и первыи мѣсяцы погоднаго лѣта 1847: Мы не на-

двѣлся тогда еще, що и насъ ожидаютъ волненія жизни.

Было то середѣ лѣта въ день праздничный, коли пошли мы однажды въ прекрасное усторонье подъ лѣсомъ, где мои дѣвчата, взявши съ собою гитару, стали пѣти на свой ладъ розличными пѣснями. Такъ забавляясь узрѣли мы недалеко насъ бѣгущую серну, по еяже великой положости догадаться было можно, що знати убѣгала отъ преслѣдующихъ ю стрѣльцевъ. И такъ было вопстину; въ минуту выскочили изъ гущей лѣса гончій псы и конный стрѣлецъ, и погнали шо силъ за серною. Сейчасъ хотѣлъ я ити домовъ и велѣлъ мнѣ послѣдовать за собою; но будь любопытство, будь печальное впечатлѣнїе, будь якій нивый поводъ сдержали жену мою и дѣвчата на мѣстцѣ. Стрѣлецъ вѣхавшій на передѣ, помчался мимо насъ стрѣлою, за нимъ послѣдовали съ такою скоростію четыре или пять нивыхъ. Съ заду показался молодецъ, оказавшійся якъ прочій поверхности, который узрѣвши насъ, вмѣсто шобы нивѣлъ вѣхати за другими, соскочилъ съ коня, и передавши его вѣдущимъ за нимъ слугамъ, сблизился къ намъ съ повагою великосѣтовца. Ему казалось не нужнымъ, познакомлѣти насъ съ своею достойною особою; онъ паче приступилъ съ значительнымъ уклономъ къ мнѣ дочерямъ и сталъ говорить съ такою смѣлостію, яко бы зналъ ихъ уже отъ давнѣхъ давна. Но они отвѣтствовали на таковыи розговоры его взоромъ презрѣнїа. Потомъ объявилъ онъ намъ свое имя и свое достоинство; былъ то Панъ Долинскій властелинъ четырехъ селъ и одного мѣстечка. Узрѣвши въ рукахъ Наталіи гитару, сталъ онъ просити ю умильно, шобы заиграла ему и воспыла нѣску хотьбы и рускую пѣсоньку. Не имѣя охоты заходить съ нимъ въ близшее, къ тому неотвѣтное знакомство, далъ я дочерямъ мнѣ

знакъ, дабы не угодили его просьбѣ; но понука матери, противная моему желанію, подѣйствовала во пользу Пана Долинского, который по объявленіи имени своего и достоинства удостоился у женщинъ большого уваженія; такъ и стали спѣвати они одну изъ любимыхъ думокъ Омика Падуры и видно было по нимъ, шо пѣли съ великою охотою. Панъ Долинскій плескалъ въ долони и восторженно хвалилъ пѣнїе и выборъ думки; потомъ взялъ въ свои руки гитару, и бряцалъ ни сякъ ни такъ, якъ бы отъ неволи; мимо того изъяснила ему моя Наталія свою похвалу и увѣряла, шо игра его превосходить всѣ, якіи она доселѣ слышала. За то поклонился онъ низенько, и сталъ съ своей стороны хвалити вкусъ, а еще больше остроуміе ея. Жена моя оказала при томъ случаѣ найжившую радость почитая такую похвалу любимого дитяти за высше счастье.

Шо касается мене, во время всего того произшествія стоялъ я якъ не самовитый, и только полсловомъ отвѣчалъ на похвалительныи слова Пана Долинского.

Когда смеркалось, попрощался онъ съ нами, и просилъ о соизволеніи посѣтити насъ въ нашей хатѣ, шо, яко нашему властелину, не могли мы ему отказать. Потомъ розойшлися мы во свояси.

Еще того же вечера созвала жена моя тайный совѣтъ, въ которомъ розобратись имѣли всѣ подробности нынѣшняго приключенія и произойти оттуду могущи наслѣдства. По ея мнѣнію, удался намъ нынѣ велими богатый половъ; „досвѣдчила го я.” прибавила она, „шо приключаются въ свѣтъ еще не такіи рѣдкіи странности. Надѣюсь, шо прїидеть время, коли и мы поставимся на ноги и сровнаемся съ богачами; не понимаю бо, для чего и наши дѣти не могли бѣ достигнути такового счастья, яко

нашли дочери приходника съ Улавицъ, которые повиходили за дядичевъ?”

На тое сказалъ я ей, що и я не понимаю, и кажутся такъ не пойму никогда, для чего сосѣдъ нашъ съ Улавицъ выигралъ два раза по двѣсти червонцовъ на лотерію, межъ тѣмъ, когда мы уже двѣсти разы проиграли.

„Оже, ты Игнатій.” отрекла она, „всегда такій, если стану утѣшатись нѣкою для дѣтей моихъ надеждою: ты сейчасъ отбираешь ю менѣ и оставляешь всѣхъ насъ въ бездѣйствіи.”

„Скажи, Амаленько моя, що думаешь ты о Пану Долинскомъ? Не здавался ли онъ тобѣ человекомъ доброго сердца?”

— „Такъ, Мамо. менѣ здавался онъ добрый, къ тому такъ привѣтливый и разумный, що майже не видѣла я разумнѣйшого.” —

„Онъ такъ.” сказала Амалія съ нѣкимъ неудовольствіемъ, „похожій на хужчину; но менѣ такъ не понравился; онъ такъ несносенъ съ своими пресмѣлыми разговорами, за которыми скрываетъ гордость своего сердца.”

Изреченія моихъ дочерей толковалъ я собѣ въ смыслъ совсѣмъ противномъ; узпалъ бо я изъ того, що сколько презирала его Амалія, столько почитала Наталія. Таково то всегда женское еердце!

„Якъ вы ни думаете собѣ о Пану Долинскомъ,” сказалъ я потомъ къ моимъ дочерямъ. „я такъ признаюсь вамъ, що онъ вовсе не припалъ менѣ до сердца. Пріязнь между людьми неровного сословія кончится найчастше хлопотами, и мимо всего приличія, якое оказалъ онъ намъ при первой встрѣчѣ, замѣтилъ я однакожъ, що въ душѣ снѣжился надъ вашими простодушіемъ. Онъ смѣлся, що поповны такъ легко увѣрили лестными словами вельможного Пана, и для того радъ розставлялъ свои сѣти. Отъ, скажу правду, намъ искати дружества съ людь-

ми собѣ ровными. А и то скажу, що подлый у мене тотъ молодець, который искалъ жены, не старается познати ей особу, но пытается за ей богатствомъ; такъ же нехорошо для дѣвицы. меньше уважати на молодца саного, чѣмъ на его инанье. И такъ, если бы намѣреніе его было доброе, (о чѣмъ я однакожъ ниже думаю.) тогда оказали бы ся мы годными презрѣнія; если же нѣтъ! — ахъ, я дрожу на само вспомнѣнье!... Правда, що касательно моихъ дѣтей не боюсь ничего тому подобного; однакожъ нравъ его о которомъ доведася я отъ людей, наполняетъ мене страхомъ!”

Я хотѣлъ еще больше говорить, но рѣчь мою перервалъ дворакъ Пана Долинского, принесшій намъ отъ него съ поздоровленіемъ хорошій кусъ серны; къ тому извѣстилъ онъ намъ, що въ нѣсколько дней загоститъ до насъ Панъ Долинскій. Тое поздоровленіе, а еще больше тотъ даръ, принесенный въ самъ добрый часъ, проговорили такъ сильно въ его пользу, що все мое многорѣчіе не имѣло бы уже нѣякой поваги. Для того постановилъ я молчати и удовольнися въ крайней мѣрѣ тѣмъ, що указалъ опасность, которой дабы избѣгчи предъоставилъ я собственному ихъ благоумію. Слава бо, котору безъустанно стеречи нужно, и недостойна стражи. *(Продолженіе слѣд.)*

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

(Заключеніе)

Турки наведеннымъ тогдашною бенатскою республикою, вторгнули подъ трема везирами трема шляками въ Черную гору, а между тѣмъ обсадили Бенатчане границу. Окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, Черногорцы зываютъ на помощь Всевышняго Бога, кланутся, що хотятъ лучше пасти за вѣру

и свободу; чѣмъ поддались невѣрнымъ, и ставятся числомъ 10,000 противъ 100,000 Турковъ. Турки нахлынули на Черногорскую землю, палили мирныя села и убивали слабыхъ женъ и дѣтей; но тамъ, между горами ожидалъ ихъ непобѣдимый противникъ, хоробрый Черногорянинъ. Укрывшись въ ущелія скалъ разилъ онъ побѣднокими выстрѣлами враговъ. Надармо вызываютъ его Турки на широкое поле; онъ стрѣлялъ съ поза скалъ своихъ девять недѣль. Но тутъ и пороху не стало; погибель недалека. Однакомъ небо умилилось надъ несчастливимъ народомъ: 4 новембрія дождь цѣлу ночь льялся ливцемъ; въ врагомъ таборѣ повстало замѣшательство, Черногорцы пользуются нимъ и отбираютъ Туркомъ всё за собою пороху. И снова бьютъ турецкихъ незировъ, поки тѣмъ наконецъ незная якъ перезимовати съ войскомъ въ горахъ, уходятъ бездорожїями, покрывая ихъ трупами. Въ черногорскихъ яругахъ даже не возможно, абы лучшая военная тактика отнесла побѣду. Турки загнались уже неразъ ажь къ Цетинской долини, николи однакомъ не пребывали тамъ долго. Въ новѣйшемъ времени захотѣлось и Французамъ Черной Горы, именно тогда, коли за Наполеона I обсадили Дальмацію. Тамошній маршалъ Мармонъ намѣрилъ сперва загорнути Черногору лестїю и уговорами; но Черногорцы отрекли, же почитали бы себѣ за велику честь, кобы самого Наполеона узрѣли въ своихъ горахъ, най однакомъ прїидеть яко гостя а свои планы най оставить дома. Тѣмъ отвѣтомъ розсердился Мармонъ такъ дуже, же поприсягъ собѣ що „Черная Гора“ не имѣтъ на даль называтись черною, но „Червоною.“ И послалъ отрядъ французского войска на Черную Гору. Но Черногорцы розогнали ихъ на четыре вѣтры и Мармонъ изрекся дальшихъ предпрїятїй.

Народная черногорская пѣсня оцѣвуетъ поражение Французовъ въ яругахъ и ущелїяхъ горскихъ.

В С Я Ч И Н А.

— Найдорожшїй фортепянь, икїй только коли существовалъ, всть тотъ, которого купилъ нынѣшнїй цѣсарь Франціи Людовикъ Наполеонъ для молодой своей сопруги за 40,000 франковъ (16,000 р. ср.). Фортепянь сей былъ уже подивлянный на славной Лондинской выставѣ, и що до полноты и прїятности збуковъ не имѣтъ доселѣ собѣ ровного. Красная сопруга Наполеона цѣсарева Евгенїя играеть на немъ в-жедневно.

— На послѣдной выставѣ домашнихъ птицъ въ Лондинѣ купилъ икїй любитель дробью великого когута азїятской породы за 1000 р. ср. Тое когутище можеть теперь гордо пѣти кукуруку!

— Посля найновѣйшихъ статистическихъ датъ припадаеть на каждыхъ 100 душъ въ Австріи 1500 домашнихъ скотовъ, или на каждого жителя 15 штукъ. Наибольше домашнихъ скотовъ, въ размѣрѣ къ числу жителей, имѣтъ Моравїя.

Отважность ученного. Знаменитый французскїй естествоиспытатель, проходилъ разъ въ сенарскомъ лѣсу и замѣтилъ гадюку, которая, по своей величинѣ, здавалося ему, принадлежала къ роду еще неизвѣстному во Франціи. Онъ взялъ ея рѣшительно въ руки рочитиваючи убити ея, сломавши еи хребеть. Но не знати, или оттого, що животное было досытъ сильнымъ, или оттого, що его схватилъ не за то мѣсце за которое слѣдовало бы, оно глубоко укусило противника. Шесть послѣдовательныхъ ранъ въ руку немогли заставити профессора отпустить добычу и гадюка была заду-

шена и осталась въ его власти. Къ счастью съ почтеннымъ ученымъ былъ сынъ его, докторъ медицины. Онъ поспѣшилъ высосати раны и выпечи ихъ лаписомъ. Несмотрячи на тѣи предосторожности и немедленные пособія, ядъ сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Ученый привезенъ домой, оставался подъ вліяніемъ яди черезъ два дни; но третьего, коли опасность минула, началъ свои лекціи о пересмыкающихъ животныхъ.

Живучесть жабы. Г. Дюмериль профессоръ въ Парижу, представилъ былъ разъ въ Академію жабу, найденную будто бы живую внутри камня. По поводу возникшихъ сомнѣній о возможности такого явленія одинъ изъ Академикомъ извѣстилъ, що онъ желаячи повѣрити на опытѣ достоверность розказовъ о подобномъ фактѣ, посадилъ десять жабъ въ глиняны горшки отъ 15 до 20 сантиметровъ вышиною и закрылъ ихъ слобомъ весьма твердой гипсовой замазки. Замѣтивъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, що нѣкоторые изъ тыхъ сосудовъ издавали запахъ гнили, онъ розбилъ замазку и нашель, що многіи животны были мертвы. (Открывши наконецъ въ одномъ горшку еще живую жабу, онъ оставилъ прочіи горшки нетронутыми и сохранялъ ихъ въ такомъ видѣ больше шести лѣтъ. По прошествію того времени, коли замазка была розбита, въ одномъ сосудѣ оказалась жаба живая и совершенно здоровая. Въ гипсѣ наполнявшемъ всю пустоту горшка, былъ совершенно полный отпечатокъ жабы. Едва розбили тую твердую оболочку, животное сдѣлало усиліе щобы выскочити изъ своей тѣсной тюрьмы, но скачокъ неудался потому, що одна нога еще твердо держалася въ замазкѣ, а коли ея высвободили, жаба дѣйствовала всѣми своими членами, якъ будто бы ни на минуту не лишалася возможности управлять ими.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Всѣ узнають въ насъ потребу Словаря; а особливо учащіяся языки немогутъ безъ того обойтись. Первый Словарь терминологично правничій на поля нашего Словесности мы повитали радостно. Но онъ служитъ для употребленія только въ одномъ отношенію. Слава и честь трудившемуся мужу изданіемъ оногоже! Не меншу заслугу положить каждый кто займется собраніемъ словъ изъ устъ нашего народа для выраженія всѣхъ понятій такъ домашнихъ, якъ и публичныхъ, торговельныхъ и промысельныхъ и проч. и проч. Я могу вамъ касательно такого Словаря дежо теперь довести. Свидѣвшись недавно съ нашимъ Отцемъ Скоморовскимъ дождуюся, що онъ надъ подобнымъ Словарцемъ сидитъ, — словъ собранъ много, декотра часть есть систематическо уложена, но каждымъ часомъ роетъ очевидно тое сочиненіе поволе, для того Отецъ Скоморовскій не рѣшился еще уважати свой трудъ яко усовершенный. — О иныхъ трудахъ литературныхъ немогу вамъ ничего сказати, скоро бы на мглістохъ литературномъ нашемъ горизонтѣ дежо заблѣсло исполняюся якъ найскорше съ извѣстіемъ поспѣшити. —

Тарнополь —

Н.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Въ теченіи лѣтнего полгодія 1853 преподаватися будутъ въ Львовскомъ всеучилищѣ слѣдующіи предметы :

А.) На выдѣль богословскомъ:

- 1.) Церковная Исторія преподаваемая проф. др. Криницькимъ по 9 часовъ еженедѣльно.
- 2.) Введеніе къ студіямъ библіи ветхого завета, препод. проф. др. Кухарскимъ 4 часовъ.
- 3.) Языкъ еврейскій и египетскій препод. тѣмъ же 5 часовъ.
- 4.) Языкъ сирійскій, халдейскій и арабскій съ практическими упражненіями тѣмъ же 2 часы.
- 5.) Введеніе къ студіямъ библіи нового завета преподаваетъ заступ. учит. префектъ студіевъ Чайковскій 4 часовъ.
- 6.) Языкъ греческій и толкованіе евангеліи святаго Маттея и первого посланія святаго Павла къ Коринтянамъ тотъ же 5 часовъ.
- 7.) Бгзегетическіи преподаванія о посланіи къ Римлянамъ тотъ же 4 часовъ.
- 8.) Общая педагогика, преподаваемая заступ. учит. Маликовскимъ 2 часовъ.

9.) Догматика, заст. учит. др. *Пелькомъ* 9 часовъ въ латинскомъ языкѣ.

10.) Догматика, преподаваемая заст. учит. *Целеновскимъ* 9 часовъ въ рускомъ языкѣ.

11.) Моральное богословіе, преподаваетъ заступ. учит. *Малиновскій* 9 часовъ.

12. Теологія пасторальная, *Васильевскій* 9 часовъ по польски.

13.) Теологія пасторальная, довременный принаиный доцентъ *Юзичинскій* 9 часовъ по руски.

14.) Катихитика 2 часы } преподаваемы кати-

15.) Мееодика 2 часы } хитомъ *Островскимъ*.

16.) Катихитично - педагогическая наука, префектомъ студіевъ *Чайковскимъ* 5 часовъ по руски.

Б.) На правничомъ выдѣль.

а) Общіи предмети науковыи.

17.) Обще право державы, преподаваетъ проф. др. *Гербстъ* 4 часовъ еженедѣльно.

18.) Общес и практическое европейское право народовъ, тотъ же 3 часы.

19.) Поученіе о финансахъ, проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

20.) Политику культуры, тотъ же 1 часть (безплатно).

21.) Европейскую статистику, проф. др. *Гаммеръ* 5 часовъ.

22.) О камеральной формѣ обчисленія имѣній во обще, и объ отношеніи ей къ приходамъ и экономіи Австрійской державы, до того и о правительской контроли и державныхъ кассахъ, проф. *Стаймеръ* 5 часовъ.

23.) Общую науку о финансахъ, о приходахъ и экономіи державы, яко и о установленныхъ на то властяхъ администраціи и пбнязного обороту, не менше о органахъ контроли тотъ же 4 часовъ.

б) Предметы администраційныи.

24.) Законъ церковный преподаетъ др. *Котеръ* 8 часовъ.

25.) Науку законовъ австр. администраціи проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

26.) Карный законъ о приходахъ, проф. др. *Гаммеръ* 4 часовъ.

27.) Карную процедуру о преступленіяхъ уставовъ доходowychъ, тотъ же 1 часть.

28.) Химическіи опыты изъ области судовой медицины и медицинской полиціи, проф. др. *Гаммеръ* 2 часы.

в.) Предметы юдициалныи.

29.) Законъ римскій, а именно право родимы и облигаціи преподаетъ проф. др. *Котеръ* 4 часовъ.

30.) Уговоры супружества послѣ австр. цивильного кодексу и въ сравненіи съ римскимъ закономъ тотъ же 1 часть (безплатно).

31.) Испыты австрійского карного закона, проф. др. *Гербстъ* 2 часы.

32. Австр общій законъ цивильный, второе отдѣленіе, проф. др. *Фангоръ* 9 часовъ.

33.) Процедуру издаванія и исполненія рѣшеній въ спорныхъ справахъ, проф. др. *Шольцъ*, 5 часовъ.

35.) Старинный законъ польскій, тотъ же 4 часовъ.

35.) Сумаричну процедуру въ спорныхъ справахъ цивильныхъ, тотъ же 1 часть (безплатно).

В. На философическомъ выдѣль.

а) Предметы философично - историческіи.

36.) Нравственное любомудріе преподаетъ проф. др. *Липинскій* 3 часы.

37. Исторію любомудрія (старинны даже до второго вѣка по Христѣ), тотъ же 3 часы.

38.) Вѣдомственнаго развитіе начальныхъ наукъ логики, тотъ же 3 часы.

39.) Общую исторію середного вѣка проф. др. *Вазольцъ* 3 часы.

40.) Исторію Австріи за Цяря Фридерика IV и Максимилиана I, тотъ же 3 часы.

Заключеніе слѣдуе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія древняго Галицко - Руского княжества сочиненіе Дениса Зубрицкаго въ двохъ частехъ, съ приложеніемъ Родословной Картины. Львовъ. Типомъ Ставропигіанскимъ 1852. Продается по лавочной цѣль 5 р. м. к. въ книжной лавцѣ Заведенія Ставропигіанского. —

Собраніе русскихъ Проповѣдей издаваемыхъ Дро. Андреемъ Андреевичемъ Радолинскимъ [Радолинскимъ.] Томъ первый. Буда, въ типографіи Мартина Баю 1852. Замѣчаемъ, що изъ Львовскихъ прекумерантовъ не получили еще никто сего сочиненія. —

(Слѣдуеъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 3.)

Изданіеніи и типома Института Ставропигіанского
Отвѣчательный Редакторъ *Іоаннъ Гушалевичъ.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверочною получати платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изъяснено было заданіе нашего письма и речотъ меже нами и Вч. пренумерантами пригадуемъ, що для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которымъ еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минуваго года, начинаеса предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсячочисленію. Про тое просимъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше не можемъ розмърити накладъ нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ первого Марта получить некое письмо, то будетъ заскавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к. додати. При той случайности не можемъ тое замолчати, що первыи родимцы наши изъ многихъ сторонъ приславши принумерату изъявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлати чимъ разъ полезнѣйшимъ и занимательнѣйшимъ. —

ЕДВАРДЪ.

(Старинная Шкотская баллада.)

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить?

Едвардъ, Едвардъ!

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить,

И ты смущенъ такъ и сердитъ? — Охъ!

О, я сокола моего убилъ,

Мати, ахъ мати моя!

О, я сокола моего убилъ

Онъ надовсе мнѣ милый былъ — О!

Кровь соколина не такъ темна,

Едвардъ, Едвардъ!

Кровь соколина не такъ темна,

Скажи мнѣ правду, чіа ова? — Охъ!

О, я коня убилъ моего

Мати, ахъ мати моя!

О, я коня убилъ моего

Того каштанка вѣрного — О!

Твой конь былъ старый и коровитъ,

Едвардъ, Едвардъ!

Твой конь былъ старый и коровитъ,

Скорбь ниа грудь твою томитъ — Охъ!

О, я отца убилъ моего,

Мати, ахъ мати моя!

О, я отца убилъ моего
И скорбь сія лишь отъ того — О!
И якъ за грѣхъ покаешься твой,
Едвардъ, Едвардъ!
И якъ за грѣхъ покаешься твой,
Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!
Оставлю домъ свой и отчину,
Мати, ахъ мати моя!
Оставлю домъ свой и отчину,
Пойду за море — въ чужину — О!
Тогда що будетъ съ теремомъ твоимъ,
Едвардъ, Едвардъ!
Тогда що будетъ съ теремомъ твоимъ
Вельколынымъ такимъ — Охъ!
Да онъ розсыплется во прахъ,
Мати, ахъ мати моя!
Да онъ розсыплется во прахъ,
Не жити мнѣ въ его стѣнахъ — О!
Съ дѣтьми — жь що будетъ и що съ женою,
Едвардъ, Едвардъ!
Съ дѣтьми — жь що будетъ и що съ женою
Когда розстанутся съ тобою? — Охъ!
Най за жабраньемъ пойдуть онѣ
Мати, ахъ мати моя!
Най за жабраньемъ пойдуть онѣ
Ихъ никогда не зрѣти мнѣ — О!
Що матеря оставишь дорогой,
Едвардъ, Едвардъ!
Що матеря оставишь дорогой,
Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!
Проклятье оставлю и ужась могилъ,
Тобѣ, о мати моя!
Проклятье оставлю и ужась могилъ,
Съ твоей бо вини я отца убилъ — О!
певецъ. Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

(Продолженіе и заключеніе.)

Якъ велика сила слова живого видимъ изъ того, що Кирилломъ и Меѳодіемъ оно засяно межъ Славянскими племенами черезъ многіи дѣйствуетъ столѣтія, и вліяеть снова на тѣ народы, у которыхъ оно зачалось и такъ долго оставалось безжизнен-

но.*) Но нигде оно такъ постоянно не дѣйствовало, такъ не срослося съ жизнью всею народа якъ у насъ. Исторія церковного языка нерозривно связанна съ Исторією языка руского. Черезъ первый мы приняли въ себе многіи сокровища древныхъ нарѣчій намъ соплеменныхъ. Словено церковный языкъ былъ всегда и можетъ быти еще живымъ посередникомъ въ общенію словесномъ. Словенскій языкъ въ насъ покорялся также и вліянію устной народной рѣчи. Правописанье давнѣйше и теперѣйше до сихъ поръ носить въ основахъ своихъ слѣды письма Словено — церковного

Такъ встрѣчаемъ особенное явленіе въ развитію руского слова, которымъ мы совершенно отличаемся отъ западныхъ народовъ. Мы съ изытіемъ формъ не можемъ потягнати границу межъ чистымъ нашимъ и словенскимъ языкомъ, бо второй множество и множество изъ нашего народного принималъ — Языки Романскіи тамъ составились изъ двухъ стихій, враждебныхъ другъ другу: языка завоеванного и языка завоевателя. Первый даетъ словарь, второй насильно налагаетъ Грамматику. Все литературное развитіе языковъ народныхъ представляетъ борьбу съ языкомъ Латинскимъ, — и постепенное освобожденіе отъ него называется въ важнѣйшихъ произведеніяхъ словесности. Языкъ Итальянскій развивается въ

*) Ту пригадусь замѣчательными слова Балдасе: „Дай Боже, чтобы Словено — церковное нарѣчіе якъ первый или по крайней мѣрѣ древнѣйшій намъ извѣстный источникъ Словенского языка, было изучасмо всеми народами Словенскими, — хотя не ради вышого ученого образованія, но ради сохраненія Словенской народности, для того чтобы намъ неотатаритися, неотуречитися, для того чтобы неотпасти отъ общого источника народности, который не изсякъ не смотря на бури десятилѣтковыхъ.

борьба съ латинскимъ, который подъ конецъ его одолеваетъ. Языкъ Германскій представляеть, конечно, единство въ своемъ образовании: ту нема двоухъ стихій враждующихъ, якъ въ Романскихъ языкахъ; но за тое въ синтаксическомъ отношеніи онъ подвергается Латинскому и до сихъ поръ носитъ на собѣ его вліяніе

У насъ совершенно иное. У насъ ни языкъ меча ни языкъ насилія долженъ дѣйствовать на устное слово народа; но языкъ духовный, языкъ Вѣры, родной по племени, и долженъ вознестися надъ обыкновеннымъ, но при томъ быти понятнымъ для народа. Онъ имѣеть приносить съ собою сокровища Слова Божія и избранныи выраженія изъ другихъ нарѣчій. Онъ бо такъ слился съ новою живою: що самъ подвергается еи вліянію, хотя сохранилъ свои особныи грамматическіи формы. Сколько незабвенныхъ услугъ оказалъ той языкъ рускому слову и русской жизни!

Во времена удѣльныхъ усобиць, въ тяжкіи времена Татарскаго ига, онъ связывалъ всю древнюю Русь, онъ исполнялъ настоящее назначеніе языка по смыслу коренному того слова въ насъ, якъ силы связующей и соединялъ насъ духовно. Онъ служилъ отпоромъ противъ вліянія чужого.—

Рознати два языки: Словено—церковный и рускій, невозможно. Они срослися другъ съ другомъ во всей жизни нашего народа. Рознати ихъ значило бы, самую жизнь розорвати самую мизнь нашу на двѣ половинцы!—

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Желая вчерашнюю соперечку нашу по доброму залагодити, постановили мы, уго-

стипти себе на добрый обѣдъ серниною, и сей часъ взялись дѣвчата мои за дѣло. „Жалю” сказалъ я, „що нѣтъ у насъ нынѣ якого гостя, или друга, чтобы подчипти его тѣмъ вкуснымъ яствіемъ! Такой обѣдъ бываетъ намъ въ десятеро пріятнѣйшій, когда поживаемъ его съ добрымъ другомъ.” — „Отъ, видите,” воскликнула жена моя, „о гостью мова, а гость у порога!” — И во истину захвалъ передъ домъ нашъ г. Раевичъ, молодой другъ родины моеи. Вошедши въ комнату и поздоровившись съ нами сердечно сталъ онъ извинятися, що обстоятельства не соизволили ему посвятити насъ скорѣйше. Пріязнь сего чловѣка была для мене съ двоухъ причинъ дуже милою: во первыхъ, понеже зналъ я, що онъ яко убогій потребуеть моеи помочи, во вторыхъ, понеже казался онъ менѣ чловѣкомъ якъ бы сотвореннымъ для дружества. Въ разговорахъ его проявлялось иногда истинное просвѣщеніе; маічастино однакожь любилъ онъ бавитися съ дѣтьми, которыми называлъ онъ непорочными сотворѣніями, и которыми розказывалъ онъ народныи сказочки и байки или пѣлъ веселыи пѣсеньки; и рѣдко показывался онъ гдѣ либо безъ приликовъ, застязокъ и нныхъ того рода подарковъ. Онъ обиталъ въ поблизкомъ мѣстечку у одного изъ своихъ друзей; часто однакожь выезжалъ на своемъ буланомъ куда ни будь къ добрымъ сосѣдамъ. Тѣмъ разомъ осталъ онъ у насъ на обѣдъ и повинуюсь нашимъ запросинамъ такожь на вечеръ; жена моя не щадила сего дня солодкого меду.

Послѣ вечера стали мы забавлятися разговорами; онъ спѣвалъ намъ потомъ козацкіи и наши народныи пѣсни, и розказывалъ дѣтемъ забавныи и поучительныи повѣстки. Нашъ когутъ, который всегда пѣлъ о одиннадцатомъ часу ночи, пригадалъ намъ, що уже время дунати о отпочинку; но тутъ

зайшло одно невыгодное обстоятельство, о которомъ досель никто и ни поминалъ: ишло именно о тое, где нашему гостю постелити? Въ свѣтлицѣ спали я, жена и наши дѣвчата; въ комнатѣ оба хлопчики на одномъ ложѣ. Такъ и не стало мѣста для гостя, котораго на сѣно до стодола не радъ я былъ выслати. Наймолодшій сынъ нашъ Данилко избавилъ насъ скоро отъ того замышательства, предлагая, що онъ и съ братчикомъ спати будетъ сей ночи въ комнатѣ на солому, котору можно бы для нихъ принести, а ихъ ложе, которое впрочемъ никому бы не отступили, да займетъ любилецъ ихъ, Панъ Раевичъ. Тое предложеніе менѣ дуже понравилось. „Хорошо мои дѣтоньки!“ сказалъ я къ нимъ ласкаво. „гостеприимство есть одною изъ первыхъ обязанностей Христіанина; оно всегда было найкрасшимъ свойствомъ Русиновъ. Дикій звѣрь знаетъ свою пещеру, а птица летитъ въ свое гнѣздечко; только безпомощный человекъ принужденъ убѣжища искати у своего ближняго. Найбѣднѣйшій чужинецъ въ свѣтъ семъ былъ Тотъ, который низошелъ спасенія нашего радп. Никогда не имѣлъ Онъ собственной хаты, яко бы желая узнати, сколько гостеприимства оставо еще между нами. Тетьянно! рекъ я къ моеи женѣ, дай хлопчикамъ нашимъ по два кусни сухару а Данилку дай и третій за то, що первый подаль сію прекрасную думку.

На другій день рано, роздавши каждому паробку свою роботу, позвалъ я Федора, щобы ишелъ со мною розгортати сѣно на поблизкой, позавчера скошенной сѣножатѣ. При такой работѣ люблю я самъ содѣйствовати а ипогда идуть со мною даже мои дѣвчата. Тамъ разомъ наперлись они конечно иди на сѣножати; было бо и утро прехорошое, и побуждалъ ихъ къ тому Панъ Раевичъ.

Съ такими сотрудинками работа ишла намъ скоренько; только Амалія не всегда успѣвала съ нами сровнатись, оставая часто изъ заду. Но Панъ Раевичъ выбавлялъ тутъ отъ общаго посмѣха своею помощію; и при томъ случаѣ забывалъ я не разъ, що моя Амалія благодарила своего помощника такимъ воззрѣніемъ, якимъ благодарила тогда, коли съ егоже помощію спаслась была отъ смертной гибели. Скончивши роботу въ полудне, мы возвращались домовъ; на пути осмѣлился я розпрашивати Пана Раевича про его родъ и отечество: досель бо не зналъ ничего больше, якъ только имя его и благородное сердце. И ажъ теперъ дождався я отъ него, що онъ происходилъ отъ шляхоцкой родины; що бывши высланъ на воспитаніе въ чужій край, ничего тамъ не учился, а только росточалъ имѣніе своихъ родителей: що найкрасшимъ лѣта юности потерялъ въ распугствіи съ лихими друзьями и въ совершенномъ бездѣйствіи; що теперъ въ правдѣ опамятался, но опамятался надто поздно.

„И я вамъ откровенно скажу, честный Отче.“ продолжалъ онъ свою рѣчь съ такимъ то видомъ горести: „нѣтъ у мене теперъ ни якихъ либо средствъ, ни даже надежды, приобрати ихъ моими силами. Я не знаю ни якового ремесла, ни якого полезного занятія, которымъ возмогъ бы найти пропитаніе и самостоятельство въ свѣтъ. Къ счастью нашель я добраго друга въ сей окрестности, который не имѣя родины, охотно роздѣляетъ со мною мѣрныи свои приходы. Къ счастью остались при мнѣ еще нѣкыи дружки — сопутницы страннаго моего житія, остались книжки въ большой части поетическаго содержания, въ которыхъ я отъ давна любовался. Чувствуячи въ собѣ великую склонность къ поезіи, я составилъ нѣсколько большахъ твореній въ рускомъ

языцъ; и если подпомогутъ менѣ ревнивы соотечественники, напечатая ихъ въ мою пользу и пользу народа. Есть то одна звѣздка надъи, котора прельщала мене до нынѣ и отводила отъ совершеннаго отчаянiя!”

„Яко.” воскликнулъ я, „вы предаетесь надеждѣ, що поетическими плоды въ русскомъ языкѣ прiобрѣете средства къ пропитанiю, що заработаете ними на хлѣбъ насущный, и то заработаете въ нынѣшнее время? О сколь жалью васъ! Великiй Шиллеръ омывалъ изъ голода подъ тѣнью нѣмецкихъ дубовъ, середѣ высокопросвѣщенной Германiи, а вы рускiй, неизвѣстный поэтъ хотите жити утворами своего ума середѣ русского народа, который не купитъ ни одной вашей книжочки, хотя бы была самая лучшая, бо якъ всю да такъ и въ насъ стихотворенiе ажъ познѣе отвѣтну нагороду прiобрѣтаетъ! И я думалъ пайти на Руси свою Аркадiю; но сколь обманулъ въ моеи надеждѣ! Цѣлую купу моихъ русскихъ сочиненiй грызутъ голодные моли въ старой скринѣ. О, молодой друже! послушай совѣта опытнаго соотечественника; покинь обольстительную мечту, котора хотя прехороша и похвалительна, но не принесетъ тобѣ на Руси ни кусочка хлѣба. Если на правду хочешь прiобрѣсти вещественны средства къ пропитанiю: такъ лучше иди въ широкии свѣтъ, и поки еще молодыи силы, учись якого ремесла; — или въ крайномъ случаю рубай дрова, толчи каменя на публичной дорожѣ, будь простымъ паробкомъ, пастухомъ или дякомъ, — а не рускимъ поетомъ; бо истощишь силы свои въ нуждѣ и недостатку, погибнешь отъ голода и недоли! . . . Поезiею можно бавитися, если доспѣешь такового становища, на которомъ не нужно тобѣ заботитися о житейскихъ потребахъ; но представити ю собѣ за единственное занятiе, то безрозсудно и въ настоящее время — на Руси — бесполезно!”

Пронзнося тiм слова, подалъ я ему дружески руку, искренно желая щобы послушалъ онъ моихъ совѣтовъ, и устремилъ силы свои на нынѣ полезнѣйшии занятiя; но онъ опустивши взоръ свой къ землѣ, началъ безъустанно и только на лицѣ его отбилась глубокая тоска, яко бы жаль ему было розставатися съ любимымъ сердца предметомъ, съ найкраснѣйшими юношеской жизни мечтами. И менѣ стало жаль его; для того перервалъ я печальную мою бесѣду, и завелъ рѣчь о иномъ предметѣ. Когда прiишли мы домовъ, уже жена моя ждала насъ съ обѣдомъ; во время того Пауль Раевичъ былъ дуже засумованъ и отвѣчалъ на мои вопросы полусловами; вскорѣ послѣ обѣда попращался съ нами, и поѣхалъ на буланомъ кони во свояси. Я отвелъ его за ворота, и видя печаль его, котору мною всѣхъ успiйи не смогъ онъ предо мною скрыти, потышалъ надеждою на лучшую для словесности нашои будущность, котора однакожь по моему мнѣнiю еще далека. Возвратившись въ комнату заметилъ я у моихъ женщинъ нѣктое неудовольство, которое особливо созерцалося на лицу Амалии; понимая причину сiй жалю, сталъ я разводиться надъ теперѣшнимъ направлениемъ юношества, которое предаваясь романтическимъ мечтанiямъ, забываетъ на существенность жизни и проводитъ младенческии лѣта въ сентиментальномъ бездѣйствiи, и заключилъ бесѣду мою не много огорченъ тыми словами: „Отъ такихъ то житьемъ живетъ и добросердечный, но легкомысленный другъ нашъ, Господинъ Раевичъ, который лишень теперь всякихъ средствъ къ пропитанiю гоняется за пустыми надѣями. Безъумный! не лучше было ему употребити за прежнихъ лѣтъ вещественны достатки и помочь отъ своихъ родичей во свою пользу на будущей время? Кобы былъ чому ни будь полезно-

му научился, былъ бы и самъ счастливъ, и участвовать бы могъ другихъ; а такъ, при всемъ благородіи сердца, онъ теперь не доволенъ самъ собою и можетъ статися бременемъ для тыхъ даже друзей, съ которыми росточалъ онъ нѣкогда свое мнѣіе. Мнѣ жаль его, но при томъ и гнѣваюсь на него. Онъ бѣдный, и не заслужилъ можетъ лучшей доли для того, понеже не только не желалъ быти независимымъ, но и не заботился о томъ, статися когда то истинно полезнымъ свѣту.”

Признаюсь, що были у мене тайныя причины, для которыхъ я мнѣіе свое о семъ достойномъ молодцѣ съ такимъ произнесъ огорченіемъ; мимо того опровергала оно моя Аналія слѣдующимъ образомъ: „Сколь ни достойно есть прежнее житіе его порицанія, то однакожь кажется мнѣ любимый Отче, теперѣшніи его обстоятельства должны бы хранили его отъ горькихъ поруганій. Нынѣшная бѣдность его есть уже и такъ строгимъ наказаньемъ за прежніи поблужденія, и не разъ говорили вы самъ добрый Отче, що не свободно разити новыми ударами несчастливую жертву, котору уже само небо наказываетъ бѣдствіями. Впрочемъ, мы даже не знаемъ ближе о его отношеніяхъ, которыя могутъ къ тому исправитися; мы только знаемъ о высокихъ души его достоинствахъ, которыя повинны бы усправедливити передъ нами всю жизнь его поручную.” Тѣи слова, изреченныя съ жаромъ, открыли благородное дочери моеи сердце, они открыли и великую привязанность ей къ тому молодцу. Хотя любилъ я его отъ души, но еще больше любилъ я свои дѣти и желалъ истинного для нихъ счастья. И такъ, какъ предостерегалъ вчера Наталію отъ блистательной но пустой и безнадежной мечты; такъ отклонялъ я нынѣ пристрастное сердце Аналіи отъ раждающейся

безплодной любви. Но все тое предоставилъ я времени, думая, що оно наилучше изцѣлитъ любовныи ихъ раны.

ГЛАВА СЕМАЯ.

На другій день рано стали готовитися женщины наши къ пріятію вельможного гостя, который прирекъ вчера черезъ своего слугу быти нынѣ у насъ на обѣдъ. Жена и дочери выстроились какъ можно наилучше и шастались по пекарни то по покоямъ. Около полудня захалъ передъ дождь нашъ Панъ Долинскій, съ своимъ тайникомъ и добрымъ своимъ управителемъ. Понеже однакожь изъяснилъ намъ вчера Раевичъ, що Панъ Долинскій намѣряетъ свататися съ Панною Юлією К..., съ которою ималъ былъ мой Левъ женитися; то пріятіе его изъ стороны самой господини и моеи Наталіи не было такъ сердечно, какъ бы могло быти, кобы они о томъ не знали: но случай уволилъ насъ яко тако отъ сего замѣшанія; когда бо никто изъ нашего общества вспомнулъ случайно про красоту Панны Юліи, увѣрялъ Панъ Долинскій подъ клятвою, будь то не слышалъ еще такъ ложного утвержденія, якъ то: що Паниа Юліа хороша; „най съ мѣста не встану,” говорилъ онъ далѣе, „если не правду кажу? що волялъ бы я шукати собѣ невѣсти межъ сельскими дѣвками, якъ вѣчатися съ дурною Панною Юлією.” Сказавъ сіе, засмѣялся громко, и все общество смѣялось съ нимъ; бо кто не нашель бы грубыи сказанія богатого Пана остроумныи и хорошии? Моя Наталія замѣтила при той способности съ пѣякою несмѣлостію, що Панъ Долинскій имѣетъ рѣдкій вкусъ и хотя похваляетъ иногда сторонно и за много но осуждаетъ весьма справедливо. Не смотря на тое, я выступилъ въ оборонѣ честной Панны Юліи и изъяснилъ откровенно, що во всей окрестности Романовки, не

видѣлъ я нигдѣ такъ много, такъ образованной дѣвицы, какъ есть Панина Юлія.

„Воронъ ворону ока не выколетъ,” сказалъ Панъ Долинскій. „Попы какъ жиды свою вѣру боронятъ. Панина Юлія Поповна, такъ и выпадаетъ обстатьи вамъ за нею честный Отче. А однакожь скажу правду, она и не умылась до вашихъ прекрасныхъ дочерей.”

На дерзкіи слова тѣи не отвѣтилъ я ничего, разъ, понеже не узналъ ихъ достойными отвѣта, во вторыхъ не ручилъ я себя за удержаніе своего хладнокровія, и въ томъ случаю боялся уже при первой встрѣчѣ оскорбить священное право гостепріимства. Когда однакожь сговорились гости наши потомъ и о обрядахъ церковныхъ, и Панъ Долинскій сталъ ругаться надъ пѣніемъ рускихъ дьяковъ, я снова произнесъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ во ихъ защиту.

„За чѣмъ не позаводите въ церквахъ вашихъ органы?” спросилъ Панъ Долинскій. „При звукахъ поважной гудьбы выдали бы ся твердыи слова мертвого старословенского языка пріятнѣйшими слуху, когда межъ тѣмъ дьяки ваши блеютъ какъ бараны. такъ що услышавши ихъ рыкъ я всегда принужденъ былъ смѣяться на голосъ въ церквѣ.”

„Кому въ церквѣ смѣхъ, тому и весь грѣхъ,” отрекъ я съ огорченіемъ, „всякій языкъ да славитъ Господа, какъ знаетъ и какъ сможетъ; мы не порицаемъ ваши органы ни пѣніе въ латинскомъ языкѣ, вовсе не понятномъ польскому народу; языкъ старословенскій или лучше старорусскій для насъ священный, какъ наша Церковь, и пѣнье руского дьяка понятно всему народу; кто надъ церковнымъ пѣніемъ или священными обрядами коего либо народа ругается, тотъ не достоинъ имени честного человека.”

„Извините, достойный Отче,” сказалъ Панъ Долинскій съ солодкимъ усмѣхомъ; „я не хотѣлъ васъ тѣмъ уразити; но опровергну-

ти мнѣніе ваше касательно церковного языка. По изслѣдованіямъ набученнѣйшихъ историковъ нашихъ и философовъ, языкъ тотъ былъ искони языкомъ Полянъ или Поляковъ Надднѣпрянскихъ, которые съ теченіемъ времени, изобразовали и усовершили языкъ свой соотвѣтно требованіямъ просвѣщеннѣйшихъ вѣковъ; и онъ стался тѣмъ прекраснымъ языкомъ, которымъ такъ умно владеетъ нынѣ Мицкевичъ, Трентовскій, Кохановскій, Красицкій и пр.; надлежало бы всемъ Славянамъ, употребляющимъ въ богослуженіи языкъ такъ зовимый старословенскій или лучше старопольскій, принять къ той же цѣли языкъ новославянскій или що одно и то же, нынѣшній сладокзвучный языкъ нашъ польскій.” —

Услышавъ такую небиллицу, я едва не сошелъ съ ума; правда, читалъ где то въ сочиненіяхъ Пана А. Б. будь то языкъ старословенскій принадлежалъ Полякамъ Надднѣпрянскимъ, которыхъ онъ окрестилъ по просту Поляками; но я не надѣялся, дабы таково заключеніе, якое предложилъ Панъ Долинскій, могло когда то сродниться въ головѣ тверезого человека.

Такъ рѣшился снова молчать, опасаясь, чтобы дальшіи его умствованія не помѣшали здоровый мой разумъ. Я любилъ тотъ многообильный, поважный, освященный памятью великихъ проповѣдниковъ Солуня языкъ старословенскій, какъ любилъ природу и все человечество; я посвящалъ его изученію два десятка лѣтъ моеи жизни; читалъ о немъ нѣзніи великихъ соподвижниковъ литературы всесловенской, и не встрѣтилъ нигде такъ ужасной бредни, яку слышалъ нынѣ отъ Пана Долинского. Правда, языкъ тотъ есть источникомъ, есть матерью всѣхъ славянскихъ нарѣчій, но отнюдъ исключительно польского, который можетъ больше потерпѣть изъ первобытной своей словенской

природы, чѣмъ которое нибудь иное изъ живущихъ словенскихъ нарѣчій. Мое молчаніе возбудило въ обществѣ тую мысль: будто я совершенно побѣжденъ былъ Паномъ Долинскимъ, которому приписывала съ той причины моя Наталія великую ученость. И вопстиню, когда гости наши розѣхались по обѣдъ, стала она снова разводитись надъ его высокими дарованіями. Болѣло мое отцевское сердце надъ тѣмъ не мало, що неопытное дитя мое пребываетъ въ такомъ обманѣ; и болѣзнь тая удвоилась, когда жена моя стала представляти мнѣ, яка бы то хороша пара была: Панъ Долинскій и Наталія! „Видишь, любимый Игнатій,” говорила она съ умиленіемъ, „я казала правду, що Панъ тотъ добрый имѣетъ намѣренія; кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ!”

„О такъ, кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ,” отрекъ я съ глубокихъ вздохомъ: „но я съ моеи стороны во все тому не радуюсь; и убогій, праведный человекъ былъ бы мнѣ стократно милѣйшій, чѣмъ тотъ вельможный Панъ съ своимъ своимъ богатствомъ и дурачествомъ. если бо онъ истинно такой мнѣ кажется, повѣрь Тетьянно, за нищо въ свѣтъ не выдамъ дочь мою за неуча!” —

„Я думаю однакожь милый Отче,” сказала на то Амалия, „що вы надто строго осуждаете Пана Долинского; хотя бо мнѣнія его были бы совсѣмъ блудныи и нерозумныи, должно ли заключати, що они мнѣнія его собственныи, а не чужіи? Можетъ онъ возрасталъ подъ вліяніемъ такихъ людей, у которыхъ было то правдою, що у насъ безсмыслонъ. И въ томъ случаю, скажу откровенно онъ не такъ дуже виноватъ.”

„Моя любина,” отрекъ я, „можно бы то пропустити касательно мнѣнія его о словенскомъ языкѣ, которое у польскихъ у-

ченыхъ рѣдко доселѣ бывало справедливымъ; но не пропушу ему злобныхъ израженій противъ Пана Юлія, противъ рускимъ церковнымъ обрядамъ и даже противъ нашимъ дякамъ! Израженія бо тѣ доказываютъ или дитинную пустоту легкомысленного человека, или шо уже всего лукавоего его сердце.”

Слова мои якъ прежде такъ и теперь не много дѣйствовали на Наталію: взмагавшая чѣмъ разъ больше привязанность къ Пану Долинскому, не дозволяла ей узрѣти поблужденія испорченного его сердца. Любовь дѣлаетъ насъ слѣпыми, тая правда извила грудь мою. Съ тыхъ поръ сталъ я частше раздумывати надъ будущею судьбою дѣвчатъ моихъ. Она казалась мнѣ помраченною, и я глубоко опечалился. Я желалъ имъ смиренного счастья въ тихомъ устороніи сельскомъ, яке достигнути можетъ дочь руского священника съ своеплеменимъ молодцемъ тогоже сословія, я желалъ имъ тойже пріятной доли, яку имѣла родная ихъ мати, добрая моя Тетьянна; а они предавались бесполезнымъ мечтамъ: одна стремилась надто высоко, на которой то высокости однакожь не было ніякого счастья; другая наклоняла сердце свое къ молодцу, который, хотя найблагороднѣйшій, не былъ однакожь въ состояніи упевнити ей долю! Ахъ куда все тое поведеть?!...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Короткая исторія Черной Горы.

(Конецъ.)

Когда російскій Царь, Петръ Великій, сталъ съ Турками воевати, воззвалъ онъ прежде всего Черногорцевъ, потомъ и прочихъ христіанскихъ Славянъ, дабы низвергли ярмо турецкой неволи. Черногорцы возбу-

рились против Турков и довели до того, что съ тѣхъ сторонъ ни одинъ Турокъ не возмогъ ставиться противъ Россіянамъ. Когда же Петръ Великій заключилъ миръ съ Турками, выправилъ Султанъ Ахметъ 1712 г. противъ Черной Горы 60.000 мужа. Владыка Данило поразилъ со своими Черногорцами велику сію Османскую силу. Когда потомъ Данило, довѣряючи Туркамъ которы поклялись на бороду Могамета не нападати больше на Черную Гору, пошелъ въ Россію, Турки пользуячись отсутствіемъ его, двинулись снова подъ начальствомъ башы Думана Джуприлича числомъ до 120.000 мужа противъ Черногорцамъ. Баша Думанъ позвалъ хитрымъ способомъ больше 30 черногорскихъ начальниковъ къ уговору, задержалъ ихъ у себе и велѣлъ убити; потомъ же ударилъ опъ на народъ вояцъ своихъ лишенный со всею огромною силою. Къ тому помагали еще Туркамъ неблагодарны Бенатчане. Тогда вдерлись Турки во внутрь несчастнаго края, и розносили по немъ смерть и разрушеніе; въ короткомъ однакожъ времени повернулъ Владыка Данило, сгромадилъ народъ свой и прогналъ всѣхъ Турковъ, которы вселились были уже въ нѣсколько городахъ Черной Горы. За того Владыки было много кровавыхъ борбъ съ Турками, которы однакожъ не змогли завладѣти черногорскимъ краемъ. Года 1716 поражены были Турки на голову и бѣжали безъ отдыха въ свояси; г. 1717 помагали Черногорцы Бенатской републицѣ; г. 1727 побили башу Бечира; 1739 отнесли жители одного только повѣта Кучи побѣду надъ Махмутомъ Беевичемъ; 1750 сбили герцоговинскихъ и боснійскихъ Турковъ; потомъ вошелъ снова боснійскій везиръ съ 40.000 мужа въ край черногорскій, но и тогда не повелось ему, 60 Черногорцы плѣнили много босній-

скихъ беевъ (турецкихъ начальниковъ) и вымѣняли ихъ потомъ за свиней. Когда Стефанъ Малый съявился на Черной Горѣ, ударили на край тотъ три турецкіи везиры съ неизмѣрнымъ войскомъ — Черногорцы подають число Османского войска на 180.000 мужа. И Бенатчане связались съ Турками. Стефанъ Малый выдавался за российского Царя, и съ той причины доминивались Турки и Бенатчане що онъ отбереть такъ однихъ икъ другимъ всѣ, подъ ихъ владѣніемъ находящися сербскіи области. Для того впади они по взаимному уговору съ такъ огромною силою на Черную Гору; однакожъ и теперь были побиты и оттягли съ великою потерю изъ поля жаркой битвы. Г. 1785, въ то время, когда Владыка Петръ I. пребывалъ въ Россіи, вдерлись они снова въ край черногорскій. Подкунивши гроши простымъ народъ на пограничій, загнались ажъ подъ Цетинье и спалили тамже монастырь. И тѣмъ разомъ не долго гостили они на Черной Горѣ; не прошло три лѣтъ - а Владыка Петръ ударилъ съ Черногорцами согласно съ волею Россіи съ нѣсколько сторонъ на Турковъ и прогналъ ихъ за родимыи горы. Г. 1769 напалъ Махмутъ, баша Скадерскій, на Бердинъ (Горинъ), но былъ побѣжденный и самъ покрылся ранами. Тойне баша, который отторгнувшись отъ Султана, и преслѣдованный за то по не покоренный тремя везирами, выступилъ по другій разъ противъ Черногорцамъ г. 1796 съ 34.000 мужа, однакожъ Черногорцы — числомъ 5 — 6000 мужа — привели не преодолимов войско его на Лешкополъ 22 октября въ бѣгство съ такимъ успѣхомъ, що и его самого поймали, тѣло его спалили и голову и саблю занесли въ Цетинье, где донынѣ крыются они во память блестящей побѣды. Г. 1798, вознамѣрили Турки, немогше ничего сдѣлати оружіемъ, покорити Черную Гору ле-

стію. Прирекли они Черногорцамъ уступить Зету и Зетскіе города, если тише признаютъ надъ собою власть турецкого Султана и во знамя своего подданства отставить ему 300.000 окъ (ока - 2¹/₂ австрійскихъ фунтовъ) волны. Владыка Петръ не хотѣлъ о предложеніи семь ничего и чути лише отослалъ Вуича, Поляка, который предложеніе оно принесть отъ Султана, назадъ до Цариграда. Во время французской войны ударили Черногорцы по уговору и въ союзъ съ Россією на Турковъ въ Герцеговинѣ съ одной а на Французовъ въ Боцѣ Которской съ другой стороны, и выгнали послѣднихъ изъ Боки и съ Дубровницкаго повѣта. Тотъ повѣтъ уступили они по заключенномъ мирѣ и на желаніе Царя Александра Австріи. Борьбы съ Французами яко и съ Турками были ужасны.

Г. 1824 въ Апрѣлѣ напалъ Боснійскій везиръ на Черную Гору, намѣряючи отторгнути отъ неи Морачу; былъ однакожь побѣжденъ. Г. 1829 заключили Турки съ Черногорцами уговоръ, яко съ независимымъ народомъ. О зависимости Черногорцевъ нема и наименьшого слѣду въ цѣлой ихъ исторіи. Они вели съ Турками г. 1832 войну, которую сами розпочали. Корысти не было тогда ніякой ни на одной ни на другой сторонѣ. Г. 1834 ударили на Жаблякъ, отняли Туркамъ двѣ пушки, крѣпость же саму отъ части розрушили. На одной съ тѣхъ пушокъ стоитъ написано: „Когда 1834 года любѣдоносные Черногорцы на Жаблякъ ударили, плѣнили мене старина и привели на Цетинское поле.“ Г. 1842 боролись они съ Арбанасами, которы хотѣли завоевати Бѣлонавличчи, но были поражены. Г. 1844 ишелъ Мостарскій везиръ Сточевичъ противъ Грахову, но Черногорцы стрѣтились съ нимъ на пути и принудили къ заключенію пере-

мирья, по которому одна половина Грахова досталась Черногорцамъ а другая присоединена была къ Герцоговинѣ. Тогда отняли Турки два острова (Вранину и Лесандру) на Скадерскомъ озерѣ, которые то острова были въ то время безъ сильной защиты. Упокоившійся передъ двома годы черногорскій Владыка Петръ Петровичъ Нгошь не былъ въ состояніи ихъ назадъ отобрати.

Тутъ исчислили мы важнѣйшіи битвы между Черною Горою и Турками; про ины меньшіи борьбы даже не вспоминаемъ, скажемъ только, що почти не было дня на Божиємъ свѣтѣ, абы не случилась якая битка между тими двома народами.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Ученый *россійскій* писатель г. В. М. Удольскій открылъ въ одной старой книжцѣ старинную пѣснь, которую нарекъ: „Слово о великомъ князѣ Димитрію Изякоичу и братѣ его Владиміру, якъ побѣдили врага своего царя Мамая.“ Открытіе тое есть тѣмъ важнѣйше, понеже подтверждаетъ подлинность „Слова о плѣку Игоревѣ,“ сказано бо тамъ въ нѣсколько мѣстахъ о пѣсняхъ *Бояна*, который воспѣвалъ славу Игорю Рюриковичу, Владиміру Святославичу и Ярославу Владиміровичу, князямъ Кіевскимъ, къ тому же многіи израженія и поговорки дужо сходственны съ израженіями „Слова о плѣ. Игор.“ нюгда даже слово бѣ слово тѣ же самыи. Ученый *Бласез* думаетъ, що новонзобрѣтенная пѣсня сія принадлежитъ къ началу XV. столѣтія, когда битва на Куликовскихъ поляхъ была еще въ живой памяти.

(Заключеніе преподаваемыи предметовъ въ теченіи лѣтнаго полгодія 1853 на Львовскомъ Университетѣ.)

41.) Практическіи упражненія относительно къ старинной исторіи въ филологичко-историческомъ съмѣщеніи, тотъ же 2 часы.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛОВЫЯ И ГО- СПОДАРСКІЯ.

42.) Высшую педагогику, именно о образованіи чувства и воли, заступ. учит. *Малиновскій* 2 часа.

б) *Предметы математичныя и природовѣдныя.*

43.) Высшую мат. анализисъ, преподаеть проф. *Лемозъ* 4 часовъ.

44.) Стихи алгебры, тотъ же 4 часовъ.

45.) Физику экспериментальную для учительскихъ кандидатовъ проф. *д-р. Пьерре* 3 часа.

46.) Общую теорію силъ, дѣйствующихъ въ обратномъ отношеніи квадрата разстояній, тотъ же 2 часа.

47. О отношеніи науки діамнетизма къ науцѣ о магнетизмѣ и электричности. приватный доцентъ *д-р. Урбанскій* 1 1/2 часа.

48.) Исторію натуральную (цѣлостное), проф. *Добаржевскій* 5 часовъ.

49.) Прогулки въ ботанической цѣли два раза въ недѣлю тотъ же.

50.) Исторію натуральную (звѣрское), проф. *д-р. Шмидъ* 5 часовъ.

21) Практично зоологическія упражненія, тотъ же 1 часъ (бесплатно).

52) Житіе звѣрей, тотъ же 1 часъ.

53.) Общую химию неорганическихъ существъ, проф. *Плесъ* 5 часовъ.

54.) Аналитическую химию, тотъ же 9 часовъ.

55.) Химию скотскихъ и человѣческихъ живностей, тотъ же 5 часовъ.

б) *Предметы языковедныя.*

56.) Греческую синтаксисъ, преподаеть проф. *д-р. Кергель* 3 часа.

57.) Бесѣда Цицерона за Милономъ, тотъ же 2 часа (бесплатно).

58.) Илиду Гомера тотъ же 2 часа (бесплатно)

59.) Югурту Салустія, тотъ же 2 часа совокупно съ выкладомъ наукъ филологическихъ яко упражненій филологично-историческаго сѣщенія, тотъ же 2 часа (бесплатно).

60.) Нѣмецкій языкъ совокупно съ практическими упражненіями, проф. *Глозъ* 3 часа (бесплатно).

61.) О Фаустѣ Гете ч. II, тотъ же 2 часа.

62.) Сравнительную грамматику *рускаго языка*, а именно видословіе, проф. *Головацкій* 1 часъ.

63.) Исторію *рускаго словесности* отъ XII до XVI вѣка, тотъ же 2 часа (бесплатно).

64.) Теорію *поэзіи*, и *красноречія*, тотъ же 2 ч.

65.) Приготовленіе къ практичной грамматикѣ еврейскаго языка, приватный доцентъ *д-р. Изель* 1 часъ.

66.) Изъясненіе книги *Кусари*, тотъ же 2 часа.

67.) Изъясненіе книги *Іереміа*, тотъ же 1 часъ.

— *Теплоходъ Ериксона.* До сего времени употреблялись къ плаванію кромѣ обыкновенныхъ людей, кораблей и пр. такожъ паровыя лоды; но теперь придеть къ тому же употребленію еще одинъ родъ корабля, о якомъ до сихъ поръ никому не было и не случилось; есть то *ново изобрѣтенная теплоходъ Ериксона*, который за движимую силу своей лоды употребилъ вмѣсто водной пары *самъ только теплый воздухъ*. Англійскіи Новины возвѣщаютъ, что дня 3 января отбылась первая, а 11 тогожъ мѣсяца с. г. другая проба въ морской пристани мѣста Нью-Йорка, и обѣ повелись дуже хорошо. Мы подаемъ тутъ ч. читателямъ нашимъ о новомъ изобрѣтеніи семь столько изъясненій, сколько сами знаемъ. И такъ, движимою силою оной лоды есть розогрѣтый воздухъ. О дѣятельности той же силы можемъ и въ каждой хатѣ найочевиднѣе пересвѣдѣчигися. Если возьмемъ *полудуемый свинскій мѣхуръ* (пухирь) завяжемъ и положимъ на теплое печи; увидимъ не за долго, что мѣхуръ надуется; если же полегитъ тамъ долше то иногда и *лугне*. То справляетъ воздухъ, черезъ теплоту въ высшей степени разтянутый и напаятый.

Для движенія лоды или машинъ употреблять и *Ериксона* туже силу теплого воздуха, при чемъ не только *дѣлать третины* дровъ можно зашадити, но и отстраняется совсѣмъ оно небезпеченство, яко иногда случается при паровыхъ котлахъ, се есть: разрывъ тыхъ же котловъ. До сего времени не могли паровыя лоды пускаться въ путь на великій „Тихій океанъ,” понеже не могли брати съ собою столько угля, сколько нужно было употребити, абы доплыти до наиблизшаго мѣстца на суши; но теплоходъ Ериксона наберетъ столько палма, що можетъ безъ отпочинку изъ Англии плыти до 5 части свѣта, до *Австрали*. Сія *теплоходъ* есть 250 стопъ долгая, 40 стопъ широка, 26 глубока и унесетъ 38,000 нашихъ центнаровъ. Она переплыветъ въ теченіи одного часа 9 — 10 миль противъ вѣтру, и скорость таа дастся побольшии черезъ поднесеніе теплоты. Найзамѣчательнѣйшая часть машинъ есть такъ званый *регенераторъ*, т. е. она часть, где теплый воздухъ, по исполненіи своего содѣйствія, охолождается. Состоить онъ изъ 200 тоненькихъ, доротяныхъ свѣточокъ, сложенныхъ одна по надъ другою. Доротки тыхъ свѣточокъ суть такъ тоненьки, шо въ цѣломъ регенераторѣ находится ихъ

100 миллионов. Тутъ, середъ доротяныхъ стѣточекъ охолодитсѣ теплый воздухъ якъ найскорше, шо для порушенія машини конечно естъ нужно. — Одинъ изъ найславнѣйшихъ испытателей природы вынѣшного вѣка, г. Морсе, изобрѣтатель чудовныхъ, *электрическихъ телеграфовъ*, присутствовавшій онымъ приѣзъ, сказалъ при томъ случаю, шо отъ изобрѣтенія книгопечатанія онъ незнаетъ *памятлнѣйшого* вынѣденія для добра человечества, якъ *теплолодь Ериксона*.

— Великое вниманіе обратили на себе въ *Англіи* новыи *электрическіи палицы*, которыи продаются въ тамошнихъ купеческихъ лавкахъ. Тн палицы содержать въ себѣ гальваническую машинку, а если однимъ концемъ ударится о яковъ твердое тѣло, на пр. о камень, выдаютъ они изъ себе ясное, далеко сягающее свѣтло, и такъ употреблены быти могутъ въ ночи не только для подпоры и охоронны, но такожь яко, латарни!

В С Я Ч И Н А.

— Замѣчанія достойно естъ оно согласіе дать современной исторіи, шо изъ владѣющихъ нынѣ въ Европѣ трехъ Цѣсарей, каждый вступилъ на престолъ державный для 2 Декембрія. Такъ Царь Николай вошелъ на престолъ 2 Декембрія передъ 27 лѣты, нашъ всемилостивѣйшій Цѣсарь Франць Іосифъ тогоже дня передъ 4 лѣты, а Цѣсарь Л. Наполеонъ тогоже дня минувшого года.

— Въ г. 1852 спотребовано въ цѣлой Австріи: табаки 64,712 центнаровъ (!), тютюну 504,437 центнар., сигаровъ австр. 635,783,648 штукъ, сигаровъ заграничныхъ 9,060,005 штукъ. Табаки наибольше употребляютъ въ Тиролю, тютюну наибольше въ Солноградъ, сигаровъ въ нижнихъ Ракусахъ и въ Терстѣ. Наименьше табаки употребляютъ въ Уграхъ и въ сосѣднихъ краяхъ въ Семиградъ, на Буковинѣ и Шлезску, тютюну наименьше въ Венецкомъ ко-

ролевствѣ. Наша Галачина всего употребляетъ въ середной мѣрѣ:

— Въ волнахъ американской рѣки Миссисипи утонуло въ теченіи минувшого года семдесятъ осемъ паровыхъ кораблей! При случаю майже каждого затопленія погибло по нѣсколько людей! Такая неосторожность случается только въ Америцѣ, где якъ извѣстно всѣ паровыи машины имѣють въ два и три разы большую скорость немъ въ Европѣ.

— Просторонь города Лондина обоймаетъ с. г. уже 114 квадратныхъ англійскихъ миль. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ обоймали старинныи города Вавилонъ и Ниниве первое 225, второе 216 квадрат. англ. миль просторони. Такимъ дѣломъ были они почти въ два разы такъ великии якъ Лондинъ!

— Въ г. 1853 отбудутся въ Россіи слѣдующіи торжественныи рочнипы: 150 лѣтная во память заведенія флоты на Балтичкомъ морю г. 1703 — и заложенія Петербурга, 16 мая 1703 г. — 100 лѣтная рочница уничтоженія внутреннихъ линій, и пловыхъ коморъ въ рос. державѣ, 20 грудня 1753. г. — 50 лѣтная во память оглашенія новыхъ статутовъ царской академіи наукъ 25 липца 1803. г. — Первого путешествія вокругъ свѣта Россіянами предпріятій въ 1803 г. — Заведенія института св. Катерины въ Москвѣ, 1803 г. — Присовокупленія Мингрелии къ Царству 2 грудня 1803. г. — 25 лѣтная заключенія мира съ Персією въ Туркманчау 10 лютого 1828, въ слѣдствіе которого Канаты Бривану и Накичевану присовокуплены zostали до Россіи. — Заведенія высшего института педагогичного 30 вересня 1828. —

И С П Р А В Л Е Н І Е.

Въ 3омъ числѣ Зори Галицкой случилась на сторонѣ 33 въ 20 рядку ошибка, которую исправить просимъ вмѣсто „сказала Аналія“ на „сказала Наталія.“

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 4)...

Изданіемъ и типою Иститута Ставроиگیяльскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается въ седмицу въ Середу два листы, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьочно получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЖЕНА.

(Романъ по Гейне)

Такъ страстно двое любилось людей,
Она ледяно была, онъ злодѣй;
Що онъ укралъ, она скрывала,
Тѣшилась тѣмъ и хохотала.

Ночи и дни такъ сладко имъ текли!
Однажды словилъ его и вѣли
Въ тюрьму: она въ окнѣ стояла,
Смотрѣла за нимъ и хохотала.

Съ тюрьмы сказати велѣлъ онъ жещъ:
„Прійди моя мила, прійди ко мнѣ,
Я гибну отъ тоски!“ Она покачала
Головою и хохотала.

О шестемъ рано стяли ему лобъ,
О семомъ тѣло сокрыли во гробъ.
Онажъ о осомъ ужъ гостей пріймае,
Вино пила и — хохотала!

Б. А. Д.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Отъ остатного оголошенія загальныхъ складокъ на Храмъ Господень и домъ народный во Львовѣ въ Числѣ Зори 60. зъ р: 1852. вплынули новии жертвы, которые до вѣдомости всенародной подаемъ. Значительна жертва честного и преподобного Господина Петра Мединского, приходника въ Ягол-

ници старой, выносяща 3.000. зол: ринс: ср. выказана уже въ Ч. Зори 84.

Кромѣ тыхъ вплынули отъ остатного липири до 1. листопада т. р. слѣдующимъ жертвы:

1) Всечест. и Высокопреп: Господинъ Теодоръ Хомѣнскій, Намѣстникъ Бобрецкій, надзыратель школь народныхъ и приходникъ въ Миколаснѣ, жертвовалъ отъ себе самого 100. р. с.

2) Тойже самъ прислалъ собрану складку зъ Миколаева и Подсоснова 105 р. ср. зъ Гринева 33. рс: 13. кр. зъ Подяркова 15. р. ср. — разомъ 153. р. 13. кр.

3) Честный и преп. Господинъ Винкентій Лѣсенецкій, приходникъ Оугриня и Залѣси, прислалъ 25 рс. 45. кр.

4) Всеч: и Высокопреп: Господинъ Алексей Мойсевичъ крилошанинъ, намѣстникъ Залозецкій, надзыратель школь народныхъ и приходникъ въ Милнѣ. жертвовалъ отъ себе 20. р. ср.

5) Вс. Г. Менѣвскій Іоаннь. пр. профессоръ гимназіальный въ Перемышли. 1. рс. ср.

6) Вс. Г. Меруновичъ Клементъ, профессоръ гим. въ Тернополи. 1. рс. ср.

7) Вс. Г. Сѣнкевичъ Іоаннъ, приходникъ Любина, округа Перемыскаго 5. рс. ср.

8) Чест. и Преп. Госп. Трохлинскій Іоаннъ, приходникъ въ Искани, Намѣст. Бѣрецкаго, собиратель на 3. приходы 24. рс. 30. кр. ср.

9) Чест. и Преп. Госп. Алексевичъ Юліянъ, поднамѣстникъ и приходникъ Устрицкій, прислалъ 37. рс. 40. кр. ср.

10) Чест. Господ. Петрашевичъ, капелянъ Снкова, Золочевского округа, собралъ 10. рс. 40. кр. ср.

11) Чест. и Преп. Господ. Михайлъ Керекярто, приходникъ въ Липѣ и книгохранитель Намѣст. Бѣрецкаго собралъ 18рс. ср.

12) Всеч. и высокопр. Господинъ Воеводка, намѣстникъ Жуковскій и приходникъ Обертына, собралъ 31. рс. 30. кр. ср.

13) Чест. и преп. Господинъ Антонъ Здерковскій, приходникъ Товстого и собиратель Намѣстнической прислалъ 90. рс. 4. кр. ср.

14) Всеч. и высокопр. Господинъ Іоаннъ Козловскій, Намѣстникъ Городенскій, прислалъ 128 рс. 30. кр. ср.

15) Всеч. и высокопр. Господинъ Михайлъ Бьельецкій, Намѣстникъ Городецкій и надзиратель школъ народныхъ прислалъ 6. рс. ср.

16) Честни и достохвальни громады въ Лучичи и Шарпанцежъ Жолковскаго округа прислали 85. рс. 30. кр. ср.

17) Честный и препод. Г. Мартинъ Прокоповичъ, приходникъ Сушна и Ордова 51. рс. 4. кр. ср.

18) Честный и препод. Господинъ Михайлъ Козловскій, приходникъ Утѣшкова 14. рс. 4. др. ср.

19) Всеч. и высокопр. Господинъ Лопатинскій, намѣст. Богородчанскій и надзиратель школъ народныхъ 86. рс. ср.

20) Всеч. и высокопр. Господинъ Грабовичъ Андрей, собиратель нам. Збаражскаго, приходникъ Любянокъ 148. рс. 9. кр. ср.

21) Всеч. и препод. Господинъ Теофілъ Павликовъ, приходникъ Бережанъ и собиратель Намѣстнической прислалъ 35 рс. 36. кр.

22) Чест. и достохвальни громады Спасова и Перватына округа Жолковскаго зложили и привезли 195. рс. 30 кр.

23) Чест. и препод. Господинъ Іоаннъ Квашицкій бывшій довр. Намѣстникъ, парохъ въ Буску зложилъ собравши въ Намѣстничествѣ жертвы 107. рс. 34½ кр. ср.

24) Чест. и преп. Господ. Аенанзій Волошиновичъ, приходникъ Кролики Волоской округа Сяноцкаго прислалъ 5. рс 24. кр. ср.

25) Ч. и преп. Г. Михайлъ Яцковскій, приходникъ Жукова зъ Жук. и Ремизовець 6. рс.

26) Чест. и преп. Госп. Штокаль Алексей. капелянъ Стремилча собралъ 5. рс. ср.

27) Благородный и высокодост. Госп. Щербиньскій Петро прислалъ собрану въ Ришовѣ складку 48. рс. ср.

28) Благородный и достохвал. Госп. Дроздовскій Теодоръ, правитель школы головною въ Кентахъ жертвовалъ 2. рс. ср.

29) Всеч. и высокопре: Господинъ Шведицкій Намѣстникъ и приходникъ Львовскій зложилъ зъ Дмитровичъ и Сороки 11. рс. ср.

30) Всеч. и высокопр: Господинъ Алексей Мойсеовичъ, крилошанинъ, Намѣст. Залозецкій и приходникъ въ Мильнѣ прислалъ зъ Мильна собрани 3. рс. 30. кр. ср.

31) Честный и препод: Господинъ Іоаннъ Волянскій, приходникъ Чернева собралъ въ Черневѣ 34 рс. 39. кр. ср.

32) Всечест. и высокопрепод. Госп. Терентій Сметана, Намѣстникъ Олескій, школъ народныхъ надзиратель и приходникъ въ Туремъ собралъ въ Туремъ 100 рс. ср.

33) Н: Н: зъ Винограда не хотящій имене своего изъявити жертвовалъ на домъ народный 50 рс. ср.

Подаючи сіе до общою вѣдомости комисіа примѣчае що:

а) всечестніи и высокопреподобніи Господинове Хомбвнській, намѣстникъ Бобрецькій и крилошанинъ Алексей Мойсеовичъ уже многократно щодросги своей и ревности о добро народне явны дали доказы. Уже попередно взирали дѣланія рады головної якъ долго тая существовала, а теперъ неустаютъ такъ собственными датками яко и вліаніемъ своимъ на собратію и соотчичей дѣланія и трудъ комисіи сильно вбирати; що б) честный и преп: госп: Здерковскій Антоній собиратель намѣстничества Скалатского занялся ревн. собираніемъ складокъ; що в) всечестніи и высокопреподобніи Господинове Воеводка намѣст: Жуковскій, Козловкій Намѣст: Городеньскій; Лопатинскій Богородецкій; Павликонъ Собиратель Намѣст: Бережаньского и Шведзицкій Намѣст. Львовскій уже многократно значительными прислали складки; що г) всечестное и достохвальное духовенство Намѣстничества Бѣрецкого такожъ дуже ревно занимается собираніемъ складокъ: що д) честныи громады Лучичи и Шарпанць, Спасовъ и Первятынъ, не токмо значительныи сложили жертвы, но тѣи подъ проводомъ ревныхъ и достойныхъ своихъ душпастырей Или Мидзиньского приходника Лучичкого и Даміана Магурского умыслными высланниками честными газдами: Іосифомъ Придатокъ и Теодоромъ Дѣгай провѣзоромъ Лучичкимъ и Іоанномъ Свѣдъ, провѣзоромъ Первятынскимъ и Илиемъ Куликъ провѣзоромъ Спасовскимъ комисіи заслали; при которой то способности тѣи честныи высланники цѣлу фабрику старанно оглянули, и величавостію поднятого предпринятія любовались; е) що честное и достохвальное духовенство Намѣстничества Збаражского и Буского не осталось бездѣльное але за примѣромъ собратій и содѣлателей заняло ся такожъ

съ многонадежною ревностію собираніемъ складокъ и що ж) и въ сторонахъ граничныхъ Руси Галичской живутъ мужи чувствующіи сильно движеніе Русиновъ на дорогѣ вѣры и просвѣщенія.

Тое увѣреніе, що усилія комисіи попрають мужи съ сильнымъ и незломнымъ духомъ и постоянною волею, ободряя комисію до дальшого дѣланія и укрѣпляя до вѣры, що съ упованіемъ въ Бозѣ всѣ препятствія, которіи доси утрудняли тое общенародное предпринятіе усунутся, а комисія въ состояніи будетъ распочатое дѣло до совершенія довести.

Комисія не залишаетъ такъ жертвующимъ яко и собираніемъ жертвъ трудящимъ ся свое искренное благодареніе изъявити, и до дальшого ревного содѣланія просити.

Отъ комисіи предстоящей справамъ создаемого дома народного и другои городскомъ церкви во Львовѣ дая 7. (19) лист. 1852

*Кузьемскій.
Предсѣдатель.*

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

*рускій приходникъ изъ Соломянки.
Повѣсть, кимъ самымъ написанна.*

ГЛАВА ОСМАЯ.

Другого дня рано посѣтилъ насъ снова Панъ Раевичъ, и отъ того времени вступалъ онъ до насъ почти що другій вечеръ. За всякимъ разомъ приносилъ онъ то менъ то женщинамъ книжки до читанья. И той гостиня его, такъ часто повторяемой, былъ я для нѣкихъ причинъ не дуже радъ. Хотя бо разговоры, съ нимъ веденныи, были вельми пріятныи; хотя онъ такъ пріязно и охотно помагалъ намъ въ домашной господарцѣ; однакожь надто великая приклонность его къ моеи Аналіи казалась менъ не

совсѣмъ пригожею. Мимо того, нилое обхожденіе его прилягало чимъ разъ больше до сердца моей родины, и я самъ съ каждымъ днемъ привязывался къ нему чимъ разъ больше.

Однажды, укончивши работу нашу на добрый часъ передъ западомъ солнца, пошли мы всѣ разомъ за огородъ въ любимое наше пристанище подъ четырьма березами. Моя Амазія завела рѣчь про Основаненька „Марусю.“ котору сими дни съ великимъ читала замилуваніемъ.

„Есть то найкрасная цвѣтка изъ украинскихъ степей.“ сказалъ Раевичъ, она розвилась подъ пріятнымъ небожъ руской Италіи, куда влекутъ насъ воспоминанія дорогой старины; въ томъ краѣ, где когда то роздольно гуляли Козаки; въ краѣ чудныхъ думъ и сердечныхъ, тужливыхъ пѣсней!”

Я подтвердилъ мнѣніе Пана Раевича касательно Маруси, котору всегда уважалъ за наилучшую повѣсть, яку доселѣ пропозвела не только Украина, но и вся Русь Малая. Сожалѣлъ однакожъ надъ тѣмъ, що вся новая украинская словесность заключается только въ сказкахъ, повѣстяхъ и пѣсняхъ; и не смотря на то що въ Кіевѣ писалъ Несторъ и ины славныи дѣлатели старинной нашей словесности; новѣйшіи украинскіи писатели не старались обогащати простонародный языкъ свой неизчерпаемымъ сокровищемъ старорусского, не тщались сдѣлати его соотвѣтнымъ высшому требованію нынѣшняго просвѣщенного вѣка. И того ради не появилась на Украинѣ дотоль ни одна вѣдомственная книга, ни одинъ вышестепенный учебникъ, съ той только, думаю, причины, понеже украинское нарѣчіе, переходило лишь простолюдиномъ испорчено къ тому вліянію сосѣднаго, не подасть уже нынѣ само собою словъ къ высшимъ понятіямъ.

„Хотя много правды въ томъ вашемъ замѣчаніи, достойный Отче.“ отрекъ Раевичъ, „однакожъ я, яко преданныйшій любовникъ всего, що касается Украины, боронити ю долженъ передъ вами. Украина сдѣлала уже такъ много для словесности и общего просвѣщенія, що желати отъ ней больше не можно. Въ старину былъ Надднѣпрянской край средоточіемъ всего образованія и могущества Руси; къ сожалѣнію, благосіятельное свѣтло Кіева потухло вскорѣ подъ насилиемъ Монгольскихъ дикарей. Но въ другой половинѣ средовѣчія возсіяла Украина свѣжимъ блескомъ славы и просвѣщенія; ретивыи сердца Козаковъ защищаютъ милую отчину, отъ вліянія и нашествія Литовцевъ и Поляковъ, а меже тѣмъ Бурсаки Кіевскіи засѣвають широкое поле Руси сѣменами умнѣнія и благочестія. Украина, столь вѣковъ борющаяся за свой бытъ, за вѣру праотцевъ, истощилась наконецъ совершенно, и въ груди ей осталась только великая тоска и глубокий жалъ за погибшую свободу, которыи иногда вырывался изъ подъ сердца тяжкимъ вздохомъ и тужливою пѣсню. Къ тому выдала Украина довольно знаменитыхъ людей, заслужившихся въ новѣйшее время и у своихъ сосѣдовъ. Помяну только про Богдана Залеского, Гоцинского, Максимовича, Срезневского, Бодянского, а сколько еще прочихъ! Ото, великіи заслуги и подвиги Украины, котора поле уствованія радо уступаетъ Галичанамъ, придерживая собѣ всегда пѣти на свой прекрасный ладъ и пѣніями своими восхищати племена сосѣдственныи. И такъ: да вѣчно поетъ Украина, а разумуютъ Галичане.”

Я ничѣмъ не могъ опровергнути рѣзкихъ доказательствъ приведенныхъ во оборону Украины Паномъ Раевичемъ, и призналъ ему неоспоримую правду.

Дабы поминку нашу объ Украиннѣ нынѣшняго вечера достойнымъ образомъ увѣнчати, просилъ я Раевича, чтобы заспѣвалъ намъ яку украинскую пѣсню. Онъ не давалъ долго проситися, только взявши гитару и перегравши искусною рукою отвѣтныи напѣвъ, сталъ спѣвати Пугача:

Ой сталъ пугачъ на могилѣ
Тай гукаулъ онъ: пугу!
Чи не дастъ Богъ Козаченьканъ
Хоть теперъ потугу.

Що день, що ночь усе ждемо,
Поживы не маемъ;
Давно была! про Липаровъ
Уже не сгадаемъ!

Ой колись мы воевали,
Та больше не будемъ;
Того счастья и той доли,
По вѣкъ не забудемъ.

Та вже сабли поржевли,
Мушкеты безъ курковъ:
А ще серце Козацкое
Не бонтея Турковъ!

Пѣснь тая и голосъ Раевича подобались мнѣ такъ дуже, що я просилъ его, дабы повторилъ хотя послѣднюю строфу; онъ сдѣлалъ тую милость, но потомъ стали снова дѣвчата понуждати его, чтобы воспѣлъ иъкую и для нихъ пѣсню. Такъ и взялъ гитару, и при сумномъ ея созвучіи пѣлъ слѣдующую балладу:

Свободно — якъ птичка — жилъ молодець
Безъ пѣли, безъ собственной хаты;
Отъ давна не зналъ онъ що мати, отецъ,
Що сестры и братья и сваты.

Съ тоскою въ груди и съ пѣснюю въ устахъ
Онъ долго по свѣтѣ блукался;
Никто его тоски не понималъ въ словахъ,
Надъ пѣснюю всякій ругался.

Но была младая дѣвица одна,
Що радо его слухала,
И мило смотрѣла на него она,
И пѣсню его понимала.

„О дѣвчино красна,“ сказалъ онъ до ней,
„Меню не слухай такъ страстно:
Бо любишься въ пѣсни унылой моей,
Полюбишь мене, но несчастно.“

„Пѣвецъ я убогий — безъ родины — самъ,
Якъ соколъ въ степи одинокій;
Якъ внищій скятаюсь по чужимъ странамъ
И свѣтъ обхожу я широкій.“

„Я не желаю любви твоей;
Когда бо мене ты полюбишь:
Розбудишь мученья въ груди моей,
И жизнь молодую свою сгубишь!“

„О дѣвчино красна не пробуждай
Моиъ терпѣній на ново;
Жалтій надо мною лише — и подай
На отходъ ласкавое слово!“

А що отресла дѣвица ему,
Що дальше случилось, — не знаю;
Якій тамъ конецъ колись будетъ тому,
Поздѣйше о томъ заспѣваю....

Содержаніе пѣсни той и глубокое чувство, съ якимъ произносилъ онъ всякій стихъ, казали доминватися, що она была собственнымъ его твореніемъ. Мы сидѣли еще долго въ непрерывномъ молчаніи, якъ бы хотѣли сами догодатися конца прорванной баллады. При томъ случаю взглянулъ я на Амацію, и узрѣлъ слезы въ очахъ ей!

Наше молчаніе перервалъ намъ Федорій, который поспѣшно прибѣгъ возвѣстити намъ, що захалъ до насъ въ гости приходникъ изъ Верховинки съ двома панчачами. Чимъ скорше поспѣшили мы имъ на встречу. Сосѣдъ мой поздоровившись съ нами, представилъ своихъ сопутниковъ яко укомченыхъ Богослововъ, изъ которыхъ одинъ былъ его сродникъ, а другій сынъ его старого друга, намѣстника на Подолію: Потомъ сталъ извинятися, що такъ поздно къ намъ захалъ, вертая бо изъ Львова коня его занемогъ въ дорожѣ, и не можно ему нынѣ дальше вхати; такъ и принужденъ про-

сити у насъ ночьюъ хотьбы где ни будь въ стодоля.

Я изъяснилъ свою радость надъ ихъ прибытіемъ и просилъ въ комнату где они вскорѣ розгостились. Тутъ представилъ я молодымъ Богословамъ мою родину и Пана Раевича, котораго Подолянинъ поздоровилъ яко своего знакомого изъ Львова.

Оба молодые гости были якъ обыкновенно наши юныи Богословы несмысли и маломовны; но за то говорилъ много жартобливый сосѣдъ изъ Верховинки; иногда заговорилъ онъ и про мой дорогоценный товаръ, съ которымъ я будто нигде не показуюсь, а только якъ скупецъ золото крыю его въ своей хатѣ. Дѣвчата мои румянились при тыхъ словахъ дуже, но мимо того старались показати и миною и словами, будто они все ихъ не понимаютъ.

Такимъ и тымъ подобными жарты моего сосѣда возбудили радость въ цѣломъ нашемъ обществѣ; а только Панъ Раевичъ казался быти не совсѣмъ веселого расположенія и часто поглядывалъ то на Аналію, то на молодыхъ гостей.

Потомъ, видя общую радость и якъ бы не хотѣти ей печалію своею мѣшати, попращался съ нами, и мимо моихъ усиленныхъ сопротивленій, поѣхалъ уже въ поздний вечеръ домой. Я былъ бы дуже радъ иныи его у себе переночевати; новыи гости имѣли великую охоту до разговоровъ и забавы; къ тому можно было потомъ еще развеселитися пѣніемъ, особливо, когда нашлося больше мужчинъ, а до того Русиковъ. Все тое представлялъ я Раевичу, но онъ упорно стоялъ при своемъ и опустилъ веселый нашъ кругъ. О несчастливый друге мой, сколь люблю тебе, — и сколь сожалю, що не могу ничѣмъ помогчи тебѣ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не обманулась моя Татьяна, сказывая менѣ вчера вечеръ по тихоньку, що молодыи гости приѣхали нарочно ради дѣвчатъ нашихъ. Еще бо вчера намекалъ честный сосѣдъ изъ Верховинки жартобливо о моихъ дорогоценныхъ товарахъ, съ которыми я будто крыюсь; другого дня далъ онъ срозумѣти менѣ, що если я самъ полньюсь возити мебели свои по сосѣдамъ, то добрыи люди тѣи могутъ отомстити менѣ за оно преступленіе въ такой способъ, що самы привезутъ знатокѣвъ и любовниковъ на вышереченныи мебели, которы, по его мнѣнію, чимъ долше стоятъ въ нашей хатѣ, тымъ больше упадаютъ на своей цѣнѣ.

Тѣи слова открыли менѣ надто ясно цель, для какой привезъ онъ до насъ молодыхъ Богословѣвъ. Хотя конь его поздоровѣлъ на другой день значительно, однакожь онъ самъ а еще больше молодцы не оказывали наименьшой охоты поспѣшати до Верховинки, тожь и мы радовались гостинною ихъ чрезвычайно и задержали у себе до вечера.

Былъ то день для мене дуже пріятный. До полудня забавлялся я съ моими милыми сосѣдомъ, когда межъ тымъ молодыи гости розсмѣялись мало помалу до моихъ дѣвчатъ и завели съ ними веселыи разговоры. По обѣдѣ поишли мы въ нашу пасѣку, где приготовано было выгодное мѣстце для гостей. Они подивлялись порядку и все устроительство моей пасѣки, и хвалили мене за то яко опытного пчеловодителя.

„Порядокъ той въ моей пасѣцѣ;” сказалъ я, „приписитъ славу не только менѣ, но и Пану Раевичу, который передъ нѣсколькими днями пріязно помагалъ менѣ въ уставленіи ульевъ и цѣломъ внутренномъ ей устройствѣ. Къ тому сообщилъ онъ менѣ одну дуже замѣчательную книгу о пчело-

водствъ, котора подала менѣ думку сдѣлать въ пасъца моей значительныи перемены такъ во пользу пчелъ самыя якъ и кою и мнѣхъ веселыхъ гостей.”

Молодой Подолянинъ, услышавши споминку про Пана Раевича, сожалѣлъ надъ тымъ, що онъ вчера такъ скоро опустилъ наше общество. „Я познакомился съ нимъ во Львовъ,” продолжалъ молодець съ Подоля, „и хотя мое съ нимъ сообщеніе не тревало долго, но оно принадлежитъ къ сладчайшимъ воспоминаніямъ въ моей жизни.”

„Кажется,” замѣтилъ я при томъ, „вы такожъ преданный любовникъ русской словесности, и для того сообщеніе ваше съ нимъ яко рускимъ постомъ, было само пріятнѣйшее.”

„Признаюсь,” отрекъ молодець, „я стался любовникомъ русской словесности, стался Русиномъ съ тыхъ поръ, якъ позналъ Раевича.”

Я зачудовался надъ тымъ его страннымъ признаніемъ; но могъ бо поняти, для чего нужно было ему ажъ статися Русиномъ, когда онъ, яко сынъ русского священника, былъ Русиномъ уже отъ роду.

Молодой Подолянинъ усмѣхнулся и объяснилъ свое признаніе слѣдующимъ образомъ: „Вы преподобный Отче, — поживая въ сельскомъ уединеніи между самыя руския народы, къ тому переживши юность въ Закарпатской Руси, — и поняти не можете, абы руския молодцы, живущіи въ большихъ городахъ Галичины, могли быти чимъ инымъ якъ только Русинами. Русинами надлежитъ имъ быти, но къ сожалѣнію, Русинами не всегда они бывають. И не диво; въ городахъ не помятъ люди про Русиновъ; тамъ все идетъ на польскій ладъ. Въ старинномъ русскомъ Льва городъ нынѣ польское жительство, польская бесѣда, польскія обычаи. И якъ же дѣтина русской, привезенной туда

родителями на воспитаніе, сообщающейся безъустанно съ горожанками, не приняты изъ которыхъ ихъ нравы, обычаи, особливо же ихъ бесѣду, котора, яко вѣтъ словенского языка, съ нашою столь много имѣетъ подобія? Не дивно, що вліяніе тое и на насъ подѣйствовало. И мы забывали уже языкъ отцевъ нашихъ. Къ счастью, сожелся я передъ двома лѣты съ Раевичемъ; разговоры, съ нимъ веденныи, отворили менѣ очи: я прозрѣлъ, взглянулъ ближе въ руския книги, понялъ ихъ при его помочи — и возродился тымъ, чимъ сотворилъ мене Богъ, возродился Русиномъ. Жаль только, що таковое возрожденіе рѣдко случается.”

Признаюсь, що зналъ я о спольщеніи русскихъ городовъ, но думалъ однакожь, дабы оно могло такъ спльно вліяти на русскихъ юношей, именно приготавлиющихся къ Богословскому стану. Я уважалъ по всѣхъ мнѣхъ старыхъ сосѣдахъ, що за ихъ время такъ не бывало!

Послѣ тыхъ разговоровъ бавились еще молодцы съ дѣвчатами на просторномъ подворьи въ обруча, и по добрымъ подвечерку отъѣхали съ нашимъ сосѣдомъ до Верховники. Передъ отъездомъ вручилъ молодой Подолянинъ Наталіи вторую часть „Вѣлика,” изданого во Вади ч. Ивановъ Головацкимъ. Такъ и было снова чимъ забавлялись нынѣшного вечера.

Про молодець не говорилъ я съ дѣвчатами ничего, былъ бо увѣренъ, що въ такъ короткомъ времени не могли, еще молодыи люди добре познакомитися. Я только самъ въ собѣ утѣшался мыслію, що хоть разъ появились у насъ такіи молодцы, якихъ отъ сердца желалъ видѣти въ нашей хатѣ, которыхъ чей возмогутъ отвлечи Наталію и даже Амалію отъ пустыхъ мечтаній; — и тая мысль наповала мене солодкою надеждою. Съ тыхъ поръ пребывалъ въ

душъ моей милый покой; но жаль, онъ вскорѣ сновъ возмутися.

Въ слѣдующу Недѣлю захвалъ до насъ неожиданно Панъ Долинскій съ двома Паниами, которые представилъ намъ яко свои сестрыниці. Мои дѣвчата приступали къ нимъ съ великими почестыями, или лучше реку съ великою несмѣлостію. Дамы тѣмъ говорили много, а все съ тымъ высокимъ тономъ, який употребляется нынѣ на великомъ свѣтѣ. Они стали разводиться надъ пріятностями городского и скукою сельскаго житія; надъ „Вѣчнымиъ Жидомъ” и иными твореніями Евгенія Си и Балъзака, надъ нововыдуманнми способомъ, якъ забывати скуку житія — игроу въ „виста” и пр.

Мои дѣвчата, которы о тихъ предметахъ не много знали говорить, сидѣли встыдчась своего несвѣдомства. Мимо того замѣтила одна съ Вельможныхъ Панъ, що наша Наталія отличается красотоу и значительнымъ образованіемъ, которое могло бы поднестися еще на высшюю степень, кобы только она близше познакомилась съ великимъ свѣтомъ. Другая додало, що нѣсколькомѣсячное пробываніе во Львовѣ перемянило бы мою Наталію въ истинну королю салоновъ. Моя жена соглашалась съ ихъ мнѣніями и благодарила за совѣтъ другой сердечно; къ тому прибавила она, що ничего больше не жадаеть, якъ только послати дѣвчата хоть на одну зиму до Львова.

Я не могъ сокрыти мою нетерпимость, и представлялъ достойнымъ гостямъ, що дѣвчата якъ на свой станъ и скудное наше житіе, довольно образованны, и що высшая политура (якъ выразилась одна съ Вельможныхъ) была бы только иронією ихъ убожества и возбудила бы въ нихъ желаніе за такими вещами и увеселеніями; до которыхъ они ниже имѣють права.

„И до якихъ увеселеній они не имѣють права,” спыталъ Панъ Долинскій. „они, которые столь много увеселеній подати могутъ другимъ? Що мене касается,” прибавилъ онъ, „я имѣю гроши, имѣю достатки; гасломъ моимъ: любовь, свобода и увеселенія; однакожь, кобы запись половинны моего имѣнія принести могла красненькой Пани Наталіи нѣкую радость, най мене чортъ возьметъ, если не сдѣлалъ бы то для ней: и той лишь одной нагороды жадалъ бы отъ ней, що бы въ додатокъ сего дару приняла мене самого.”

Такъ не свѣдомымъ не былъ я въ свѣтѣ, дабы не могъ узнати въ словахъ тихъ пустое болтанье, за которое подобныи люди стараются укрыти подлоту своихъ замысловъ: но я принужденно утлунилъ свой гнѣвъ и съ видомъ ураженнаго достоинства проговорилъ слѣдующія слова: „Ласкавый Панае! родина, которую вы посѣтити благоизволили, дорожить честію своею не меньше васъ. Всякое покушенье, дабы славу ей оскорбити, могло бы повлечи за собою опасныи наслѣдства. Честь вельможный Панае, то все, що еще нынѣ нахъ остало, и тое послѣднее сокровище должны мы беречь съ подвоенною старанностію!”

Панъ Долинскій казался вовсе не ураженнымъ тыми словами; онъ вопреки подалъ мнѣ по дружески руку и похвалилъ мою великую ревность въ томъ случаю, где идетъ о славу моей родины; замѣтилъ однакожь, що мое недоверіе къ нему несправедливо, понеже мысль подобная ниже повстати бы могла къ благородномъ его сердцу.

Сестрыниці Пана Долинскаго стали потомъ весьма многорѣчиво толковати про дѣвочу славу, и высокопарныи слова ихъ не дуже мнѣ подобались, казали бо ся или выученными или не подходящими отъ нецо-

рочного сердца! Но жена и неопытные дѣвчата пріймали все тое за добрую монету.

Къ вечеру попращали насъ вельможными гостями и просили, абы дѣвчата наши съшли съ ними до повоза. и сопровождали ихъ хотя черезъ село. Дѣвчата не были отъ того; но я пропизнесъ за нихъ нѣсколько извиненій, которыя и они самы узнали маловажными; то розсердило мене, и я по просту отказалъ просьбѣ вельможныхъ, за що сего же вечера и на другій день сносить долженъ былъ неудовольство и однословныи отвѣты.

(Продолженіе слѣдуетъ)

АФОРИСМЫ

о народной словесности

(соч: Турявъ)

I. Народная мова.

Вола рогами, человекъ словами . . .

А человекъ и человекъ бесѣдою . . .

Чимъ краснѣе будешь говорити, тѣмъ ты будутъ просвѣщенѣйшимъ человекомъ почитати.

И что скажется о одномъ лицу, то само будетъ говоритись и о всемъ коимъ либо народѣ.

А и мы Русины народъ, и о насъ можетъ нѣчто сказатись . . . не лучше будетъ, коли въ передъ сами о себѣ будемъ сказывати . . . въ передъ приукрасимъ собственный дворокъ, чтобъ насъ входящій чужоземець не осудилъ . . .

Досыть насъ судили . . . досыть учили куда путь въ горохъ! . . . а мы познали куда путь до словеснаго просвѣщенія.

И что намъ осталось? . . .

Нѣсколько книжокъ, на коихъ ломимъ голову, чтобъ разумѣти ихъ — днесъ завтра было уже и мовы отрекати ся матерныя, —

учитись ей мало, а образывати ю никто не хотѣлъ . . .

Но она однакомъ зостала.

И теперь приходитъ намъ пора, поймайтись до ней, безъ которой всегда только останемъ *amphibium*, кое днесъ червакъ, завтра бабка, позавтру приберетса иними барвами и будетъ мотыль, а на четвертій день останеть *progenies nos vitiosior* . . .

Тая по крайней мѣрѣ судьба наша, ежели до народнсей мовы не поймемса и движеніями ея движеніе словесности, и побѣду просвѣщенности не произведемъ.

Но гденъ найдемъ поприще, на коемъ бы можно выступити и боротись съ чуждушнымъ провинціализмомъ словеснымъ?

Где найдемъ великій словарь для словесности, который намъ не слова еще, но и предѣлы употребленія ихъ выявитъ?

Где найдемъ источникъ, съ ково неоскудѣваемо почерпивати будемъ вещество нѣкое — якбы оливу — на непрерывное блестяіе просвѣщенія словеснаго?

И поприще — и словарь — оливу знайдемъ въ литературѣ.

II. Литература.

Что есть то за чудо?

Есть ли то орелъ, который летитъ прямо до солнца, и летитъ до высоты человеку не дозримой? . . .

Нѣтъ. Литература не двигается выше людей, и блескъ свой вмѣсто блестящихъ солнечныхъ лучей зъ темныхъ комнатахъ, спорошенныхъ музей, и отъ однихъ малоцѣнныхъ свѣщи получаетъ . . .

Естьли то ачей золото, кое богато, и цѣнно, — и можно ли нимъ даже цѣлаго человекъ закупити?

Нѣтъ. — Литература не есть только про богатога, якъ золото, — и немъ не бу-

дешь скоро богатымъ. хотя банкротирова-
ти можешь . . .

Что же за чудо она?

Зри тамо!

Зри тое поле великое, и пространное;
предѣла нѣтъ! Где поглянешь, цвѣтъ и
опять цвѣтъ . . . Но зри, се приходитъ
двое твореній животныхъ. Одно летить
рыбами крилами — другое маленькое и пре-
зрѣнное двигается на маленькиѣхъ крилцяхъ
а третое спускается зъ былины на былину.

Зри дальй!

Тыя три творенія животная становля-
ются на цвѣтахъ, и кушаютъ ароматы ихъ. . .
равное лакомство, равными плоды земли, и
коли повертають домовъ то несетъ пчелка
солодкій медь . . . паукъ горкій ѣдъ от-
равы . . . а пестрый мотиль якъ пришлоъ
такъ пусто ссалъ . . .

И то есть Литература! —

Есть поле на комъ можно плодоти,
обробляти, производить чудесными цвѣты, —
творити и творитись — и сберати медь
или ѣдъ, даже и порожнюю позостати голо-
вою; рыбами чужими барвами обвито . . .

Не есть иначе!

Литература есть термометромъ одного
народа, якъ загорода есть примѣромъ од-
ного скородника, — но якъ одна загоро-
да множествомъ былинъ и раствнй обса-
жена есть школою для лѣкаря: такъ лите-
ратура должна быти такоужь и школою для
народа, — термометромъ просвѣщенія его.

Гдежь тая школа для насъ?

Где тая загорода для русина?

Термометеръ для насъ весьма низень-
кимъ показываетъ степени . . .

Но тьма отидеть, и приблизится цар-
ствіе литературнаго свѣта и литературнаго
свѣтла . . .

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

Межи давнѣйшими книгами рускими на осо-
блвшу увагу заслугуетъ книжочка напечатана въ
Львовѣ року 1591. подъ заглавіемъ: А дѣла отъ сѣ.
Грамматика доброголаголиваго Еллино — словенскаго я-
зыка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Кô
показанію многоименитому Россійскому роду.
Во Львовѣ вдрукарни Братской. Року 1744. Дальй
на сторонѣ 5. „Грамматика сложена отъ различ-
ныхъ грамматикъ, спудейми (студентами) иже въ
Львовской школѣ. Всѣхъ листовъ 182. или сторонъ
364. типоужь неозначенныхъ; въ маленькой осмуѣ.
Бетъ — то найперша Грамматика на русской земли,
а особливо въ Львовѣ головномъ мѣстѣ восточной
Галичины напечатана, о котрой вже вспомянуто въ
Памятнику Львовскомъ 1816. Том. I стор. 119, по-
добие Юсифъ Дубровскій во своѣй Словенской Грам-
матикѣ во Вѣдн р. 1822. друкованой, на стор. LVII
ведля Алтера и Форт. Дурича о ней нагадуеть, же
выраженія техничскія зъ этимологіи греческой до
русскихъ Грамматикъ введены. Денисъ Зубрицкій
во своѣй книжочкѣ: О друкарняхъ Русско — Словен-
скихъ Львовѣ 1836. на стор. 16 а Самуилъ Богу-
милъ Линде во своемъ начертанію Исторіи Словес-
ности російской ведля Греча. Варшава 1823. стор.
55. 56. такоужь о ней дещо пише хотя ем не малъ
въ рукахъ. Находитъ ся же зъ того изданія два
экземпляри (такъ думаю:) имѣю ихъ передъ собою:
единъ цѣлкомъ добре сохраненъ безъ наименьшого
вреда, съ подписомъ, же належалъ колнсь — то до
ученого Юанна кавальера Могилянницкого; а другій
съ переду немающій 8. а съ конца 3. листовъ,
котрны постаралемъ ся съ добре сохраненного пе-
реписати. Тотъ экземпляръ имѣлъ колнсь — то нале-
жати до Бібліотеки монастыря Лавровского въ окру-
жѣ Самборскомъ. теперь оба экземпляри суть досто-
яніемъ Бібліотеки Всечестивѣйшого руского крылоса
Пережмыского. Денисъ Зубрицкій опровергаетъ во Па-
мятнику Львовскомъ мнѣніе Юсифа Дѣржковского у-
тверждающаго, якобы таковая въ четвертцѣ напеча-
тана была, та доказуе, же во осмуѣ малой была
издана, бо неподобна, щобы одного року двое изда-
ній могло при такъ маломъ запасѣ греческихъ буквъ,
наступити, котрый — то недостатокъ и настоящое изда-
ніе лишь по полъ аркуша друковати словалъ; —
но мнѣть ся въ числѣ листовъ не означенныхъ пе-
чатію, числѣчи ихъ лишь на 169. коли каждый листъ
писмомъ означенный не допускае жадного сомнѣва-
нія ся, же ихъ всѣхъ на всѣхъ есть 182; тому о
13. больше. Самуилъ Линде во своимъ начертанію

російскою Словесности сонивваєсь, щоби та Грамматика Славено-Греческая могла быти уложеною спудейми, т. е. студентами Львовскою школы, лишь идучи за нивнієм усолшого Модеста Гриневецкого, котрый таковий ексемпляр нивль, та быти може, Іоанну Могильницкому тотъ оступити могъ,— утверждає справедливо, же она есть плодомъ учителя той школы Арсеня Митрополита Димонитского и Еласонского; такъ бо во предисловію до той Грамматики сказано: „Понеже святѣйшій патріархъ великія Антіохія Божія града, киръ Іоакимъ во Богохранимый градъ Львовъ прійде, р. 1591 мѣсяца генуарія. увидѣже нераденіе о исправленіи въ рускомъ родѣ; совѣтова сія изряднѣ полезѣйша быти: Братство, школа, и друкарня, и ко вселенскому патріарху о сихъ возвѣсти. Въ то же лѣто, мѣсяца юнія, отъ вселенскаго патріарха ексаршески прійде Митрополитъ Димонитскій и Еласонскій киръ Арсеніе; иже школьное ученіе наченше пребысть зде во градъ Львовъ уча двѣ лѣтъ. Всесвятѣйшій же вселенскій патріархъ киръ Іеремія привилейнымъ писаніємъ своимъ отъ Константинополя вся сія укрѣпи; таже и самъ зде во страны російскія пришедши року 1591 мѣсяца мая, совершенно неразрушно и неподвижно во вся роды симъ такъ быти повелѣ; школу и книги всякаго наказанія по православію друковати братству увѣри.— Таже и архієпископъ всея Россіи, митрополитъ Кіевскій и Галицкій Михаилъ (Рагоза) его же во пришествіи свое вселенскій патріархъ киръ Іеремія рукоположеніємъ своимъ соверши, соборне сія укрѣпи.“— Кромѣ сего предисловія, доказуєть ще и печать на остатной сторонѣ Грамматики изъображена, въ котромъ середнѣ иня Арсенъ выразне читати можъ; оже на листку 5. поставленныя слова спудейми иже во львовскою школу, разумѣти подобає: попеченіємъ илѣтчаніємъ тихже. Въ тоє самое время заложена была и Академія Кіевская, котра въ самоѣ дѣлѣ больше, нежели школа львовская до просвѣщенія цѣломъ загальнои Руси причинялась и во своємъ блеску до нынѣ существуетъ. Грамматика що по описана ведля нивнія ученого Модеста Гриневецкого и другихъ добре языкъ греческій выкладающая, причинялась и до образованья руского языка во обще, толкуючи по правой сторонѣ все греческое на лѣвой выложено; тому выраженія техничскія рускія во употребленіе ведля етимологій греческомъ вошли, котрыя до сихъ поръ по цѣлой Руси грамматичскыи выраженія за основаніе служатъ и для того самого ведля організаційного плану австрійского

для Гимназій зъ р. 1849. стр. 123. захвалени суть. Сило теперь можемо гордиться тинъ же Львовъ во томъ взглядѣ выпередилъ Кієвъ, сталъ ся образцемъ во терминологіи руской и возбудилъ зависть нашихъ соревнителѣй; понеже р 1591. Аквавіа генераль изуитскій зъ Риму прислалъ Маттіа Латерну и Каспра Нагая для взнесенія школы польскою во Львовъ. Сія грамматическія выраженія суть слѣдующія: писмо (буква), гласныя, съгласныя, погласныя, слогъ; иня, существо, свойственно или обще знаменуемо; мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ, родъ мужескій, женскій, средній, общій; число единственное, двойственное, множественное; падежи: именовой, родной, дательный, виновный, склоненіе (склопеніе), видъ первообразный, производный, правило, числительныя имена; степени: налагаемая, разсудительная, превосходная; умалительное имя; илѣ, указательное мѣстоимя; залогъ, супружество, изложеніе (наклоненіе): изъявительное, побелительное, молитвенное, подчинное, необавное; залогъ дѣйственный, страдательный, средній, общій или посредственный, огложный; время настоящее, мимошедшее, протяженное, пресъвершеное, непредѣльное, будущее, безличныи глаголъ, непредѣльный глаголъ, вынатиє, сочиненіе, строптивый глаголъ (апостроф), оксія, варія, облеченная, соединительная —¹— Отъ! маєте ко вѣчнои памяти сія во Львовѣ, сли Арсеній не нивль добре по руски, иєвие студентами толкованыи выраженія грамматическія. — И ктои ими нынѣ цуратясь дерзнуть? та яко изъ за границѣ привезенныя осуждати? — Лаврентій Зизаній 1596, Мелетій Сморисскій 1618 (употребляють тихъ выраженій, и таковыя по Руси роспространили. — Сли недовѣдаєть ся зъ періодическихъ писмъ, чи ще деякіи ексемпляръ того изданія не находится, котре то сѣисканіє недостатокъ першихъ и послѣднихъ листковъ утрудняєть, во истинну было бы славы достойное мужа ревнителя; тую грамматикую для общои вѣдомости въ наше время перепечатати. Видобуваймо тому всѣ древніи писменности памятки и подаваймо ихъ до всеобщои вѣдомости. —

Іосифъ Лѣвицкій.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛЬНЫИ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— Коли смати, рано чи поздно? Касательно того вопроса и найопытѣйшимъ господарямъ неогласны; оди совѣтують орати подъ яромъ збоны

уже въ половинѣ Марта (разумѣется, если можно), другіи думаютъ сдержаться, пока не прилетитъ до села первая ластовка. На которой же сторонѣ правда? По нашему мнѣнію не дастся о часѣ первого оранія ніякое общое правило установить; то бо зависло отъ погоды вообще, а потомъ отъ весенней мокроты въ особенности. Два суть доказательства, которыя произношены бывають во пользу раннего оранія; во первыхъ, понеже по обыкновенной зимѣ (т. е. если было довольно снѣгу) при ранномъ засѣвѣ не бракуетъ сѣмянамъ потребной мокроты, когда во прѣки позній орачь часто вздыхаетъ за дождемъ и не можетъ его дожидаться. Другое доказательство: що при ранномъ ораніи трудъ земледѣльческій роздѣлится лучше, нежь если тое останется на послѣднее время. Доказательства тѣмъ имѣють въ собѣ много правды; часто бо замѣчаемъ, що ярове збоже, рано засѣянное, отличается густотою колосья, красотою и полнотою зерна, когда напротивъ поздне засѣянная рожь, не выдаетъ богатаго плода що иногда случается въ слѣдствіе поспѣшности въ работѣ и недостатку потребной мокроты. При томъ однакожь додати нужно и то, що при доброй погодѣ красныи бывають и позвныи засѣвы, когда межи тѣмъ ранныи, если потомъ придуть морозы, бывають неудачныи. Такъ и тутъ будетъ середная мѣра наилучшая.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦИИ ЗОРИ Г. НА ВПЛУВУВШИИ КОРЕСПОНДЕНЦІИ.

Благородному. Г. Тур. зъ Гомон. засылають Редакцію за надосланныи сочиненія. Пов. Подат. будемъ въ состояніи по не долгомъ времени издати по Лаб. позднѣе. — Пс. встрѣтятъ трудности не изъ стороны Редакціи но изъ икои; про тое сомнѣваемся о изъ помѣщеніи. — Впрочемъ соглашаемъ во всемъ, що Ваше Благодоріе предложили и будемъ усильно старатися ожданіямы удослестворити.

— Г. М. Окуф. въ Тарнополи изьявляемъ за додержаніе слова благодарность. Надосланое сочиненіе всѣ наши повитали чувствительно. — Скоро надослесте еще прочіи части начнемъ помѣщати вашъ трудъ. Съ вторымъ вопросомъ соглашаемъ и просимъ для блага общого приступитъ до дѣла. — Замѣчаемъ що Вы вельми добре собѣ поступили съ надосланнымъ сочиненіемъ. — Здається намъ, що бы не эле было такъ и съ другимъ поступати а даже и икоб заглавіи оному дати и совершенно до нашихъ сторонъ и обстоятельствъ отнести. Но Вы наилучше понимаете и дѣлайте по своему чувству и расчету. —

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 5).

3 Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изьяснено было заданіе нашего письма и росчотъ меже нами и Вч. препумерантами пригадуемъ, що для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которымъ еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минушого года, начинаеся предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсячочисленію. Про тое просимъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше не можемъ розмърити наклады нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ первого Марта получить наше письмо, то будетъ ласкавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к. додати. При той случайности не можемъ тое замолчати, що первыи родиныи наши изъ многихъ сторонъ приславши принумерату изьявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлало чинъ разъ полезный и занимательныйшимъ. —

Изданіемъ и типою Института Ставропигіянскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверочко получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛАВА ВО ВЫШНИХЪ БОГУ!

Стихъ, во память совершеннаго выздоровленія Его Величества нашего Цѣсаря Францъ Іосифа.

Слава во Вышнихъ Богу слава!
Веселіе странѣ родной!
Благоволенье и покой
Тебѣ, Австрійская держава!

Нашъ юный Цѣсарь, нашъ Владѣтель
Сновь мощный, крѣпкій и здоровъ;
И съ Нимъ владѣть миръ, любовь
И благочестъ, и добродѣтель.

О дай Ему, Всевышній Боже!
Во многи лѣта сильну власть;
А всѣхъ враговъ и всю напасть
Ты розжени на бездорожье.

И дай Ему всю мощь правленья,
Здоровье, крѣпость юныхъ силъ,
И славу, щобъ вѣкъ прослылъ
Усердіемъ благоволенья!

А мы и вся Его держава
Молитись будемъ всякій часъ:
„Помилуваля Всевышній насъ,
Слава во Вышнихъ Богу слава!“

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОПСТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ. *)

Начатки перваго Епископства въ отечествѣ нашемъ совпадаютъ почти съ началомъ

основанія Перемышельско-Галицкаго Княжества. для того скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о первоначальномъ образованіи того отдѣльнаго гусударства, составляющаго нынѣ большую часть Королевствъ Галиціи и Владиміріи. Первый зародышъ упомянутой державы состоялъ исперва изъ Перемышля, Червеня и другихъ городовъ, сего достоянія Св. Владиміра (981). и принадлежалъ ко Владиміро-Волинской области. Такъ городъ Владиміръ, какъ и находящаяся въ немъ Епископія была основана Св. Владиміромъ, въ второй половинѣ X. столѣтія и, естли станиемъ вѣрнѣи позднѣйшихъ преданій, самъ сей Равноапостольный князь, во сопровожденіи двухъ Епископовъ, отправляясь къ берегамъ Днѣстра, очистилъ водою Св. купели Христовой всю южнозападную нашу Русь. Преподобный Несторъ разсказавъ подробно крещеніе Князя Владиміра, не говоритъ намъ ничего съ обстоятельностью о крещеніи земли русской, огра-

*) На желаніе всп. Автора умѣщаемъ сію статью безъ всякаго отъѣны. Понеже прибыло многихъ пренумерантовъ новыхъ, которы не нивють Зори изъ минувшаго года, того ради для пѣлости начинаемъ отъ отдѣльнаго параграфа, послѣдующаго изъясненію многихъ нашихъ читателей. —

начиваясь однимъ замѣчаніемъ общимъ: „и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ” (Лавр. Лѣт. 83).

Съ времянъ просвѣщенія землн нашей святомъ Евангеліа Христова, подчинялась она духовному вѣдомству Владимірскихъ Святителей. пока съ разширеніемъ предѣловъ нашего отечества и умноженіемъ послѣдователей Христовыхъ въ немъ, не явилась потреба отдѣльнаго, мѣстнаго Епископства. Въ городѣ Владиміръ, какъ княжеской и Святительской столицѣ, исперва господствовали сыновья Св. Владиміра Всеволодъ, Святославъ, убитый окаяннымъ Святополкомъ, за котораго господствованія заняты были Червенскіе города Болеславомъ Храбрымъ, но Владиміровичи Ярославъ и Мстиславъ присоединили ихъ снова съ русскою державою (1031 г.) Послѣ кончины В. К. Ярослава (1054) достался Владиміръ на долю младшаго сына его Игоря, который по томъ посаженъ былъ братьями своими въ Смоленскъ, упраздненный смертью Вячеслава (1057). Ростиславъ сынъ старшаго Ярослава, Владиміра князя Новгородскаго (скон. 1052), въ следствіе преждевременной смерти отца, не могъ быть сонаслѣдникомъ съ дядьми, которые однако послѣ перевода Игоря въ Смоленскъ дали ему городъ Владиміръ. Тойто князь Ростиславъ былъ славнымъ родоначальникомъ первыхъ нашихъ Перемышльскихъ, Теробовельскихъ и на конецъ Галицкихъ Князей. Но Ростиславъ, недовольствуясь данною себѣ дядьми волостью, покинулъ семейство во Владиміръ и бѣжалъ въ Тмуторокань въ 1064. году. Городъ Владиміръ оставался теперь въ посяданіи его дѣтей: Рюрика, Володара и Василька, подъ покровительствомъ Вк. Изяслава и Святослава, до 1078 года; первый

изъ нихъ вывелъ даже князя Олега Святославича изъ Владиміра, когда онъ хотѣлъ завладнуги упомянутымъ городомъ. По кончинѣ В. князя Изяслава, принявъ старшинство въ русской землѣ, братъ его Всеволодъ, и распорядя въ ней, отдалъ онъ Владиміро-Волынскую область племяннику своему Ярополку Изяславичу съ придачею Турова (1078), что было поводомъ къ долгимъ усобицамъ: ибо такимъ образомъ Вк. Всеволодъ лишилъ наслѣдства такъ трехъ нашихъ Ростиславичей, какъ Игоревичей, Давида съ братомъ, которы всѣ видѣли въ Владимірской волости свою отчину. Ростиславичи исключены изъ Владиміра, поселились теперь въ Перемышль, и можетъ быть, что самъ даже Вк. Всеволодъ, надѣлая Ярополка Владиміромъ, отступилъ имъ Перемышльскую волость, награждая новаго Владимірскаго князя, за тотъ убытокъ на югозападѣ, съ востока придачею города Турова. Сидя въ Перемышль, ожидали Ростиславичи только надобнаго времени къ отисканію своей отчины, и пользуясь отсутствіемъ князя Ярополка, бывшаго въ Кіевѣ у дяди; отняли у него городъ Владиміръ (1084 г.): но В. князь послалъ на нихъ сына своего Владиміра Мономаха, который опять возвратилъ Ярополку отнятый ему городъ. Ярополкъ Изяславичъ однако не княжилъ долго въ Владиміръ, ибо В. князь Всеволодъ, надѣливши теперь Давида Игоревича Волынскимъ городомъ Дорогобужемъ, чтобы онъ не беспокоилъ греческую торговлю, озлобилъ тимъ поступкомъ Ярополка, видѣвшаго въ томъ намѣреніе Всеволода, уменьшенія его Владиміро-Волынской волости (Лавр. Лѣт. 88. Кенігсб. Лѣт. 128); и когда Ярополкъ стался вооружати противъ В. князя, Всеволодъ отправилъ снова сына своего Мономаха противъ нему. Ярополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Мономахъ отдалъ Вла-

дмїръ Давиду Игоревичу (Лавр. Лѣт. 88). Изгнанный Волынской князь увидѣвъ, что отъ Польши, ослабленной внутренними волненіями, ожидать ничего, примирился съ В княземъ и Мономахъ въ имени отца своего возвратилъ Ярополку Владиміръ. Съ примиреніемъ Ярополка съ дядею рушились надежды Ростиславичей и Давида Игоревича; ибо первые не могли быть спокойны въ городахъ Червенскихъ, видя союзника Польши снова на Владимірскомъ столѣ, который Давидъ принужденъ былъ уступить Ярополку. Но они не гнушались теперь злодѣйствомъ освободиться отъ Ярополка: на дорожъ отъ Владиміра къ Звенигороду (нынѣ деревня Бережанскаго округа) несчастный князь пораженъ убійцою, который убѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу (1086). В. князь не хотѣлъ оставить сего братоубійства безъ наказанія, и ходилъ еще сего года на Рюрика къ Перемышлю, но походъ его кончился на ничѣмъ (Лавр. Лѣт. 89): Ростиславичи остались въ Червенскихъ городахъ, а Давидъ сталъ опять княжить въ Владиміръ.

Такимъ образомъ подѣлили Ростиславичи съ Давидомъ Игоревичемъ прежнюю Владиміро-Волынскую волость, на два отдѣльные княжества, съ столицами Владиміромъ и Перемышлемъ.

Послѣ кончины Перемышельскаго князя Рюрика (1092) раздѣлились оставшіеся братья его Червенскими городами, — Володаръ сталъ княжить въ Перемышль, а Василько въ Теребовли, которые города призналъ за ними В. князь Всеволодъ послѣднимъ своимъ распоряженіемъ (1093). На основаніи того же великокняжескаго Всеволодова распоряженія, на первомъ съѣздѣ въ городѣ Любечъ, собравшіеся князья съ общаго согласія, утвердили за Володаромъ Пе-

ремышль, а за Василькомъ Теребовль (1097). Мужественный Володаръ, даже послѣ ослѣпленія Василька, и оттуда произшедшей у-собицы за Владимірскую волость, а оконченной на съѣздѣ въ Витичевъ (1101), удержалъ за собою Перемышль и Теребовль, вопреки рѣшенію соединенныхъ князей: но Владиміръ былъ отнятъ у Давида Игоревича, какъ виновника всѣхъ тихъ смутъ и ослѣпленія Василька, и достался Ярославу сыну В. князя Святополка. Непокойный Ярославъ, по смерти отца своего, былъ изгнанъ изъ Владиміра Ростиславичами и В. княземъ Мономахомъ, который сперва посадилъ въ немъ сына своего Романа зятя Володара, а по кончинѣ его другаго сына Андрея (1118). Поляки покровительствуя, убѣгшаго къ нимъ Ярослава, возбудили на себя нелюбіе В. князя Мономаха, отправившаго сына своего Андрея изъ Владиміра воевати Польское порубежіе (1120). Въ слѣдующемъ году явился снова Ярославъ съ Польскою помощію подъ Червенемъ, но былъ отраженъ. Въ такихъ обстоятельствахъ не могли ничего взяти силою, рѣшились Поляки дѣйствовать лукавствомъ противъ, заклятыхъ своихъ враговъ — Ростиславичей: Володаръ былъ схваченъ тайно и уведенъ въ плѣнъ въ Польшу (1122), а Князь Василько долженъ былъ истощити почти всю казну Перемышельскую, чтобы выкупити пленнаго своего брата. Въ 1123 году, Ростиславичи выступили еще въ послѣдній разъ, принуждены своимъ положеніемъ, съ войсками Венгерскаго и Польскаго Государей, на помощь Ярославу добывать Владимірскаго стола, но когда Ярославъ былъ убитъ подъ стѣнами Владиміра, выскочившими изъ засады двумя Поляками, союзники его, не имѣя уже болѣе цѣли, примирились съ Андреемъ и возвратились домой (Ипат. Лѣт. 9).

Скоро потомъ приставились Володаръ и Василько Ростиславичи (1124), оставивъ потомству своему никакъ уже неоспориваемо право наследія владѣемыхъ ими областей. Самый славнѣйшій изъ сыновей ихъ былъ старшій Володаревичъ — Владиміръ или Владимірко, по своему характеру, совершенно въ уровень своему затруднительному положенію. Окруженный со всѣхъ сторонъ соседями гораздо сильнѣйшими его, далеко отошедшій отъ господствующихъ линій на Русь, Владимірко только въ необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбираиіи средствъ, игрѣ договорами и клятвами видѣлъ свое спасеніе и силу. Со временъ Владимірка становится исторія нашего отечества уже яснѣе и опредѣлительнѣе, особенно, когда по смерти двоюроднаго брата своего, Іоанна князя Теребовельскаго (1141), мужественный Владимірко, соединилъ въ одно государственное тѣло всѣ три подчиненныя себѣ области т. е. Перемышельскую, Звенигородскую и Теребовельскую, избравъ для онаго Галичь на рѣцѣ Днѣстрѣ, столичнымъ городомъ. И такъ стался Владимірко первымъ настоящимъ Галицкимъ Государемъ, государствуя почти независимо, въ сравненіи съ прочими русскими князьями, надъ довольно пространнымъ Государствомъ, т. е. отъ горъ Карпатскихъ и рѣки Дунайца ко верховьямъ обоихъ Буговъ, а на югъ даже до устья Серета и Прута. И такую обширную укрепленную державу оставилъ Владимірко сыну своему и единственному наследнику, знаменитому Ярославу Осмомыслу, о которомъ воспѣлъ пѣвецъ о полку Игоревѣ: что онъ, сидя на златокованномъ престолѣ, загородилъ путь (Венгерскому) королю, отворилъ врата Кіеву, и кидая тяжести чрезъ облака; правитъ суды даже до Дуная!

На томъ окончиваю я мой краткій очеркъ основанія и возвращенія Галицкаго княжества дозволивъ себѣ какое отступленіе отъ предмета единственно для лучшаго его изъясненія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второе посѣщеніе Пана Долинскаго заблудило совсѣмъ голову моеі Наталіи. Похвалы, якія наслухалась она то отъ него самого; то отъ его сестрыниці льстили ей самолюбію, которое якъ ствержено опытомъ у дѣвчатъ бываетъ въ большей степени, чѣмъ у молодцевъ. Прійметса ли она за яку работу; все то не идетъ во складъ; поидеть ли въ огородъ, то все задуманна, що и не слышитъ, когда ю кличуть до стола. Таково безъумно состояніе ей погоршилось еще, когда однажды заблудалась къ намъ знахарка — Цыганка, котора выворожила ей, що не пройдетъ годъ а она выдастса за Дѣдича. Къ тому стало все село говорити про любовь Вельможнаго Пана къ моеі Наталіи. И такъ она влюбилась; — а менѣ сердце рвалося; бо видѣлъ всю пронасть, яка ей грозила, а не могъ ю, ни жещу мою о томъ удоговорити. У нѣхъ былъ преобладающимъ несчастливый нравъ: руская легковѣрность! Признаюсь, доврчивъ былъ и я, но не въ такъ высокой степени, и долговременныя опыты научили мене яко тако познавати людей по словамъ ихъ или обхожденію. Одною потѣхою было для мене то, що отъ нѣякого времени сталъ частѣйше посѣщати насъ веселый соседъ изъ Верховинки съ своею родиною и знакомыми молодцами. Хотя моя Наталія при-

нимала сердечныя израженія юного Подолянина съ нѣкимъ хладнокровіемъ; но онъ не терялъ отваги, и оказывалъ ей все больше и больше склонности.

Сближался день св. Петра и Павла, и честный сосѣдъ изъ Верховинки запросилъ насъ всѣхъ — не исключая и Пана Раевича — до себе на праздникъ. Мои дѣвчата готовились къ празднику цѣлу недѣлю, бо дождались, що будетъ тамъ и Панъ Долинскій съ своимъ дворомъ. Въ павахиду св. Первоапостоловъ пріѣхалъ и нашъ любезный сынъ Романъ, совершившій тогда гимназіальный классъ, изъ Львова на вѣкацію. Изъ того была радость велика: разъ понеже привезъ онъ намъ письмо отъ Льва, во вторыхъ, понеже въ нашихъ сторонахъ былъ обычай такій, що приходники съѣзжались на праздники къ сосѣдамъ съ цѣлою родиною. У мене недоставало вправдѣ найстаршого сына Льва, но тотъ былъ уже тогда на своемъ. Писалъ онъ къ намъ, що захвалъ на мѣстце своего учительскаго дѣйствованія въ Угорщинѣ здоровъ и все ведется тамъ ему счастливо, и только тужно въ сердцѣ за родиною и Панною Юлією.

Другого дня по свершеніи священныхъ обрядовъ въ нашей церкви повхали мы двома брѣчками на праздникъ до Верховинки. Панъ Раевичъ сопутствовалъ намъ на своемъ ворономъ. Въ Верховинцѣ застали мы численное собраніе гостей: въ большей части священники съ своими родинами съ которыми честная хозяйка вскорѣ насъ познакомила. Столъ былъ уже накрытый, ждано только еще на Пана Долинскаго. Межь тѣмъ забавлялись мы разговорами, преимущественно о сеголѣтнемъ урожаѣ. О трехъ часахъ по полудни надѣхали наконецъ Панъ Долинскій и его сестрыниці. Обѣдъ былъ весьма вкусный и тревалъ около полтора часа. Во время обѣда болтали дворскія дамы

про всякую всячину, и не давали даже прійти къ бесѣдѣ старшимъ, достойнѣшимъ лицамъ. Иногда только прерывалъ щебетанье ихъ Панъ Раевичъ, который одинъ осмѣлялся приличнымъ образомъ противорѣчить нѣкоторымъ ихъ ложнымъ вѣстямъ или понятіямъ. Однажды протялъ онъ имъ дуже резко за то, понеже высмѣвали нѣку велики благородную и всему обществу изъ добрыхъ дѣлъ извѣстную Графиню, будь то она по цѣлымъ днямъ такъ прилично читаетъ въ набожныхъ книгахъ, що ажъ ослѣпла, и хотя не стара, а уже не обходится безъ окуляровъ, въ которыхъ женщинъ дуже не пристойно.

„Пристойно, или не пристойно,“ сказалъ Раевичъ, „а таки лучше женщинъ читати хоть бы на ослѣпъ священные книги, чѣмъ клеветати на побожныхъ.“

Дворскія дамы попекали раки и замолкли, якъ бы ихъ не стало. Изъ лицъ многихъ, вычиталъ я при той способности, що дуже возмущились противъ дерзости Раевича; но мужнины радовались въ духу надъ тою его побѣдою.

Панъ Долинскій, желая укореніе своихъ сродницъ задогодити, сталъ хвалити честнаго господара дому за доброе угорское вино; но узрѣвши при томъ, що я выпорожнилъ свой стаканъ вина, сказалъ съ насмѣшкою: „Панъ Отецъ изъ Соломянки хорошо знаетъ подданныхъ монахъ отводить отъ горѣлки; но не смотря на то, самъ душкомъ испиваетъ стаканъ добраго вина.“

Принимая то за жартъ, отвѣтилъ я, що не отводилъ бы такъ усиленно, кобы прихожане мои столько же пили горѣлки, сколько я пью меду или вина. Честный додалъ къ тому, що доброе вино не мутитъ голову якъ простая горѣлка; оно только разгрѣваетъ сердце, которое, по его мнѣнію, чѣмъ теплѣйше, тѣмъ лучше.

„Признаюсь,” сказалъ потомъ Панъ Долинскій, що вовсе не понимаю, для чего священники, особливо рускіи, съ такою ревностію отводить хлопа отъ напитковъ; когда правду сказавши они сами на томъ много страдаютъ.”

„Яко,” спросилъ я, „священники страдаютъ, если стадо ихъ живетъ по тверезому; если неблагонаправленны люди устаютъ злодѣяти? Таже Господь Богъ радуется надъ кающимся грѣшникомъ, и чемужь намъ не радоватися надъ сокрушеннымъ сердцемъ нашего брата?”

„Высоко оцѣню ваши слова, благородный Отче!” сказалъ Панъ Долинскій, „и со всѣмъ съ ними соглашаюсь; но таки потребно уважатъ и на себе. Поки хлопы пили, были добрыи времена; были достатки у Пана и у священника; теперь хлопы перестаютъ пити, и всѣ нарекаютъ на злыи часы. Откуда то происходитъ? ото, простой хлопъ, когда устаетъ пити, незная, и для того и не требуя ніякихъ выгодъ житія, стается скупцемъ, и гроши скрываетъ въ землю: уже наслушался я повѣстей о такихъ хлопахъ, которые присягая на воздержанность, присягали за разомъ себя въ душъ, излишніи гроши въ земли закопати; и отъ, тѣхъ ради позакопыванныхъ грошей для другихъ бѣда и злыи часы! Инакше было, когда хлопы пили; тогда не скупили они ни для Пана, ни для Пана-Отца, ни для корчмаря, который такожь потребуеть жити. Сердца ихъ были теплѣйшими, — а що жъ лучшого въ свѣтъ, если не теплое сердце, якъ сказалъ милый нашъ господарь, въ егоже здоровіе за то пью сію чашу, и кто его любить, выпьетъ со мною!”

Всѣ гости поднеслись изъ мѣсть и пили во здоровіе господаря, который поблагодаривши ихъ за то красенъко, сталъ говорить о погодѣ, желая тѣмъ дѣломъ запо-

бѣгчи мою отвѣту на безъсмысленныи слова Пана Долинского. Было то въ прочемъ разумно съ его стороны, бо мой отвѣтомъ былъ бы можетъ розсердился Панъ Долинскій, отъ того возстала бы соперечка, можетъ и свария великая, и такъ нынѣшній праздникъ закончилъ бы ся былъ не весело. Съ той только причины не перебивалъ я уже болтаній Пана Долинского, и тойже политики держался любимый другъ нашъ Раевичъ.

Однакожь передъ концемъ обѣда не смогъ я воздержати языкъ свой отъ нѣсколько терпкихъ словъ, вымѣренныхъ противъ мнѣнію Пана Долинского, по которому хлопъ сотворенъ нѣяко на тое, дабы робилъ панщину а иногда въ свободнѣйшее время дабы пилъ горькаку. На счастье, мое опроверженіе перервалъ снова честный господарь, который поднесшись изъ мѣстца сталъ въ голосъ говорити пообѣдную молитву, по совершеніи которой рускіи молодцы пѣли всѣмъ гостямъ „Многая лѣта.”

Послѣ обѣда вышли гости на прохладу въ садъ, где молодыи люди подъ тѣнью старинныхъ орѣховъ забавлялись въ пташка; мы же старшіи позасѣдавши на лавкахъ подъ липами, розсказывали себѣ поочередно милыи жизни нашей приключенія. И такъ солодко было намъ — тамъ подъ липами — слухати любопытныи розказы нашихъ содрузговъ, и глядѣти при томъ на веселую дѣтей нашихъ игру.

Къ вечеру сойшлись всѣ гости въ покояхъ, и тутъ роздѣлились они снова: старшіи позасѣдали въ двоихъ приборныхъ покояхъ, одни до картъ, другіи ради продолженія дружескихъ розговоровъ; молодыи же люди пустились въ первой, довольно просторонной комнатѣ въ пляску. Старшіи женщины сидѣли въ той же комнатѣ на боку и присматривались скочному наурку. Ино-

гда подходилъ и я къ плясующимъ, абы приглядаться: бо якъ сказалъ, люблю гудьбу но не мензе и танецъ. Въ первой парѣ плясалъ Панъ Долинскій съ моею Наталією, въ другой съ Аналією молодой Подолянинъ. Всѣ подивляли легкое и невынужденное уложене моехъ дочерей, которыя учились плясати отъ тетки Ярославы. Моя Тетянина прибрала по той причинѣ видъ триумфальный, особливо когда даже дворскія дамы хвалити стали пляску Наталіи. Послѣ каждого танцу бавились они въ яковую игру; первая была въ Пана Пастора; и понеже жену мою одноголосно избрано Пасторовою, такъ принудили и мене къ той игрѣ и поручили званіе Пастора. Потому наступила снова пляска и снова игра, и такъ дальше.

Не стану пространно описывать различныхъ забавы, якія обыкновенно бываютъ въ рускія праздники; скажу только, что всѣ убавились до воли, и исключая некоторыхъ неприятности, якія произошли съ причины не добрыхъ къ намъ дворскихъ гостей, праздникъ у моего сосѣда отбылся съ наилучшимъ успѣхомъ. Наибольше подобалось мнѣ, что межю гостями преобладалъ истинно рускій нравъ: радушіе и нелиживая откровенность.

Уже поздно въ ночь розъѣзжались гости во свояси веселы и весьма удовлетворены.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

О празднику семъ было черезъ несколько дней много у насъ бесѣды. Жена и Наталія укоряли Раевича за его смѣлость, съ якою выступалъ противъ достойныхъ дамъ. Съ тѣхъ поръ перестали они его такъ любить и переженили совершенно судъ свой о бѣдномъ молодцу, которого теперь называли по просту грубіаномъ.

Досталось и мнѣ отъ нихъ не мало ударовъ; но я не уважалъ на то, только уходилъ съ Романомъ монить где либо въ

удинение и забавлялся съ нимъ разговорами о различныхъ предметахъ. Я нересвѣдчилъ, что знанія его были далеко большія, якъ были мои въ его вѣку. Особливо зналъ онъ хорошо разсказывать о нѣмецкой литературѣ, изъ которой — правду скажу — не читалъ я больше, кромѣ сочиненій Шаллера, Гете и нѣсколькихъ лучшихъ историковъ, занимавшихся достопамятностями Словенщины. по тому разсказы его были для мене весьма любопытны и даже поучительны.

Иногда читалъ онъ мнѣ свои собственные поетическія сочиненія въ нѣмецкомъ языкѣ, и особливо подобалось мнѣ описаніе села и мирной сельской природы, въ которомъ то описаніи видѣлъ я образъ Романовки, колыбели моего Романа. где онъ прожилъ дѣтныи свои лѣта; где ребенкомъ бѣгалъ по тучнымъ полонинамъ, и вслушиваясь въ сумныя напѣвы верховницевъ, вырѣзывалъ изъ вербовой коры свирѣлку и выгривалъ на ней, что уловилъ слухомъ, или что истекало изъ собственного сердца. Я искренно полюбилъ поетическую его душу; но сколь опечалился, когда подумалъ, что може и онъ пойдетъ во слѣды Раевича, что можетъ и онъ пристрастно предастся безплоднымъ мечтаніямъ. и наконецъ будетъ съ него — жалкое созданіе: рускій поеть въ Галичинѣ!...

Боязнь о будущую судьбу моего сына побольшилась съ тѣхъ поръ, отколь Раевичъ сталъ снова частѣе къ намъ заходить. Уже за первую встрѣчу прильгнулъ сынъ мой къ Раевичу якъ дитя къ груди матери. Хотя Раевичъ укорялъ его за нѣмецкія стихи, которыя по его мнѣнію надто посредственны, и въ сравненіи съ меньшими даже поетами высокоушной Германіи не удостоились бы нынѣ ни малѣйшаго вниманія; то Романъ мой уважалъ сперва уко-

ренія тін несправедливими, потомъ же откровенно призналъ ничтожество нѣмецкихъ своихъ речей.

„У Нѣмцевъ,“ говорилъ однажды Раевичъ. „есть всего вдоволь: и любовудрецовъ, и богослововъ, и историковъ, и поетовъ; къ тому же поетовъ такихъ, съ якими едва сровнаться могутъ пѣвцы Великой Британіи. Но що у насъ Словенъ? Коляровъ. Пушкинцовъ, Гундуличевъ, Мицкевичевъ не много. Такъ лучше тебѣ, молодой орле!“ реклъ онъ къ моему сыну, пожавши руку его сердечно, „лучше парити въ воздухахъ по надъ рускою землею, лучше ударити въ гусли Бояню! то гусли многозвучна, гусли родима, и не изхънѣтъ истинному вдохновенію Русина! Таята чужда, и только съ трудомъ къ ней привыкнешь; тая своя, и для своихъ на ней занграешь!“

Тѣ слова убѣдили моего Романа, онъ предалъ нѣмецкіи свои сочиненія всеожженію, и сталъ читати Коляреву „Дочь Славы“ котору подарилъ ему Раевичъ. И такъ сынъ мой осталъ поетомъ, перемѣнивши только направленіе свое касательно народности.

На счастье, отъ того времени, якъ, они подружались, не замѣчалъ я въ Раевичу того пристрастія къ моей Аналіи; кажется, онъ потерялъ — послѣ столь многихъ, терпкихъ противъ нему моихъ изреченій — всю надежду на ей руку, и занимался исключительно дружбою съ моимъ сыномъ. Но за то овладѣла Аналією глубокая тоска. Иногда прїѣдетъ Раевичъ со взходомъ солнца и поздоровкавшись только съ нами уходитъ съ Романомъ въ долину, и тамъ будь полагаютъ они нашихъ работниковъ. Будь идуть въ гущи близкаго лѣса — и не возвращаютъ скорше, якъ надъ вечеромъ; а межъ тѣмъ моя Аналія скуча-

етъ цѣлый день за милыми гостемъ, — наконецъ узреть его на часъ передъ заходомъ солнца только на то, чтобы чѣмъ скорше снова попрощатся. Ей состояніе въ то время было жалкое: но я утѣшался надеждою, що оказанное къ ней хладнокровіе Раевича приведетъ ю само тѣмъ скорше на разумную думку.

Наталія во преки сталась отъ Верховинецкого праздника далеко веселѣйшею. Панъ Долинскій бывалъ у насъ будь самъ, будь съ сестринницами почти всякую недѣлю, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ даже свое обхожденіе къ Наталіи оказывалъ онъ всегда тѣмъ же самыи любовными чувствами; а относительно ко мнѣ смѣнилъ онъ свой сварливый нравъ и соглашался съ каждымъ моимъ мнѣніемъ. Иногда говорилъ онъ такъ соотвѣтно моимъ помысленіямъ, що почти вѣрилъ я въ метаморфозу человечества. Однакомъ не забывалъ я при томъ, що тѣмъ именно прельщеніемъ ставался онъ для насъ чѣмъ разъ опаснѣйшимъ. Мимо того, жена моя утверждала упорно, будь то Панъ Долинскій никогда не былъ сварливый, но всегда прїятный; будь то теперь онъ еще прїятнѣйшій къ намъ, понеже, якъ видно, рѣшился на правду думати о нашей Наталіи. Наталія же убѣждена нѣлко уже о своемъ триумфѣ, перестала тосковать и повеселѣла значительно. Только когда кто нибудъ вспомнулъ въ присутствіи ей про Панну Юлію, она изъшалась, и принимала видъ дуже печальный. То мене возмущало, видѣлъ бо въ семъ ревнованіи дѣвственнаго сердца. Ревнованіе же таково уважалъ я за великій порокъ, за недоброжелательство для другихъ. И у моей дочери замѣтилъ я тотъ порокъ; — якъ болестно для родительского сердца! — Но такъ ли, кажется, созданы ны люди: — въ юности былъ и я ревнивъ; и менъ былъ когдато другъ молодой жены моей недру-

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедѣльно въ Середу два листа, по пѣтъ годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

КЪ ЮЛІИ.

Я зналъ, что ты любила
Мене, давно я зналъ;
Когда жь то мнѣ открыла,
Якъ листъ я задрожалъ.

И побъжавъ межъ горы
То пѣлъ, то скакалъ я;
Вознесши въ небо взоры,
Сновь плакалъ якъ дитя.

Тогда ужъ солнце крылось;
А серденько мое
Въ груди такъ сильно билось, —
Ахъ, сердце бѣдное!

ЧУДАКЪ.

Куда идешь — всегда и всюду
Якъ тѣнь влачуся за тобою;
Чѣмъ строже поступишь со мною,
Тѣмъ больше ты любить буду.

Мене твой гнѣвный видъ пѣняетъ,
Твоя же милость отгоняетъ;
Такъ хочешь ли мене посбытись,
Должна въ мене лише влюбиться.

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Антон. Петрушевича)

(Продолженіе.)

Такъ видѣли мы, что наши мужественные Ростиславичи, изключены преждевременною смертію отца своего отъ притязаній на старшинство въ родѣ, не дались одичко исключити изъ родовой собственности т. о. изъ владѣнія какою-то областью земли русской: что болѣе, они успѣли даже первые въ родѣ Ярослава, владѣемую ими волость, обратити въ отдѣльную собственность для своего рода, подобно Всеславичамъ, господствующимъ уже съ временъ Св. Владиміра въ Полотскомъ княжествѣ. Уже внуку Ростислава — Владимірку удалось избавитися отъ всѣхъ родичей и стати единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ и наследнику его Ярославу. „Такимъ образомъ (говоритъ С. Соловьевъ стр. 243), когда остальная Русь представляла зрѣлище непрерывнаго движенія и перехода, въ княженіи Галицкомъ не было никакого движенія, никакого переизмененія князей, въ слѣдствіе сего и боярамъ княжескимъ

была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладельцевъ, приобрести великое вліяніе на дѣла страны: вотъ почему Галицкіе бояре нѣмьютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре Галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ — сѣверо-западномъ и юго-западномъ въ Новгородъ и Галичъ обнаруживаются въ формахъ быта отъныи противъ быта въ остальной Руси, а именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе непрерывной сѣмьи князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, въ слѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей усиливается боярство, при чемъ разумется, сосѣдство Венгрии и Польши не могло остаться безъ вліянія.” 46)

Но такомъ историческомъ обзорѣи внѣшняго и внутренняго развитія Галицкаго княжества, возвращаясь опять къ моему предмету, дѣлая на основаніи выше сказаннаго мною, слѣдующія замѣчанія о началѣ перваго словено-греческаго Епископства въ галицко — русскомъ отечествѣ нашемъ:

46) Не можемъ, на мѣстѣ томъ, проминути того замѣчанія, что, такъ Новгородское народовластіе, какъ Галицкое боярство, не наблюдающее мѣры, было въ послѣдствіи причиною паденія тихъ обонхъ державъ: и когда Новгородская волость соединена съ Велико-Русіею слялась съ нею въ одно могущественное государство, окрѣпившее самодержавіемъ — тогда на противъ тому Галицкая область, отпавши къ древней Польшѣ, усилила только своихъ боярствои польское вельможедержавіе кончавшееся раздѣленіемъ Польши и большимъ укрѣпленіемъ Великой Руси. Такимъ образомъ судьба Польши и Руси кажется быти нераздѣльною.

а) Съ временъ раздѣленія Владиміро-Волынскаго княжества, на Владимірскую и Перемышельскую волость, и постоянного поселенія въ послѣдней Ростиславичей, было единственнымъ стремленіемъ тихже, удержаніе за собою владѣемой ими области, въ посѣданіи которой затверждены уже на двухъ княжескихъ сьздахъ въ Любечѣ и Витичевѣ, и лишены надежды отгсканія отцевскаго Владимірскаго стола, чѣмъ болѣе заботились они объ умноженіи городовъ, народонаселеніи и устройствѣ признаной за ними волости 47) Мужественные Ростиславичи въ продолженіи пятьдесятлѣтнаго господствованія своего, расширивъ русскую державу при скатахъ горъ Карпатскихъ даже къ Черному морю, должны были нѣмти попеченіе и о душевномъ блазѣ ими обладаемыхъ единовѣрцевъ: для чего, по всей вѣроятности, постарались они уже объ основаніи отдѣльной Епископіи въ своихъ обширныхъ земляхъ, которыхъ главными городами стали быти Перемышль и Теробовль. Каждый почти городъ Руси, бывъ мѣстопробываніемъ князя, какой-то области княжеской, имѣлъ также своего Епископа, чего требовало такъ благо и самостоятельность державы, какъ достоинство господствующаго въ ней князя. Такимъ образомъ, едва не

47) Мы встрѣаемся о томъ изъ откровенной рѣчи, сказанной ослѣпленнымъ Василькомъ въ темницѣ къ иноку Василю, посланному къ нему Давидомъ Игоревичемъ. Лавр. Лѣт. 113. Предпримчивый Василько питалъ геройскіе замыслы: ибо хотѣлъ онъ нанести рѣшительный ударъ польской державѣ: Возму землю Лядскую (говорилъ Василько) и мѣщю Руськую землю” (кажется за походъ Болеслава); потомъ вознамѣрилъ итти на Дунайскихъ Болгаръ и населити ихъ у себе, наконецъ думалъ онъ ударити на Половцевъ сказывая: „да любо налъзу себѣ славу, а любо голову свою слою за Русскую землю!”

съ первымъ введеніемъ христіанства, съ концемъ десятого столѣтія, возникли Епископскія столицы въ городъ: 1) Кіевъ (Митрополія), 2) Новгородъ (съ 1166. г. Архіепископія), 3) Ростовъ, 4) Владиміръ на Волыни, 5) Бѣлгородъ близъ Кіева, и 6) Черниговъ; въ послѣдней половинѣ XI. вѣка: 7) въ Юрьевъ на рѣцѣ Росѣ, 8) Переяславль — Русскомъ, 9) Тмуторокани близъ Азовскаго моря въ концѣ того же вѣка Половцами уничтожена; въ началѣ XII. вѣка упоминается уже Епископія 10) въ Полотскѣ, (съ 1115 Архіепископія), 11) въ Туровѣ, (послѣ въ Пинскѣ) и 12) въ Смоленскѣ, (съ 1475. Архіепископія) 48). Вся упомянутые города были вмѣстѣ и княжескими столицами; следовательно почти одновременно съ основаніемъ и упроченіемъ какого-то княжества, какимы то княземъ изъ Рюрикова дома, появляется такожъ въ престольномъ городѣ его и Епископія. По той причинѣ съ большимъ правдоподобіемъ можно полагати, что въ началѣ того же XII. вѣка, въ городѣ Перемышль, какъ столицѣ обширной русской волости, уже стараніемъ князя Володара Ростиславича, учреждена бы-

ла отъ Владиміро-Волынской Епархіи отдѣльная Епископія, которую въ послѣдствіи князь Владимірко Володаревичъ перенесъ въ новую столицу основаннаго имъ Галицкаго княжества, въ городѣ Галичѣ, 49). Такое предположеніе получитъ еще болѣе вѣроятности, когда подумаемъ, что Ростиславичи, Рюрикъ (скончавшійся 1092. г.) а по немъ братъ его Володаръ, успѣли первые въ семьѣ Ярославичей, подобно Всеславичамъ въ

49) Такимъ образомъ есть Галицкая Епископія на Руси съ ряду 13-я. Въ началѣ XIII. вѣка возникли Епископскія столицы: 14) въ Перемышль, 15) Холмъ (прежде въ Угровскѣ), 16) Муромъ и Рязани, 17) въ Суздали и 18) Переяславль Залѣсскомъ. Послѣ того до раздѣленія Митрополіи прибавилось еще шесть новыхъ Епархій т. е. 19) въ Саравѣ съ 1261. года въ столицѣ Монголо-Татарскихъ Хановъ, послѣ переведенная въ Москву и называвшаяся Крутицкою, 20) Тверь съ 1271. г. 21) Луцкъ на Волыни, около 1289. года. Въ XIV. столѣтіи упоминается Епископія 22) въ Коложнѣ съ 1353 г. 23) въ Брянскѣ съ 1354 г. 24) Звенигородъ близъ Москвы съ 1391 г. — Подъ 1414 годомъ приводитъ Никоновская лѣт. (V. 51. Карамзинъ II Г. Р. V. 238.) между Епископами созванными В. кн. Литовскимъ Витодомъ, изъ поставленіе отдѣльнаго Литовскорусскаго Митрополита, послѣ Епископа Холмскаго Харитона, еще Червенскаго Епископа Павла Червенская Епископія была кажется потомъ названа Бѣлзскою и канонически соединена съ Холмскою Епархіею, подобно какъ въ послѣдствіи Берестская съ Владимірскою. Въ Политиковскомъ и Софійскомъ Литовскихъ спискахъ (Schlötzer russ. Annalen. Геттингенъ 1802 часть III. 104.) поставлено въ числѣ русскихъ Епископовъ, Галицкое, Перемышльское, и Самборское Епископство. Въ городѣ Самборѣ и Сяноктѣ, со времени раздѣленія Перемышльской Епархіи на униатскую и не-униатскую часть въ XVII. вѣцѣ пребывала въ-когда неуниатскіе Епископы, будто бы въ отдѣльной Епархіи; для чего по послѣднемъ введеніи униатскихъ Перемышльскихъ Епископовъ сталъ

48) Сочинитель Описанія Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ. 1825. стр. 245; и Исторія Россійской Церкви СПб. 1838. стр. 27. относятъ ошибочно учрежденіе Холмской Епархіи къ послѣдней половинѣ XI. вѣка, ибо городъ Холмъ основанъ Даниломъ около 1220. года, куда перенесъ онъ Епископію изъ города Угровска. Ипат. Лѣт. 196. „Данилови князю во Володимерѣ (съ 1114. г.) созда градъ Угорескъ (Угронескъ) и постави въ немъ пискупа.“ Тамъ же стр. 163. подъ 1223 годомъ: „Бѣ бо преже того пискупъ Асаѣ во Угровскы, (т. е. прежде Іоанна перваго Холмскаго Епископа), иже скочи на столъ митрополничъ и за то свержень бысть стола сво-его — и переведена бысть пискупья въ Холмъ.“ Угровскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Буга, противъ города Опалина.

Полотскя, обратити Перемышельскую волость въ неотъемлемую собственность своего рода, и не имья никакихъ правъ на ниня волости, старался освободити отъ всякой зависимости отъ другихъ княжествъ, а тѣмъ самимъ и отъ подчиненности сосѣднимъ Епархіямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повесть, кимъ самымъ написанна.

(Продолженіе)

Не перейшло 4. недѣль отъ св. Петра и Павла, и мой Романъ выбрался снова ради продолженія школьныхъ наукъ до Львова. Передъ выѣздомъ давалъ я ему такіи наставленія: „Дотолъ былъ ты поетомъ, теперь станешь ученикомъ Любомудрія. Скажу тебѣ, мой сыну! яково есть различіе между поетомъ а любомудрецомъ: первый смотритъ на свѣтъ очима своихъ мечтаній, согрѣтыхъ чувствами теплого сердца, и для того часто ошибается; другій видитъ въ немъ то, що есть во истину, и по тому судъ его справедливъ. Чувствуй сердце первое, розсуждай умомъ второго.— Якій ни будешь: славный человекъ, или безымянный бѣднякъ, всегда будь благороденъ; благородіе души, то сокровище данное всякому человеку съ

писатися такожъ Самборскими и Сяночкими Епископами. Наконецъ съ 1539. годомъ востановлено уничтоженную древною Галицкою Епископію въ городъ Львовъ. Львовскіе Епископы называлися такожъ Епископами Галича и Каменца Подольскаго, гдѣ они нѣли своихъ наместниковъ, но съ обновленіемъ Галицкой митрополіи стали тѣ же писатися Митрополитами Галицкими, Архіепископами Львовскими и Епископами Каменца Подольскаго.

Выше, которое, если только разъ погубить, не набудеть потомъ всякъ золотомъ свѣта.— Да будетъ всякое дѣло твое добро: отъ добрыхъ дѣлъ покой души и совѣсть чистая; совѣсть же чистая дастъ тебѣ внутреннее удовольствіе и веселіе сердечное, съ которыми праведному человеку такъ мило жити на Божіемъ свѣтѣ! — Люби ближняго всегда и вѣрь ему дотоль, пока не убьдишься, що зло помышляетъ во сердце. На томъ полагаешь счастье твое въ общественномъ житіи, котораго желаю тебѣ отъ сердца. Прощай и поминай насъ!”

Послѣ того похалъ мой сынъ. Нѣжная мати и сестры сопровождали его до каменного креста, где попрощавшися съ нимъ, вернули со слезами до хаты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

По выѣздѣ нашего сына Романа, стала жена моя раздумывати надъ тѣмъ, якъ бы выправити и наши дѣвчата хоть на сю зиму до Львова. И теперь случилась къ тому наилучшая способность, понеже достойными сестрѣвницами Папа Долинскаго. выѣжая на зиму до Львова, обѣщались взяти ихъ съ собою и издерживати черезъ зиму во властномъ своемъ домѣ. Такова милость ихъ и снисхожденіе подобались женѣ моей чрезвычайно и она занялась на правду выправкою дѣвчатъ, которы самы дуже тому рады были. Я не противился теперь ихъ планамъ, понеже надто былъ увѣренъ, що съ нихъ не будетъ ничего.

Однажды позвано мене къ больному, у котораго забавившися черезъ весь пополудень, возвратился къ вечеру домой. Но що узрѣлъ я тутъ! жена и дочери въ слезахъ; я спрашиваю о причинѣ слезъ! они не отвѣчаютъ. Едва въ полъ часа узналъ я отъ нихъ, що недавно былъ Панъ Долинскій и

съ глобокую нечалую обвѣстивъ нѣтъ, що съ ѣзды мѡихъ дочерей не будетъ ничего, понеже сестрѣнницы его, передъ которыми нѣкійто подлый знакомецъ нашъ наклеветалъ много на пася недоброго, отъѣхали уже нынѣшняго утра во Львовъ; що онъ (Панъ Долинскій) не можетъ открыти намъ ни намереніе, ни содержаніе, ни виновника сей клеветы, що мимо того онъ всегда пребудеть найискреннѣйшимъ другомъ и покровителемъ всей нашей родины.

Выслушавши повѣсть тую до конца засмѣялся я и сталъ имъ представляти несвѣрность панскихъ ласкъ и приреченій; но онъ и слухати мене не хотѣли а только выплакавшись належито, стали розбивати собѣ голову надъ тѣмъ, кто могъ быти тотъ подлець, который очернилъ доброе имя нашей родины, родины мирнепѣкко со всеми живущей и не пьющей такого богатства, що бы въ комъ либо возбудити могла зависть или ревнованіе.

Цѣлый тотъ вечеръ и половину будущаго дня раздумывали онъ, якъ бы открыти врага нашей родины: не было сосѣда, на котораго не падало бы ихъ подозрѣніе; но все таки доказательствамъ ихъ не доставало вѣроятности. Едва стали онъ и по обѣдѣ тѣмъ же предметомъ заниматься, принесъ одинъ изъ мальчиковъ нашихъ не великій свитокъ записанныхъ папѣровъ, который нашель онъ случайно въ огородѣ. Розвинувши свитокъ, сей часъ узнали мы письмо Раевича, и що наибольше удивило насъ: между папѣрами находился запечатанный листъ съ адресою: „Благороднымъ господамъ сестрѣнницамъ Пана Долинскаго въ Соломянцѣ.“ Сейчасъ прійшло жена моей на мысль, що можетъ онъ былъ тѣмъ подлымъ допосчиномъ, и мы стали совѣтоватися межъ собою, распечатати ли письмо, или нѣтъ. Я противился тому рѣшительно, но

жена и Наталія, доказывали уверно, що нѣтъ больше якъ только Раевичъ могъ допуститися таковой подлости и для того нужно листъ его перечитати. Въ сю же минуту растворила жена моя письмо и читала слѣдующее:

„Вручитель сего листа скажетъ Вамъ, кто его писалъ; Вы узнаете, що писатель тотъ есть ревный другъ невинности, и готовъ препятствовати ея розвращенію. Узналъ бо я, що Вы желаете взяти съ собою до мѣста двѣ дѣвцы на воспитаніе подъ Вашимъ попеченіемъ. Понеже однакожь святымъ есть обязаніемъ всякаго человека, хранити невинность другихъ отъ угрожающей погибели, то перестерегаю Васъ за благовремѣнно передъ найопаснѣйшими слѣдствіями, якіи могутъ съ того для Васъ возникнуть. Никогда не выступалъ я противъ злонамеренныхъ людей; но теперъ принужденъ употребити строгіи мѣры, бо легкомысленность тая доведеть къ преступленію. Для того прошу усиленно, услухайте совѣтъ сего друга, и не берите съ собою реченныя дѣвцы, бо тѣмъ обезчестится родина, которая дотоль поживала въ невозмущенномъ супокою и невинности.“

По перечитаніи сего листа изъяснила жена моя сейчасъ, що въ немъ вмѣщается клевета противъ нашей родины. Правда що содержаніе его можно было и на противную сторону толковати; и я заштилъ що укорешіе въ немъ изреченное, можетъ вымѣренно быти противъ сестрѣнницамъ Пана Долинскаго; но жена не дала мнѣ дальше розумовати, а только стала нарекати на безчестнаго клеветника. Съ нею соглашалась и Наталія: Амалия же плакала сердечно. Я не могъ сперва поняти, щобы Раевичъ былъ человекъ столь неблагородный; но перечитавши еще разъ письмо увидѣлъ въ немъ тоже само що заштила жена и Наталія. Таково подлое дѣло бы-

ло въ очахъ моихъ найчернѣйшею неблаго- дарностію. Я не могъ даже розобрать, що его привести бы могло къ тому, если чей- же не желанье. удержати мою Аналію на се- ля, чтобы тамъ частше ималъ способность видѣтись съ нею и говорити.

Такъ сидѣли мы и размышляли надъ тѣмъ, какъ бы помстити сію обиду: когда надбѣгъ другій хлопчикъ и донесъ намъ, що Панъ Раевичъ сблизается къ нашимъ воротамъ. Смѣшавши чувства болю надъ понесеннымъ недавно оскорбленіемъ и радости надъ близкою местію волновали въ сию ми- нуту наши груди. Хотя вознамѣрили мы толь- ко упрекать его благодарностію, одна- кожь постановили сдѣлати то въ такой спо- собъ, чтобы заболѣло его сердце. Для то- го условились мы, приняти его съ обыкно- веннымъ радушіемъ, сначала говорити съ нимъ какъ найпріятнѣйше, дабы такъ его тѣмъ больше къ себѣ приманити, а потомъ, середъ того милого спокойствіи, напасти на него, какъ иногда буря нападаетъ на стран- ника середъ прекрасной околицы, и дати ему почувствовати тую подлость, яку упо- требилъ къ поврежденію нашей славы. Моя жена, подавшая намъ тотъ остроумный планъ, обязалась привести его къ успѣшному кон- цу. И для того, какъ только вошелъ Рае- вичъ въ нашу хату, поздоровила она его пріятно, и стала говорити о томъ, съ якимъ восхищеніемъ вспоминалъ сынъ нашъ его до- стойное мнѣ при своемъ отъѣздѣ, какъ ино- го пользы принесла ему глубокому на- ставленію Пана Раевича во время ваканцій, и вообще, яка то велика радость и слава, быти такъ ученымъ человѣкомъ, якимъ есть Панъ Раевичъ.

„Признаюсь,“ сказалъ Раевичъ „ученіе мое прибралъ я собственнымъ трудомъ, но къ тому силъ и разумъ далъ мнѣ Господь Богъ.“

„Ученіе и разумъ,“ отрекъ я на тое, „суетны безъ праведности; только правед- ность и постоянный нравъ даетъ человѣку цѣну. Самъ несвѣдущій простолюдинъ, не сдѣлавшій ничего злого стоитъ выше, не-жели философъ, который обремененъ мно- гими преступленіями; шо убо разумъ, шо геній безъ благодѣтельного сердца? Най- лучшее дѣло Господне праведный чело-вѣкъ!“

„То истинно, однакожь только въ поло- винѣ;“ сказалъ Раевичъ, „какъ убо при оцѣ- неніи нѣкой книги не пытаемъ о то, суть ли въ ней погрѣшенія, а только есть ли въ ней красота и изящность, такъ должно намъ не по недостатку грѣховъ оцѣнати чело-вѣка, а по величинѣ дѣлъ его добродѣтельныхъ; ученому можетъ недоставати общежитія. у-рядникъ можетъ быти гордый, а воинъ твер-дого права; но свободно ли намъ ставити вы-ше нихъ простолюдина, который, не за-служивая ни на похвалу, ни на укоры, всю жизнь проживаетъ въ работѣ, какъ бездуш-ная машина? Такимъ дѣломъ можно бы пер-вого лучшего селянина поставити надъ Але-ксандра Великого, надъ Цезара и Наполе-она I, которы всѣ мимо великого генія, и-мѣли свои грѣхи.“

„Ваше замѣчаніе справедливо тогда,“ отвѣтилъ я, „коли при малыхъ поблуждені-яхъ сіяютъ великіи благодѣтели; но если случится, шо въ одной и тойже душѣ по-мѣщаются и великіи грѣхи и необыкновен-ныи дарованія, тогда характеръ такой за-служилъ на общее презрѣніе.“

„Можетъ быти,“ сказалъ Раевичъ, „шо существуетъ где либо такой уродъ, въ ко-торомъ получены великіи дарованія съ ог-ромными грѣхами; но о сколько менѣ свѣтъ извѣстенъ, не нашель я нигде примѣръ то-го рода, во преки всегда замѣчалъ, шо тамъ, где душа была велика, находились

и добрыя склонности сердца. И вонистину само провидѣніе кажется сдѣлало такъ уже во нашу пользу, що ослабленъ бываетъ разумъ тамъ, где испорчено есть сердце. и такимъ образомъ уменьшается сила злодѣянія, где къ тому воля склонна. По видимому, даже звѣрята подвержены тому же закону; меньшія овады бываютъ всегда злобы, жестоки и робкіи; вопреки же сильныи и великіи звѣры благородны, храбры и кроткіи."

"Все то хорошо сказано," отрекъ я, „однакожь легко пріишло бы менѣ въ сей же часъ указать челоуѣка," — и при тѣхъ словахъ вперилъ я очи свои неподвижно въ него — „челоуѣка, котораго разумъ и сердце творять ужасное противенство. Такъ, Пане Раевичъ," продолжалъ я возвышеннымъ голосомъ, „менѣ случилось открыть васъ въ мнимои вашей безпечности. Узнали вы тотъ свитокъ?"

"О такъ достойный Отче," отвѣтилъ онъ съ непонятнымъ спокойствіемъ, „тотъ свитокъ мой, и я дуже радъ, що его снова нахожу."

"А тотъ листъ?" воскликнулъ я, „узнаете ли его? не мѣшайте; смотрите менѣ прямо въ лице! Еще разъ пытаю: узнали вы тотъ листъ?"

"Тотъ листъ?" рекъ онъ хладнокровно, „розумѣется, узналъ: я таки самъ его писалъ."

"И якъ могли вы быти столь неблагодарнымъ, столь подлымъ, чтобы листъ такий писати?"

"А якъ могли вы," отрекъ онъ съ безпримѣрною спокойностію и почти безстыдствомъ, „якъ могли вы быти столь нечестивымъ, абы листъ мой розпечатати? Тайну листовъ повелѣно наблюдать закономъ,

а вы законъ тотъ переступили; тайна листовъ освященна у всѣхъ просвященныхъ людей свѣчаемъ, а вы свѣчай тотъ стоптали ногами! Въ первый разъ узналъ я при томъ случаѣ, що честь ваша — важъ не дорога!" Такое злословіе розсердило мене до крайности. „Неблагодарный челоуѣче!" воскликнулъ я съ гнѣвомъ, „уступи съ моей хаты! не оскверняй пороговъ ей твоею подлотою! Единая кара. яку для тебе желаю, да будетъ тая: чтобы пробудилась твоя совѣсть и ты почувствовалъ все бремя обиды, яку нанесъ на кырную нашу хату!"

Послѣ тѣхъ словъ кинулъ я ему письма его подъ ноги, и онъ поднесши ихъ усмѣхаясь съ земли и попрацавши насъ съ спокойнымъ лицемъ, вышелъ изъ хаты, оставляя въ насъ негодованіе надъ его неблагодарностію и хладнокровіемъ. Моя жена особливо сердилась за то, же нищо не могло возбудити въ немъ якового стыда.

"Мое сердце," сказалъ я къ ней, желая усмирити гнѣвъ, который насъ обохъ повлекъ былъ за далеко, „да не будетъ намъ дивно, що злыи люди не знаютъ стыда; они стыдятся лишь тогда, коли застанемъ ихъ на добромъ дѣлѣ; въ своемъ же лукавствѣ ищутъ они чести."

Такъ сказалъ я къ женѣ; но иначе проговорило въ скорѣ потомъ мое сердце: ахъ можетъ онъ безвиненъ, и для того такъ смело смотрѣлъ намъ въ очи! И правота не стыдится дѣлѣ своихъ благодатныхъ. Можетъ листъ той писанъ былъ во нашу пользу; — ахъ, въ такомъ случаѣ розорвалъ я своевольно священную связь, котора соединяла насъ съ наиблагороднѣйшимъ челоуѣкомъ!

Продолженіе слѣдуетъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГО- СПОДАРСКІЯ.

— *Якъ заховати жареное (пржженное) мясо, абы робаки до него не досталися.* Жареное мясо, солонина, колбасы и пр. наилучше переходуются въ перестыльномъ сухомъ пепелѣ съ букового дерева. При томъ поступаетъ такъ: въ скриню, на сухомъ перестыльномъ мѣстѣ, сыплется не много сухого пепелу, на который кладутся жареное мясо, шинки и пр., тѣмъ засыплются вновь пепеломъ, и такъ поступается, пока не выполнится вся скриня. На верху засыпается пѣла скриня густо пепеломъ, абы овады не могли лѣзть своихъ въ мясъ укладывать. Хотячи такъ переходованое мясо взяти до ужитку, потребно прежде очистити оно сухою или мокрою щеткою изъ пѣси, на верху повставшей; впрочемъ пѣсьнь тая во все не вредитъ вкусу. Жареное мясо, сокрытое въ такой способъ, переходуется цѣлый годъ и бываетъ сочистое, понеже толстота въ немъ не топится и не стекаетъ якъ на открытомъ мѣстѣ. Для захованія чистоты можно таковое мясо, передъ его сокрытіемъ въ пепелъ, въ папѣръ завинуть.

— *Многорозличная польза изъ смолы.* Смольная вода, которая составляется изъ смѣшенія смолы и воды въ ровныхъ мѣрахъ, стоявшая въ тепломъ мѣстѣ 24 годивъ, оказалась успѣшнымъ средствомъ противъ геморойдъ, которая, якъ опытни лѣкари твердятъ, происходитъ отъ робаковъ. Употребляется средство тое въ слѣдующій способъ: когда смола опадетъ на дно блюда, пьется вода на верху стоящая три раза на день мѣрною склянкою, и кромѣ того попеременно или еже другій день, отваръ изъ яловцоваго кореня, заправленный будъ сенегомъ будъ круглымъ анижемъ; при томъ смаруется хребетъ и боки козлинымъ лосемъ.— Всякое четырехножное звѣря, неимѣющее аппетита, или блящее а худое (що найчаще происходитъ отъ робаковъ), если напьется такой, но густо смолою заправленной воды или чистой смолы, достаетъ на другій день сильный аппетитъ, пьетъ добре, и вскорѣ поднасется. Реченной воды дается въ слѣдующемъ размѣрѣ: кою, рослому бизягк, разъ въ тыждень не больше якъ полъ кварты, сваятъ квартиру, псу пятую, овцѣ десятую часть кварты, а молодшимъ звѣрятамъ и меньше. Случалось, що и во время сухотъ лѣчились зараженными скоты смолою успѣшно.— Свербячку у людей лѣчатъ

въ нѣкоторыхъ сторонахъ тѣмъ же средствомъ; къ той пѣлѣ мѣшаются двѣ части смолы съ одною горячою водою и тѣмъ натрается хорый; по истеченіи одной годины наступаютъ поты, и тогда смывается тѣло и смаруется елеемъ.— Абы избѣти сухое жилище, ставляючи новый домъ; подобаетъ запобѣгти мокротѣ слѣдующимъ способомъ: выпровадивши муръ надъ верхъ земли, обливається сухой муръ смолою, по крайней мѣрѣ на полъ цѣля грубости, выготованною въ котлахъ черезъ 20—30 годивъ, остпышою и пережвившою въ смолу шевскую, и ажъ на ней муруется якъ звычайно дальше, а мокрота уже не пройдетъ.— Если кладется во внутри хаты подлога, и поливается каждую доску подъ сподомъ на $\frac{1}{4}$ цѣля такою смолою, то подлога становится долготрвелою, не спачется, не розходится и бмываетъ неповредною отъ мышей и робаковъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Слово во время торжественного Богослуженія въ пресвятый праздникъ Богоявленія Господа нашего Иисуса Христа в. Януаріа 1853. года въ церкви Ставропигіанской, Успенія Пресвятыя Богородицы говоренное Иосифомъ Кульчицкимъ гр. кав. Львовскою духовною Семинарію Исповѣдникомъ. Типомъ и издвѣніемъ Института Ставропигіанского 1853. Достопочтеннымъ Старшшинамъ, предстоятелямъ и всемъ членамъ Института Ставропигіанскаго посвящаетъ Авторъ. Въ осмерицы.—

Пригадуемъ нашему Всепочтенному Читателству, шо уже съ 5. Числомъ предплата 1го четверрочія укончилась. Просимъ протое о найскоршое надосланіе предплаты на второе четверрочіе 1853. года, дабы возможно намъ было наклады нашей Часописи отвѣтно розмѣрити и всякимъ недогодности изъ опозненья въ присланію предплаты такъ для Редакціи якъ и для Вс. Предплатителей происходящія усунути.—

Уравненія ради „Поученій церковныхъ“ съ теченіемъ Евангелій цѣлѣныхъ прибавляетъ теперь изъятно цѣлый листъ онихже.

Издвѣніемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гухалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ
почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвероочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к.
м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСПОМИНАНІЕ НАДНІСТРОВЬЯ.

Защитники! вы не моя
Колыбельная сторона —
За чѣмъ я васъ такъ возлюбилъ:
Що я гнѣздо мое, в Бугъ,
Подѣтска мой наймишій другъ
Не естъ менѣ уже такъ мнѣ.

Я весь, якъ естъ, лишнимъ свѣтъ,
И калѣя мнѣ сужденныхъ лѣтъ
Сачою жизни, кобы мнѣ
Отдать кто ничу свободу
И Кришатицкую гору
И тѣ острова на Днѣстрѣ!

Тамъ бы въ думивью я свѣтъ
Зъ горы на Русь мою бы зрѣлъ,
Якъ красна дила тамъ они!
Подлипа такъ, якъ сельскій цвѣтъ,
Весела, якъ весны розсвѣтъ
Богата, якъ Украина.

Тамъ народъ Русинъ всевъ душовъ,
Неповрежденъ чужинщиновъ,
Тамъ древня ширость, древній нравъ;
Въ лицахъ тамъ цвѣтъ и красота,
Въ свѣтлинахъ ладъ и чистота,
Въ гостиныхъ дружескій уставъ.

А пѣснь яка тамъ живетъ,
Тамъ всякъ пѣвецъ и всякъ поетъ!
Тамъ танецъ мужескій арканъ
Дрожитъ подъ нимъ свѣта земля —
Сама кеслышнѣ ж гудѣба
Въ гуляніи жвавыхъ Поддѣвѣтанъ.

Тамъ старецъ съ сѣдовъ бородавъ,
Юношеску пьетъ кровь,
Безжурѣ сердце козака!
Видати можно тамъ не разъ,
Прадѣда съ молодими вразъ
Ще выгинати гонака!
Спроси, въ войнѣ кто перемѣ,
Царя кто, вѣру защитилъ?
То тѣ жваки молодіи
Отъ Буковины, що ихъ тамъ
Есть возлюбленный той арканъ
Що воспитались при Днѣстрѣ
Оні добре съ ними всякому
Кто любить Бога, Отчину,
Кто чтитъ Царя и законъ свой.
Тамъ бы я вѣкъ прожити хотѣлъ
Кобы я кости тамъ зложилъ
Где широрусскій народъ той!

И. Г. Н.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Оголошеніе загальныхъ складокъ на домоу
народный и другу городску церкову, же зъ
нашой причины долшій часъ перорванѣ прѣ
должаемъ въ слѣдующій способъ.

Въ числѣ 5. Зоря зъ г. 1853. мы по-
дали до общою вѣдомости списъ жертвъ, вѣдѣ
дующихъ до дня 1. Листопада, и зъ
того времени ввѣли новыя жертвы.
1. Честъ и преп. Г. Вислохій, ирѣкохнѣ Ма-
цисскій, и первый членъ комисіи собира-

жельзную колѣй, котора вонистину, будетъ не за-
долго будоватися. Уже составилось особое обще-
ство, которое намѣряеть дѣло оно въ семь еще
году распочати. На той подземной колѣи заведена
будеть такъ звана атмосферическая система, по
которой напоръ воздуха въ порожныя, помежь ко-
лѣю въ земли укрытым руры, пхати будетъ самъ
собою скоровозы И такъ стануть ѣздити жители
великанскаго того города сквозь подземную тьму,
нигъ надъ своими головами все бремя лондинскихъ
зданій Чего еще не выдумаютъ остроумныи Ан-
глики!—

— Съ Виртембергiи стогосилось 200 ро-
диль, залегающихъ къ сословію богатыхъ селянъ,
жела вселитися въ пустынныхъ окрестностяхъ У-
горщины. Австрійское правительство отвѣтило имъ,
что переселенію ихъ никто не будетъ препятство-
вати, если только выкажутся свидѣтельствами бла-
гоправного житія. Такожъ съ Баваріи и нныхъ нѣ-
мецкихъ краевъ пришли подобныи желанія.

— Въ Калифорніи найдено кедровое дерево,
которое числится можно къ наибольшимъ въ свѣтѣ.
При земли имѣеть оно 91 стопъ въ объемъ, на 14
стопъ выше надъ землею 61, вышина его выноситъ
285 стопъ а числа обручки слоя, можно вѣкъ того
дерева опредѣлити на 2,500 до 3,000 лѣтъ.

— Съ Америки возвѣщаютъ о новомъ от-
крытіи золотыхъ жилъ въ старинныхъ дѣсахъ Ка-
нады, о существованіи которыхъ никому ниже слылось.

— Достоянники турецкаго войска. Чинъ
достоянниковъ въ турецкомъ войску раздѣляется на
три розряды. Къ первому ряду принадлежатъ гене-
ралы, которы присвоаютъ себѣ имя баши. Пол-
ковникъ и подполковникъ зовется бей. Достоянни-
ки низшіи отъ полковника именуются ефеиди;
всѣ же прочіи ага. Турецкіи достоянники вообще
не пользуются такимъ почитаніемъ якъ въ нныхъ
евр пейскихъ войскахъ. Тожъ не рѣдко случается,
что полковникъ выбѣетъ по лицу передъ рядами
войска маіора, маіоръ сотника и пр. Уважается пра-
виломъ, дабы никого не подвысхати надъ маіора,
если незнаеть хотя не много читати, писати и чи-
слити. Намъ кажется то почти невѣроятнымъ, дабы
маіоромъ могъ статися неграмотный человекъ: но
такъ есть во истину, бо въ Царгородѣ есть много
такихъ маіоровъ и даже одинъ бригадовій гене-

ралъ. который не знаеть перечитати ни одной
буквы!

— Въ Америкѣ есть великій недостатокъ жен-
щинъ. Отъ двохъ столѣтій умножается тамъ число
мужчинъ, которы значительно превышаютъ число
женъ. И чѣмъ дальше на западъ Америки, тѣмъ
рѣдше встрѣчаются женщины. На противъ въ Евро-
пѣ мужчинъ далеко меньше якъ женщинъ; понеже
первыи переселяются оттуда въ различныи свѣта
стороны найчаще же въ Америку не возвраща-
ясь къ намъ уже никогда, а послѣдніи, не такъ
скоры къ переселенію, остаются въ отечествѣ. и
тѣмъ число ихъ не уменьшается. Мимо того недо-
статка женщинъ въ Америкѣ удивительно есть, что
тамъ же существуетъ въ нкоторыхъ сторонахъ
религіиная секта Мормоновъ, у которой заве-
дено многоженство.

— Въ Лонднѣ показуеть теперь проф. Ан-
дерсонъ двое карликовъ, которы обращаютъ на се-
бе великое вниманіе тамошнихъ жителей. Карлики
тѣи принадлежатъ къ особой расѣ Антексъ званой
и происходятъ изъ середной Америки. Одинъ изъ
нихъ хлопчикъ, несполна 3 стопъ высокій, друга
дѣвчика только 2 стопъ и шесть цалей. Кости у
нихъ и составы суть майже пичьей тонкости: го-
лова чрезвычайно маленька, покрыта мягонькимъ,
чернымъ и немного кудрявымъ волосьемъ, очи чер-
ны, блестящи, чело низкое, носъ дуже въ гору за-
дертый, барва тѣла оливная. Замѣчательно и то, что
мимо такъ маленькаго тѣла, они довольно разумны.

Извѣстія торговельныи.

— На торгу дня 19 с. я. въ Львовѣ продавано ко-
рецъ пшеницы по 19 р. 13 кр.; жита 12 р. 55 кр.; ячменя
11 р. 26 кр.; овса 6 р. 32 кр.; гречки 13 р. 25. кр.; земля-
ковъ 6 р. 57 кр.; цетнаръ сѣна 2 р. 19 кр.; околотовъ 1 р.
56 кр. вѣд. в.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской дня 20 Сент
Ажіо ц. червоицевъ 16 1/2
" серебра 9 1/2

Переписка

съ ч. Редакцію „Вѣстника.“ Мы перечитали Вашу „Отвѣтъ,“
подписанный въ 67. ч. Вашей врекелониси — и не нарушаемъ
мира.

Ред. З. Г.

(Слѣдуетъ Число 29. „Почасній Церковныхъ.“)

Издвненіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А Дядицкий.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточно получаютъ платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ДА БУДЕТЬ МИРЪ!

Да будетъ миръ на Руси всей
Межъ неученымъ и ученымъ:
Намъ надобно теперь людей
Къ дѣламъ великимъ и священнымъ.
Такъ кто учалый, да учить
Другихъ съ охотой, снисхожденьемъ,
А неученый — да молчать,
И да пользуется ученьемъ.

Да будетъ миръ, бо ужъ и такъ
Междоусобій много было,
И тѣхъ пристрастныхъ споровъ, дракъ,
Что вспоминати ажъ не мило;
Вся древня лѣтопись полна
Изображеньемъ борьбы и войны;
Но въ мирѣ днесъ всѣ племена,
И ты, нашъ роде, будь спокоенъ!

Да будетъ миръ, бо то и встыдъ
За букву, за языкъ сваритись.
Когда еще полнѣйшій видъ
Не могъ у насъ дотоль развиться;
Когда еще не былъ такіи
Писатель межъ Русинами,
Чтобы рекли о немъ: то свой,
То нашъ и духомъ и словами.

Да будетъ миръ, бо нужно намъ
Трудитись всѣмъ по Божьей волѣ,
Народный созидати Храмъ,
Съяти на пустынномъ полѣ:

А въ непогоду, въ бурный часъ
Робота всяка перервется,
И недругъ обругаетъ насъ,
И злобыми смѣхомъ засмѣтся.

Да будетъ миръ, бо ужъ давно
Мы въ дѣлѣ важномъ согласились:
Приняти отъ Старыхъ оно,
Чѣмъ передъ свѣтомъ прославились,
А именно: тѣмъ слова,
Въ которыхъ наша жизнь и сила, —
Да не смотримъ: что и Москва
Языкъ свой ими украсила.

Да будетъ миръ, да пишеть всякъ
По собственному розсужденью.
И что и что, и якъ и какъ,
По слуху иль обыкновенью.
А где прекрасный и объемъ
И чисто-русски будутъ звуки,
Тамъ всѣ мы съ радостію прильгнемъ,
То жъ сдѣлають къ нашимъ звукамъ.

Да будетъ миръ, — иль если кто
Начнешь спорити за азбуку,
Не сѣй же намъ сивозъ решето
Свое самую черную муку;
Не называй своихъ друзей,
Занятыхъ тѣмъ же трудами,
Преданныхъ Матери своей:
„Ея невдачными сынами!“

Богданъ А. Д.

ВСПОМИНКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

VII.

Соотношеніе древнихъ Словенъ къ ихъ божествамъ. Поганскіи предки наши изражали свою зависимость отъ высшего существа именно тѣмъ, что признавали надъ собою покровительство некоторыхъ божищъ. И такъ, всякій вѣкъ жизни препоручано покрову нѣкого божества, съ чѣмъ соединены были различныи обряды.

Главнымъ божествомъ, покровительствующимъ все житіе чловѣка, уважано божество Жива. Божище убо тое воображало себя яко мужеску и женскую стихію въ соединеніи, и приписывано ему, будто оно даетъ, удерживаетъ и развиваетъ а потомъ погубляетъ и уничтожаетъ все житіе. Такимъ дѣломъ божество Жива было вообще жизнедательнымъ существомъ. Тоеже существо подъ образомъ божища Поренука имѣло попеченіе надъ дѣтми въ материнской утробѣ, а яко женская стихія подъ именемъ Злата — Баба бдѣло надъ породами. По той причинѣ приносили мужи во жертву молодыи звѣрята божищамъ Живъ, Поренуцъ и Златой — Бабѣ. — Въ дозрѣльшемъ вѣцѣ бдѣла надъ чловѣкомъ Лада, богиня любви, которой преимущественно поклонялись дарами молодыи женихи. — Надъ сопругами имѣли особенное попеченіе: Лель (любовь) Дѣдъ (взаимная любовь) и Полель (сопружество). Въ народныхъ пѣсняхъ донынѣ сохранились израженія: Дѣдъ — Ладо! Лель — Полель! которыи нужно уважати яко возванія тѣхже божищъ.

Въ каждомъ народѣ встречаемъ освященныи обряды, вводящіи дѣтей въ общественное житіе. Такимъ обрядомъ у поганскихъ Словенъ были пострижины. Родители давали 7 лѣтнимъ дѣтямъ въ первый разъ торжественно стрѣгти волосье; при

томъ случаѣ надавано дѣтямъ имена, посвящено ихъ богамъ, научая познавати божескіи силы и величіе; остриженныи же волосы складано въ жертву Богамъ. На томъ обрядѣ основанъ свѣчай стриженія волосовъ уже во временахъ поганскихъ въ цѣлой Словенщинѣ.

Якъ пришествіе на свѣтъ чловѣка, такъ и его отшествіе изъ свѣта соединено было съ побожными обрядами. Мертвыхъ хоронено двоякимъ образомъ: или похоронено ихъ яко обыкновенно въ гробъ, или сожжено и пепелъ въ похоронныхъ блюдахъ складано въ землю. Однакожь похороны были въ большемъ обыкновеніи. Они отбывались слѣдующимъ способомъ: Обмыто мертвого, вынято внутренности, наполнено благовонными мастями, сошито разпоръ яко найстараниѣе и мащено снова все тѣло. Въ гробъ складано, обыкновенно вся вещи, которыи покойнымъ въ житіи были милыми, яко: оружіе, коня, гроши и пр. Тѣло укладывалось на взнакъ, лицемъ въ гору, или такожь въ спячей поставѣ. На гробахъ насыпывалось землю и каменя, яко нагробіе, и съ тѣхъ то время удержались именно на Руси и въ Польцѣ надгробныи насыпи, извѣстныи подъ именемъ: могилъ или кургановъ. Въ Чехахъ хоронено мертвыхъ въ дѣсахъ и по полямъ, давано имъ подарки для духовъ, надъ мертвымъ ставлено хлѣбъ и свѣчу, яко жертву для божествъ смерти. Послѣ похоронъ брали присутствующи на лице маски и кидали по-за себе каменя, землю и дрова. На перекресткахъ (крестовыхъ дорогахъ) воздвигали каплички для божищъ смерти и за души мертвыхъ.

Сожженіе тѣлъ случалось рѣдше, и тогда обыкновенно ишли на всесожженіе за мужами варныи жени. Послѣ похоронъ отбыв-

вались пары, званны тризнами и стипами.

Понеже древныи Словене вѣрили въ безсмертіе души, то сготовляли таковыи тризны во честь покойниковъ ежегодно; тризны тѣи были извѣстны у Поляковъ подъ бѣсѣдою дѣдовъ или праздникомъ стариковъ. Словене вѣрили даже, что души мертвыхъ присутствуютъ и участвуютъ въ такихъ тризнахъ, для того запрашали ихъ торжественно на гостину, а при концѣ изгаяно тѣи слова: „Вы душечки нальишь, напильишь, бывайте здоровы, оставите благословеніе живымъ, а сему дому миръ и тишину.“

Посмертное состояніе душъ воображали себѣ древныи Словене надто смыслово; вѣрили бо въ соединеніе души съ тѣломъ, и для того давали мертвецамъ до гробу оружіе, яствія, гроши и пр. Интовцы, пребывавшіи долше въ поганствѣ, представляли себѣ посмертное состояніе совсѣмъ такимъ, якимъ было предсмертное на земли, а только украшати оно себѣ совершенѣйшими радостями и роскошати и думали, что тамъ будутъ: веселое общество, хорошіи жены, вкусныи яствія, солодкіи напитки, въ лѣтѣ бѣлое свѣжее одѣнье, въ зимѣ теплыи шубы, пріятный отпочинокъ на великихъ мягонкихъ ложахъ, неизмѣнное здоровье, веселья, игры и всякіи радости. Жилище покойныхъ именовалось Нева или можетъ нива, съ чѣмъ вѣтоятно стоитъ въ отношеніи и богиня мертвыхъ Нія. Судицы судили мертвыхъ и опредѣляли имъ нагороды. Когда еще зажитѣи сѣ обстоятельство, что во всѣхъ словенскихъ нарѣчіяхъ находится множественное число слова небо, яко: небеса и неба, то легко можно домыслитися, что Словене вѣрили въ большее число небесъ, въ которыхъ мертвыи по различнымъ степенямъ своего совершенства помѣщались.

Духъ и дупа, въ словенскомъ языкѣ иишетъ тое же само происхожденіе, что дуновение или отдыханіе. Предки наши воображали себѣ оживляющее существо чловѣка въ дуновеніи, будто существо съ воздухомъ сходственно, и такимъ дѣломъ ииштоншее, иишжнѣйшее. И яко воздухъ всякому созданію къ жизни конечно нуженъ: такъ иишла въ немъ чловѣческая душа иишлучшее иишображеніе. Кромъ того представляло себѣ душу въ подобіи птицы, котора опустивши тѣло мертвого, дотолѣ не иишла сопокою, пока тоеже не сожжено или не похоронено. Воображано ю иишчастше въ видѣ голубки, чего доказательствомъ есть иишпенно надпись на гробъ польского короля Болеслава Храброго: *Hic jacet in tumba principis, gloriosa columba* (здѣсь лежитъ во гробѣ князь, славная голубка).

Дружба, гостепрѣимство и почитаніе старшихъ были всегда иишкрасшими свойствами Словенъ. Другъ уважанъ былъ ровню яко родственникъ, и отуду то до сихъ поръ сохранилось межъ Сербамъ, такъ зовимое побратимство, якого примѣра не встрѣчаемъ больше у жадного съ народовъ. Побритимство состоитъ въ томъ: двѣ особы познакомившись и полюбившись, даютъ себѣ торжественное приреченіе взаимной любви и помощи, и съ того времени стаются иишвѣрнѣйшими, нерозлучными друзьями во всѣхъ случаяхъ жизни. Такой другъ именуется „Побритимомъ въ Бозѣ.“ Такимъ дѣломъ побратимство уважается у Сербовъ за сродство по душѣ а не по крови, яко родня отъ Бога а не отъ чловѣка, котора съ той причины должна быти неповрежденною, неоскверненною. Якъ мужчины, такъ и женщины завязываютъ межъ собою подобную дружбу, и такіи подружки зовутся „посестрими.“ О томъ обычаѣ починаетъ Тальви съ почестію и говоритъ

нежь прочии „У Морляковъ вознеслась дружба на нѣкій степенъ религійного освѣщенія. Я былъ свидѣтель, когда двѣ дѣвочки въ церковь въ Перузицъ присягали себѣ посестринство. Давши себѣ торжественный образъ святое приреченіе взаимной дружбы, видно было, яка радость изъ очей тѣхъ посестримъ сіяла. Есть то доказательствомъ, якъ нѣжны чувства грѣются въ сердцахъ людей тѣхъ необразованныхъ.” Къ тому хорошій тотъ в священній обычай предрекаетъ слабому защити а опущенному помощь во всякихъ случаяхъ. Есть то безспорно найкрасшее свойство народа, доказывающее о искренномъ Словенѣ челоуколюбін и добросердечіи, и сожалѣмъ надъ тѣмъ дуже, что у нынѣшнихъ Словенъ съ изытіемъ Сербовъ изъ обычая того само только ния остало. Найстаршіи лѣтописцы хвалятъ такожъ гостепрїимство Словенъ, которое было такъ необходимо, что ради того ни нужденныхъ ни жебраковъ у нихъ не бывало, якъ о томъ говоритъ Гельмольдъ: „Не знаю благочестившого народа якъ Словенъ ради ихъ гостепрїимства. Когда кто изъ нихъ пригнетенъ болѣзнію или лѣтани, есть обязанностью родины взяти его въ свое попеченіе. Дружба убо и любовь къ родителямъ есть у Словенъ найвысшимъ достоинствомъ. Для того нѣтъ у нихъ ни бѣдняка ни жебрака.” Гостепрїимство тое было столь необходимо, что во время работы выходя въ поле и не затворяя дверей, — бо ради сей благодѣтели не было у нихъ ни даже причини опасатись злодѣя, — оставляли хлѣбъ и сыръ на столѣ, чтобы путешественникъ, посѣщающій случайно ихъ хату, нашель нужное пропитаніе.

Почтеніе, якого дознавали старшіи кромѣ попеченія, было всегда соединено съ первоначаліемъ въ родинѣ, того ради бы-

ли старики начальниками родинъ и громадъ и въ томъ достоинствѣ исполняли разомъ домашніи богослужбении обряды.

Художество и умѣніе. Истуканы божницъ, отъ части до нынѣшняго дня сохранены, суть доказательствомъ, что Словене изъ давенъ знали ваятельное искусство. Старинныи лѣтописцы удивляютъ часто красоту ваятельныхъ дѣлъ, якими обыкновенно украшаемы были стѣны храмовъ, и то доказываетъ, что Словене любовались въ ваятельномъ искусствѣ и привели оно къ значительному совершенству. Кромѣ того искусства любили Словене больше гудьбу и пѣніе, чувствуя въ себѣ особливый даръ и склонность къ тому хорошему умѣнію, якъ о томъ досель свидѣтельствуетъ неисчисленное множество народныхъ нашихъ пѣсней.

Письмо знали Словене уже во временахъ идолопоклонства, чего доказательствомъ само названіе священниковъ, которы для того звались кнезами, понеже разумли книги т. е. письмо, и содержащїися въ нихъ науки; и утверждаютъ даже преданія лѣтописцевъ, что законы свои на доскахъ писали. Якое однакожь письмо ихъ было о томъ не можемъ рѣшительно сказать, понеже не остало намъ изъ него нѣкихъ памятниковъ. — Тѣмъ дѣломъ были у Словенъ книги и знаніе уже во временахъ поганства, и отъ того легко заключити можно, что они имѣли такожъ нѣкій родъ школъ, пишетъ бо Балбинъ: „школа поганска была въ Будецѣ, чешскомъ городѣ въ Сланскомъ округу, недалеко горы Рипы, и къ той магической Зороастра школъ стремилась вся чешская шляхта (*ad hanc magicam et Zoroastris scholam tota properabat bohémica nobilitas.*) По преданію обучались въ тойже школъ такожъ Любуша и Премыслъ.

О образу жизни Словенъ упомина-
емъ лишь коротко, что они преимущественно
занимались земледѣіемъ и скотопаше-
ствомъ. Торговля однакожъ процвѣтала у
нихъ уже передъ введениемъ Христіанства
и посредствомъ ней воздвиглись великіи го-
рода. Также рудокопнею занимались дре-
вныи Словене, но тую въ большей части усту-
пали чужинцамъ. Надовсе однакожъ не лю-
били войны, хотя въ нуждѣ доказывали
свою храбрость, именно, когда шло о за-
щитиніе отечества. У нихъ не было бли-
ща войны, якъ у иныхъ народовъ; бо Сло-
вене были преимущественно земледѣльческіи,
миролюбивыи народомъ.

Гл. II.

МАЧИХА И ПАННОЧКА.

Украинская повѣстка.

V.
(Конецъ.)

Раненько встала Панночка, умылась сту-
денною водою, помолилась Богу и вы-
шла въ лѣсъ посмотреть на братьей Ивановъ.
Утро было во всей красѣ: солнце ярко и-
грало на росистой темной зелени дубовъ и
ясеней; сѣтковая тѣнь отъ вѣтвей ихъ рос-
кинулась по дорожъ; въ свѣжомъ воздухѣ
вѣяло вонями дикой мяты; сѣрый заяцъ ве-
село скакалъ межъ орѣшникомъ; птицы при-
вѣтствовали ясный день громкими пѣснями;
въ чаще лѣса свистѣли дрозды, стонали и-
волги; въ кустахъ пѣли малиновки, а весе-
лый кобчикъ, кружась надъ боромъ, рѣз-
кими криками своими будилъ дальнее эхо.
Якъ прекрасно всякое твореніе Божіе! хо-
рошъ бываетъ и лѣсъ.

Долго смотрѣла Панночка на дорогу,
теряющуюся между лѣсомъ — на дорожъ
никого не было; сумно стало Панноцъ,
такъ сумно, что она хотѣла заплакать. Ажъ
тутъ — передъ нею, якъ изъ земли вырос-

ла старушка, въ синей юбцѣ, въ лантяхъ
съ посохомъ въ руцѣ, съ кошконъ и тѣк-
вою за плечами.

Вы вѣрно не разъ видѣли лѣтомъ та-
кихъ старушекъ; они идутъ со всѣхъ сто-
ронъ Руси поклонитися святыни Печерской
въ Кіевъ.

Подошла старушка къ Панноцъ, и на-
чала просити милостыни.

— Ты вѣрно на богомолье? спросила
Панночка.

— Да, дитятко.

— А издалека?

— Охъ, издалека, мой свѣте, изъ са-
мого Харькова.

— И ты все пѣшкомъ идешь?

— Пѣшкомъ; я была больна, умира-
ла, и дала обѣтъ пойти до Кіева, теперь
Богъ помиловалъ, поднялась на ноги, до-
бреду якъ нибудъ; терплю и голодъ и жа-
жду. Вотъ вчера вечеромъ здѣсь въ бору у-
пала отъ усталости, да тамъ и ночь про-
вела.

— Ты голодна? пойди ко мнѣ, я тебе
накормлю и успокою, сказала Панночка.

И скоро въ свѣтлой комнатѣ были по-
ставлены передъ старухою лучшіи яствія и
напитки. Панночка приглашала старуху по-
больше ѣсти.

— Нѣтъ, не хочу, мое дитятко, от-
вѣчала она: я сыта; пора мнѣ въ дорогу.

— Да останься, отдохни.

— Нѣтъ, я не выполню моего обѣта,
когда буду идти съ отдыхомъ и съ рос-
кошью. Прощай, мое дитятко, вотъ — на те-
бѣ на память золотый перстень; возьми его.

— Не хочу; Богъ съ тобою старушко!

— Возьми его, говорю тебѣ, не бу-
дешь каятися; тотъ перстень дала мнѣ моя
покойная бабка; онъ предохранитъ тебе отъ
всякого зла.

— Якій бы онъ ни былъ, я его не возьму; я не торговка, Господи прости, чтобы брала гроши за угощение.

— Яка упрямая, ну хоть надънь его, посмотри; якъ онъ заблеститъ на твоей хохрошенькой ручицѣ!

Перстень горѣлъ якъ огонь. Панночка взяла его въ руку, посмотрѣла и надѣла на палецъ — Панночка была женщина!.. Въ сей часъ ей случилось дурно, въ очахъ потемнѣло, грудь затрепетала тоскою, будто тяжелый камень лягъ на ню; она рвала перстень съ пальца, не тутъ — то было; якъ змѣя обвилася онъ около ей бѣлого пальчика; Панночка пошатнулась и упала на землю.

— Теперь Пана будетъ спокойна, проворчала въѣдьма, и вышла изъ свѣтлицы, свиснула не человѣчьимъ повсистою, отъ котораго закрутился вихоръ на пыльной дорожѣ; схватилъ вихоръ, скверную бабу въ свои объятія, прикрылъ ю пескомъ и ластями, и выше бора, стоячого понесъ на хуторъ Пана.

Ей, нечестая сила розыгралась, говорили братья Иваны, подвѣзая къ своему дому, когда увидѣли летящій черный столбъ вихря. Они слѣзли съ коней, и привязавъ ихъ, пошли въ свѣтлицу. Тамъ лежала мертвая Панночка; она была также хороша якъ и живая, румянецъ не сбѣжалъ со щекъ ея; опущенныя ресницы, казалось такъ и поднимутся, такъ и засвѣтятъ изъ подъ нихъ два блестящія очка; а безъ дыханія лежала она; надармо братья будили ю, — она была безответна, безжизненна.

Опустивши руки, поникнувши головами, стояли Иваны передъ Панночкою.

— Надармо мы склякали добрыхъ молодцевъ, говорили они; теперь мы не можемъ выполнить даинного слова, якъ честными православными, козаки: мы поклялись или умерти или унизити передъ очами нашей

гостыи ей злую мачиху; теперь Панночка умерла, и нашъ остается умерти и тѣмъ выполнить свое слово. А якъ хороша она и по смерти! Мы ю не похоронимъ въ землю — жаль будетъ такую красоту засыпати сырымъ пескомъ: мы ю положимъ въ стеклянный гробъ и накроемъ гробъ хрустальною крышкою; мы ю поставимъ подъ открытымъ небомъ — да соловій перелетомъ полюбуется на красоту, и запоетъ про ю, солодкую пѣсню! Да солнце, съ высоты смотря на ю, захочетъ заткати такими цвѣтами широкіи луга! Якъ хороша она будто живая! говорилъ Ивасъ, закрывая раковъ хрустальною крышкою, и слезы сбѣжали по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Четыре наездники — Козаки, закаленные въ войнѣ, у которыхъ не исторгли бы ни одной слезы, ни вздоха ніякіи пытки въ Варшавѣ или въ Крымскомъ полону, котормы умъютъ умерти съ усмѣхомъ, проклинающая своихъ враговъ, тѣ люди рыдали передъ трупомъ дѣвочки!

Недаромъ въ Сѣчи не было ни одной женщины.

Далеко надъ Днѣпромъ есть непроходимая пуща: клены, дубы и яворы роскинули тамъ въ розныи стороны свои вѣтви, переплели ихъ, перепутали и составили одну свѣжую, зеленую стѣну. Топоръ дровосѣка никогда не стучалъ еще въ той пущѣ; она не слышала выстрѣлу стрѣльца. Въ томъ лѣсу есть небольшая поляна, трава якъ шолкъ розлагается по ней, а посерединѣ растетъ дубъ великанъ, дѣдъ дубовъ Кіевскихъ; десять людей взявшись за руки едва обнимутъ грубый его пень; подъ тѣнью вѣтвей его укрывается отъ дождя сотня козаковъ съ вѣрными конями. На томъ дубѣ стоитъ стеклянный гробъ, въ гробѣ лежитъ Панночка; надъ дубомъ на весь четыре стороны бѣлого свѣта роскинулись мертвыи тѣ-

ла братей Ивановъ. Умерли добрыи козаки, своии вършныи саблями сами убили себе и сдержали свое слово.

IV.

Летитъ время, летитъ быстрое — не остановишь его, не умолишь. Осъдай, козаче, черкесского скакуна; несишь, козаче, по степи! Любо тебѣ! соколы остаются за тобою, а время быстрѣе отъ тебѣ. Пожалѣй, козаче, доброго коня, дай ему перевести духъ. Ты остановился, а время ушло впередъ, и никогда не догонишь его.

Ждутъ люди весны: пришла она цвѣтушая; когда бы скорѣе лѣто! вотъ и лѣто шумитъ жатвою: скоро ли созрѣютъ плоды? и осень несетъ вамъ румяныи плоды. Плоды хороши, но якъ же пусто въ природѣ, пора бы снѣгу — явился снѣгъ. Несносная зима! скоро ли ты минуешь, скоро ли будетъ весна?... Такъ бѣгутъ годы — и мы все недовольны. Смотримъ завистливо на будущее: тамъ есть чтось такое, тамъ чернѣетъ точка. Вотъ она растетъ, близится, вотъ она передъ нами: темный гробъ! И человекъ не успѣлъ оглянутиса, якъ прошелъ путь жизни.

Пролетѣли пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти Панночки. Пятьдесятъ лѣтъ; полвѣка, жартъ ли?... О, якъ скоро прошли они: несчастный ихъ не пережилъ, счастливцевъ ихъ не замѣтилъ! А Панночка все лежала въ хрустальномъ гробѣ также хороша. Днемъ надъ поляною вились лѣсныи орлы, и перекликаясь въ небѣ, любовались чудною смертію козаковъ; ночью соловѣй садился на зеленой вѣтвѣ надъ гробомъ и, до восхода солнца, въ звучныхъ пѣсняхъ розсказывалъ тешному бору о красотѣ Панночки.

Въ то время у воеводы Кіевскаго Черноуса былъ молодой сынъ красавецъ. Высокій ростъ и черныи кудры, смѣлая постава, пріятная бесѣда, дѣлали его замѣт-

нымъ между всѣми молодыми Кіевлянами. Никогда куля его не пролетала въ синемъ небѣ мимо быстрого сокола; ни одинъ конь не смѣлъ вольтничати, когда рука Черноусенька управляла нимъ. Цѣлый былъ бы козакъ, говорили добрыи люди, но загубить отецъ сына: къ чему онъ учить его во всякихъ наукахъ?

А якъ сидеть бывало на коня Черноусенько, и поѣдетъ прогулятися межъ народомъ — вы никогда бы не сказали, что онъ такіи грамотный: такъ красивый, такъ ловкій, такъ удалий! Посмотрите, вотъ онъ съ добрыми товарищами выезжаетъ на охоту. Конь подъ нимъ такъ и дрожитъ, такъ и пышетъ, взвился на дыбы, скочилъ въ сторону — сидитъ Черноусенько, якъ гвоздемъ прикованный, только червоная кита козацкой шапки закружилась въ воздуху. Почуялъ конь на себя доброго съдока и гордо пошелъ по Кіевскимъ улицамъ. Подлѣ Черноусенька ѣдутъ его товарищи; и они храбрыи козаки, и у нихъ кони черкесскіи, и они хороши, но такъ, якъ звездочки передъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.

Помалу вхалъ сынъ воеводы съ своими товарищами; легкая пыль кудрявою волною разбѣгается по слѣдамъ ихъ. Ихъ оружіе блеститъ золотомъ и дорогими каменьями. Любо было посмотреть на нихъ; люди снимаютъ шапки и почтительно кланяются, дѣвочки смотрятъ изъ оконъ. Вотъ выехали козаки за городъ, поворотили по берегу Днѣпра... Ажъ тутъ выстрѣлилъ сынъ воеводы за дикою козою: раненная коза кинулась въ чашу лѣса, стрѣльцы за нею, а лѣсъ стаетъ все густѣйшій, коза скачетъ все быстрѣе. Уже всѣ товарищи Черноусенька остались на задѣ; того скинула грубая вѣтвь изъ сѣдла; тотъ упалъ съ конемъ въ лѣснній оврагъ, тотъ, якъ въ сѣти запутался въ дикій хмѣль и терновникъ;

одинъ Черноусенько скакалъ по слѣданиъ раненной козы, но лѣсъ ставался все густѣйшей и густѣйшей. Вотъ уже конь совсѣмъ зашелъ въ густвину, а тутъ терновникъ колеетъ его въ морду; онъ кидается въ сторону, а коза уже далеко въ переду. Соскочилъ Черноусенько съ вѣрнаго коня, выхватилъ саблю и побѣжалъ за добычею, бѣгалъ долго и выбѣжалъ на поляну.

На полянѣ, середѣ зеленого ясного лужка, стоялъ дубъ. на дубѣ блестялъ стеклянный гробъ, подъ дубомъ лежали четыре человѣческія остовы. Видно было, что давно они лежатъ здѣсь; по бѣлымъ костямъ ихъ вились лѣсныя цвѣты и зеленая трава. Кривыи козацкіи сабли были въ рукахъ остововъ. Подошелъ Черноусенько къ стеклянному гробу, взглянулъ на него, и опустилъ руки. А коза давно уже исчезла; въ первый разъ ушла добыча послѣ выстрѣла воеводскаго сына.

Скоро пріѣхали и товарищи Черноусенька, сняли съ дуба стеклянный гробъ, и поставили на зеленой муравѣ. Прекрасная, якъ ясная зора, лежала въ немъ Панночка, румянецъ игралъ на ей лицу; губки, казалось, такъ и усмѣхнутся, такъ и заговорять; она сложила на груди крестомъ руки, на указательномъ пальцѣ правой руки ей горѣлъ перстень.

Хорошо, что зналъ Черноусенько всякіи науки! Только взглянулъ онъ на перстень, тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, сказалъ якіисъ ученны слова, схватилъ перстень съ руки Панночки, и кинулъ его на землю: где прокотился онъ, тамъ трава выгорѣла, тронулся дерева, дерево засохло.

Тихо открыла Панночка очи, поднялась изъ гроба и сказала: „якъ долго спала я!“ Тутъ... тутъ я не скажу ничего; я не былъ съ Черноусенькомъ въ то время, а менѣ

никто не розказывалъ, что тамъ говорилось и дѣлалось.

Вечеромъ Панночка уже сидѣла въ домѣ воеводы. Воевода и сынъ его ласкали Панночку и выпытывались ю, и кормили яствами, и поили напитками, а козакъ на выстромѣ скакунъ летѣлъ уже далеко отъ Кіева, въ хуторъ старога Пана — кликати его на радость великую и просити благословенія на сватьбу дочки съ воеводскимъ сыномъ.

VII

Якъ ты красивъ, старинный Кіевъ! добрый городе, святой городе! якъ ты красивъ, якъ ты свѣтлый, мой съдѣй старику!

Что солнце между планетами, что князь между народамъ: то Кіевъ межъ городами. На высокой горѣ стонтъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною; подъ горою широко розбѣжались живыи волны Днѣпра — Словутицы. И; Кіевъ и Днѣпръ разомъ; Боже мой, яка роскошь! Слышите вы, добрыи люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно вы не Русины.

А сколько тамъ церквей, сколько въ нихъ богатства! Войдите хоть въ Соборъ Софійскій — а тутъ толпа народу: тутъ поють, вѣнчаютъ. Но ничего дѣлати: въ другое время мы съ вами розсмотрѣли бы церковныи рѣдкости Кіева, и гробницу Ярослава и мозанку Греческую, и много, много — а теперъ поглядимъ на сватьбу.

Церковь горитъ въ огню отъ множества свѣчей. Священникъ вѣнчаетъ Черноусеньку съ Панночкою. Кругомъ толпятся родственники. Недалеко отъ олтаря стонтъ старый Панъ; онъ бѣленькій якъ снѣгъ; преклоняя дрожащів колѣна, онъ благодаритъ Бога, что далъ ему увидѣти дочь еще разъ и въ таковое счастливое время.

Когда молодой поцеловался, въ церквѣ раздался глухой стонъ, и якаясь женщина упала на землю—то была старая Памя. Пятьдесятъ лѣтъ снали съ лица ей красоту и свѣжесть молодости, и провели на немъ рзкіи морщины: она не могла перенести красоты и счастья своей пасербицы, когда сама была дряхлою старухою. Памя упала на землю—и умерла отъ зависти.

А въ Кіевѣ долго еще въ ту ночь гремѣли веселыи свадебныи пѣсни, долго горѣли огни, долго еще пировали добрыи люди; но пѣсни ностепенно умолкали, огни одинъ за другимъ погасли, все утихло, заснулъ Кіевъ... только у подошви его ливно протекаетъ Днѣпръ, и надъ святыми церквами идутъ себѣ обычною дорогою Божіи звездочки...

Е. Гр.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О КОРОНѢ СВ. СТЕФАНА.

Корона Угорскаго королевства, найденная недавно вразѣ съ иными королевскими знаменами коло Старой Оршавы, сталась нынѣ предметомъ всеобщаго вниманія. Здѣсь предлагаемъ почт. Читателямъ нашия короткое описаніе и нѣкоторыи историческіи извѣстія о сей драгоцѣнной памятнѣ.

Корона тая состоятъ съ двохъ, внѣшнихъ вѣдомъ и вѣкомъ, различающихся частей. Нижняя часть, составлена съ довольно широкаго золотого обруча, называется латинскою: верхняя, представляющая золотую круглую митру приправлену къ нижней части, есть греческаго происхожденія и носить имя греческой. Середъ дорогихъ камней, хорошихъ образковъ и надписей находится на ней такожъ тая замѣчательна греческо-словенская надпись: *ΓΕΩΡΓΙΩΣ ΠΙΣΤΟΣ ΚΡΑΛΗΣ ΤΟΥΡΚΙΑΣ* т. е. Геобицъ (Гейза) вѣрный король Турціи. Корону латинскую, опредѣленную сперва для польскаго короля Мечислава, прислалъ папа Сильвестеръ II угорскому королю Стефану 1000 года, когда тотже принялъ имя и достоинство христіанскаго короля. Корону греческу подарилъ греческій Царь Михаилъ Дукасъ угорскому воеводѣ Гейзѣ 1075 г., который выправившись съ королемъ Шалонауномъ противъ Грекамъ, об-

ходился съ греческими плѣнниками весьма ласково и получилъ за то оный драгоцѣнный даръ. Гейза короновался имъ того же года, однакожъ не присвоивалъ себѣ имени короля. Якъ и когда были обѣ короны во едину совокуплены, о томъ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій.

Въ первыхъ вѣкахъ Угорскаго королевства соблюдало корону тую въ Столькомъ Бѣлоградѣ (Стульвайсенбургу), где и королей короновано; позднѣйше перенесено ю до Вышеграда, славной словянской крѣпости надъ Дунаемъ. По смерти Адриана, послѣднаго короля съ родины Арпадовъ 1301 г., позвала одна часть угорскихъ вельможей на королевскій престолъ чешскаго короля Вячеслава II, который, не принявши самъ короны, наклонилъ вельможей къ выбору своего 12 лѣтнаго сына Вячеслава, и тотъ коронованъ былъ 1301 г. въ Бѣлоградѣ. Понеже однакожъ противная сторона народа избрала Неаполитанца Карла Роберта за угорскаго короля: пернулъ Вячеславъ II съ сыномъ и оразъ съ короною до Праги, где оставала она до его смерти, с. е. до 1305 г. Сынъ его Вячеславъ III уступилъ право на угорскій престолъ Баварскому Оттону, и по уговору отдалъ ему корону св. Стефана и прочіи драгоцѣнности. Понеже однакожъ австрійскій воевода Рудольфъ былъ соперникомъ Оттона: то принужденъ былъ Отто ѣхать мимо австрійскіи предѣлы до Угоръ потайно, и при томъ случаѣ сокрыто корону въ деревянную скринку и привязано у сѣдла коня. Прибывши счастливо до села Фишаменту (пониже Вѣдны), замѣтилъ къ своему сожалѣнію Отто, что скринка съ короною где то въ дорогѣ потерялась. Сейчасъ выслалъ онъ за нею своихъ дворянъ, которыи нашли ю по односторонней прѣзднѣ въ болотахъ. Вскорѣ потомъ прибылъ Отто съ короною до Бѣлограда и тутъ короновано его сего же года съ величпнымъ торжествомъ. Г. 1307 выбрался Отто до Семиграда за свою невѣстою, дочерью тамошняго воеводы Доброгоста, а для безнечества взялъ съ собою и королевскую корону. Но Доброгостъ присоединился межн тѣмъ къ сторенѣ Карла Роберта, поймалъ и увязнилъ Оттона, и отобралъ ему корону, которую, однакожъ, понеже самъ надѣлся остати королемъ, не выдалъ Роберту, такъ что для коронованія сего послѣднаго въ 1308 г. нужно было сдѣлати новую корону. Послѣ продолжительныхъ договоровъ отдалъ наконецъ Доброгостъ корону св. Стефана, которую короновано потомъ Карла Роберта по другій разъ днѣ 27 Авг. 1310 г.

Съ той норы сохраняема была корона св. Стефана до 1440 г. въ Вышеградѣ. По смерти короля Альбрехта приказала вдова его Елисавета короновати нею въ Бѣлоградѣ 1440 г. рожденного по смерти отца, своего сына Владыслава Постума. По коронаціи отъѣхала она до Вышеграда и привезла сюда вмѣсто правдивой короны якуюсь поддѣлянию. Съ той причиною короновано потомъ польского короля Владыслава въ Бѣлоградѣ иною короною, именно тою, которою увѣнчана была голова похороненного въ Бѣлоградѣ короля св. Стефана. Межь тѣмъ увезла королева Елисавета корону до Вѣдны, где г. 1440 дня 24 Авгус. заставила ю за 2500 червонцевъ Царю Фридрику IV на два лѣта. Черезъ 24 лѣтъ имѣлъ Царь Фридрикъ корону въ своей власти, ажъ наконецъ отдалъ ю 1463 г. въ слѣдствіе заключенного мира послать угорского короля Матеемъ Корвина, которы отнесли ю сперва до Шопрону, потомъ до Будина, а 1464 короновано нею въ Бѣлоградѣ короля Матеея. Сей король приказалъ корону тую хранить въ Вышеградѣ, где оставала она подъ защитою двоухъ коронныхъ наблюдателей ажъ до несчастной битвы подъ Могачемъ 1526 г.

Въ то время были коронными наблюдателями I. Заполій и Петръ Переній. Въ войнѣ, котора вела была о угорскую корону межъ Фердинандомъ I. и I. Заполіемъ, попалась она въ руки послѣдняго, который нею вѣнчался. Но когда преуженный Заполій утѣхалъ въ Польшу, передалъ Переніи корону Фердинанду I, и получилъ оную по его коронаціи снова подъ свою охрану. Переній не сложилъ корону въ Вышеградѣ, но держалъ ю у себе; вскоре потомъ однакожь вторгнулъ турецкій султанъ Сулейманъ вооруженною силою въ Угорщину, и Переній бѣжалъ съ короною изъ своего города Шинклоша до Капошвару. На пути, подъ часъ иочлягу въ селѣ Кайдачѣ, началъ Перенія одинъ приверженецъ Заполія, именемъ Сереченъ, поймалъ и отдалъ его вразѣ съ короною начальнику Заполійцевъ, Бавюю а тотъ Сулейману. Сулейманъ отослалъ по нѣкакѣмъ времени корону поддьяному себѣ королю Заполію, по которого смерти отдала вдова его Исабелъ 1551 г. сію драгоценность Фердинанду I, а тотъ повезъ ю съ собою до Вѣдны. Съ наследникомъ его Рудольфомъ II: пришла корона та по другій разъ до Праги, где оставала ажъ до 1608 г. Царь Матеей взялъ ю потомъ съ собою на коронацію до Прессбурга, и приказалъ ю здѣсь хранить; но и тутъ не было для ней по-

коя. Въ году бо 1620 добылъ Гявр. Бегленъ Прессбургъ и возилъ ю съ собою чрезъ два лѣта то до Банской Быстрицы, то до Ечеди и наконецъ до Кошиць. Послѣ заключенного въ г. 1622 мира межъ Фердинандомъ II и Бегленомъ: принялъ отъ послѣдняго корону Варадинскій епископъ во имени Царя; потомъ отдано ю подъ охрану Перенію, который отвезъ ю сперва до Тренчича, потомъ до Шопрону, наконецъ же до Прессбурга. Во время чятежи Ракочія перевезено ю г. 1945 на короткое время до Рабу, потомъ до Вѣдны. Во время славного сойма 1697 г. пришла она назадъ до Угорщины, и по коронаціи Юсифа I. рѣшено соимовымъ указомъ: „дабы корона сія въ будущемъ всегда хранима была въ угорскомъ краѣ и то подъ защитою двоухъ наблюдателей.“ Въ позднѣйшемъ времени перенесено ю съ Прессбурга до Будина, который то городъ стался именно по смерти Юсифа II хранилищнымъ мѣстомъ короны св. Стефана.

Въ г. 1849, по розогнаніи малярскихъ возстанцевъ, взялъ начальникъ ихъ Кошутъ, королевскій драгоценности съ собою и когда, пришедши на волошко-турецкую границу, узналъ, что Турки на своей земли отбирають отъ бѣглецовъ малярскихъ все уносимое ими ерарное австр. имѣніе: то рѣшился онъ скрыти ихъ на угорской земли. Кошутъ ушелъ, и драгоценности пропали: по поиску за ними продолжались отъ того времени безпрерывно именно въ окрестностяхъ Старой Оршавы, где Кошутъ на нѣсколько дней передъ своимъ бѣгствомъ сдерживался. Дѣло тое поручено н. к. майору-аудитору Каргеру, который употреблялъ все время на то, дабы якъ наилучше познаться съ мѣстоположеніемъ старо-орнавскихъ окрестностей. На весну 1853 г. обратилъ онъ все свое вниманіе на одно усторонье въ поближн холма зовимаго Аліономъ, которое, будучи зарослое хашами, плющомъ и деревьями, казалось ему тѣмъ единымъ мѣстцемъ, где бѣглецы могли выгодно похищенный скарбъ укрыти. Онъ уважалъ, что коло деревъ лежали отрубленны вѣтви, что деревья обдерты были где куда изъ коры; къ тому найдено въ тѣхъ мѣстахъ хорошіи ключикъ отъ кишеноквыхъ часовъ и рукоятку отъ сокиры, съ чего заключилъ онъ, что тутъ рубалъ можетъ якій челоувѣкъ изъ высшего общества сокирою. При томъ положено мѣстце, сіе такъ, что множию къ нему легко достатися отъ турецко-сербской стороны Дунаекъ. Тѣмъ обстоятельства побудили майора Каргера предпріяти въ тѣхъ мѣстахъ точнѣйшіи поиски. Два

6 Сентября приказалъ оиъ розкопывать землю и у другого прикоша на дня 8 Сент. о 8 годнѣхъ ударила мотыга одного виробника о желѣзную раковъ, хранилище реченныхъ драгоценностей. Въ раковѣ лежалъ на верху плащъ св. Стефана, весь промоченный отъ влаги, но еще не истлѣвшій. Подъ плащемъ находились три шелковыя подушки, на которыхъ ношено знамена королевскимъ. У споду найдено два шелковыя чулка (пончохи), поясъ, черевички и бахрамы (френзы) промочены и истлѣвши; въ кутѣ на правомъ боку стояла скринка съ короною, совсѣмъ неизрушеною, подлѣ ней скипетръ тоже испскаженный, мечъ значительно заржавлѣный и державное яблоко немного очерствѣло.

Корону св. Стефана и прочія драгоценности привезено дня 19 Сент. до Вѣднѣя, где приготовлено было для пріятія ей особенное извѣстное горькоство. Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ, осмогривая ихъ въ присутствіи дворской свиты и многихъ достойниковъ, изрекъ при томъ случаѣ, что драгоценныя намятки тѣхъ отвезены будутъ на знакъ Его довѣрія къ преданности всего угорскаго края назадъ до Будина и тамъ предадутся подъ охрану Его п. Высочества, Краевого Начальника, Архикнязя Альбрехта. Въ слѣдствіе того изреченія отвезено ихъ дня 21 Сент. до Будина, который съ того времени стался снова хранилищнымъ мѣстомъ сихъ найдорожшихъ для всякаго угорскаго жителя достопамятностей.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Отъ 16 с. м. начался въ Львовскихъ школахъ зимовый курсъ научныхъ преподаваній. Наибольше учениковъ вписалось до академической гимназіи, межъ тѣми же значительно большее число Русинновъ, для которыхъ преподаваетъ „религіиуну Науку“ катехизъ г. М. Малиновскій. Въ VII и VIII классу двухъ здѣшнихъ гимназій преподаваетъ „русскій языкъ и литературу“ профессоръ Львовскаго всеучилища, г. Я. Головацкій, въ 6 низшихъ классахъ академической гимназіи обучаетъ въ русскомъ языкѣ г. Ю. Волошакъ а въ Доминиканской г. И. Гушалевиць, который преподаетъ во всѣхъ классахъ тойже гимназіи такожъ „религіиуну науку.“ „Науки въ недѣлю и свята“ читаетъ для Русинновъ въ 4. высшихъ классахъ академ. гимназіи г. Малиновскій въ 4 низшихъ г. Волошакъ, во всѣхъ же классахъ Доминиканской г. Гушалевиць.

— Директоратъ академической гимназіи, во Львовѣ издаетъ при концѣ каждаго школьнаго го-

да брошюрку подъ заглавіемъ „Програмъ ц. к. акад. гимназій“, въ которой помѣщаются бывають учеными статьи, составленныи ея профессорамъ и „школьными извѣстія.“ Въ минувшемъ году читали мы въ такомъ Програмѣ любопытную статью „Первобытная Исторія Словенъ“, написану въ нѣмецкомъ языкѣ І. Жуковскимъ; сего же года наслаждаемся основательнымъ изложеніемъ „Слова о Полку Игоревѣ.“ — Сочинитель оной статьи, проф. Я. Головацкій, вознамѣрилъ познакомиться ближе съ тѣмъ драгоценнымъ памятникомъ нашимъ ученыхъ Нѣмцевъ, и предложивши содержаніе его яко и многіи историческіи и языкословныи замѣчанія, рѣшилъ свою задачу съ наилучшимъ успѣхомъ. Изъ „Школьныхъ извѣстій“ узнали мы, что с. 1853 было въ той гимназіи 482 учениковъ, межъ тѣми 66 Исраелитянъ а 237 Русинновъ.

— Въ ц. книгохранилищѣ въ Петербургу нашлѣ межъ кипами, писанными на восточныхъ языкахъ, арабскій переводъ св. Евангелія, изданный въ Сиріи въ городѣ Алепо 1708 г. славнымъ козацкимъ Германомъ Иваномъ Мизепоч. Книга таа, подарована еще 1818 г. ц. библіотецѣ ученымъ К. Лазаревымъ, состоитъ съ 214 страницъ. Черезъ сіе долгое время не обращала она на себе ніякаго вниманія; ажъ теперъ выдобылъ ю тамошній библіотекаръ изъ пыли забвенія и указалъ всю ея высокую цѣну.

— Въ Москвѣ печатается второе изданіе изряднаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Опытъ общесравнительной грамматики російскаго языка.“

— Сими днями вышла въ Празѣ „Всеславянская сравнительная грамматика“ Челяковскаго. Предисловіе къ ней и жизнеописаніе в. п. Челяковскаго написалъ П. І. Шафарикъ.

— Нѣсколько чешскихъ ученыхъ обществъ, именно к. Общество наукъ и Чешскій Музей получили отъ Его П. г. министра дѣлъ внутреннихъ Колярево сочиненіе „Старо-Италія Славянска“ даромъ.

— Чешскій ученый, Іоаннъ Славомиръ Томичекъ составилъ „Граматику російскаго и старочешскаго языка.“

— Въ Празѣ вышло недавно сочиненіе Небескаго подъ заглавіемъ „Краледворская рукопись.“ Находится въ немъ весьма важныи замѣчанія о старинной словенской поэзіи.

— Извѣстный собиратель русскихъ и польскихъ народныхъ пѣсней, И. Жегота Паули составилъ „Сравнительную грамматику староболгарскаго, ширскаго, русскаго, польскаго, чешскаго и

сербско-лужицкого языка." Сіе сочиненіе печатается современно у Ф. Баумгартена въ Краковѣ въ 4 Частяхъ, съ которыхъ каждая стоять будетъ 1р. ср.

— Выдѣль, составившійся въ Буднѣ въ пѣдн воздвиженія памятника І. Голому, ознаменрмль издати „Полное жизнеописаніе" того отличнаго словяцкаго пѣвца.

— Сербская литература обогатится незадолго изданіемъ многоважнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія Сербіи написанная послѣднихъ деспотомъ (владѣтелемъ) сербскимъ, княземъ Юріемъ Бранковичемъ." Князь Бранковичъ писалъ ю во время изгнанія своего въ Хебъ въ Чехахъ, где и житіе свое закончилъ. Рукопись его находится современно въ Патріаршей бібліотекѣ въ Карловцахъ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Его Величество нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволилъ изъ любви къ своему младшему Брату Карлу Людвигу сонзволити, чтобы тотже первое выступленіе на полѣ государственныхъ трудовъ сдѣлалъ въ коронномъ краѣ Галичинѣ и тутъ подъ нашими небомъ, въ дѣлахъ нашего края, при обычаяхъ и свычаяхъ нашего народа приготавлился къ великимъ подвигамъ, якимъ по званію высокаго достоинства Царскаго Роду высшая судьба совершится Ему опредѣлила. — Радоватись можетъ и повелѣчатись передъ иными краями царской короны наша Галичина, что воля всемилостивѣйшаго Монарха усмотрѣла въ ней впечатлѣнія, которыя достойны суть, дабы вкоренились въ юношеское сердце; и отъ насъ то зависло, чтобы весна младенческаго вѣка въ высокостойномъ нашемъ Гостю унесла въ потонную память наши благодѣтели, нашу преданность, благодарность и довѣріе наше къ Особѣ Царя и вседостойной Его Родины; въ нашей есть силѣ, чтобы воспоминаніе о насъ въ позднѣйшихъ дѣтахъ сплынуло благословеніемъ на край и дѣти наши за то, понеже мы знали высокопочтита благоволеніе всемилостивѣйшаго Владѣтеля, который нашему краю и попеченію нашего Намѣстника повѣряеть найдорожшій скарбъ души — роднаго своего Брата!

— Отъ нѣсколькихъ дней присутствуетъ войсковымъ упражненіямъ на поляхъ подъ Голомуцонъ Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ. 24 с. м. надѣялись тамъ также прибытія Его В. російскаго Царя, который, якъ возвѣщаютъ нѣкоторые

дневники, поѣдетъ потомъ изъ Голомуца мимо Галичину до Одессы:

ВСЯЧИНА.

— Г. Пти, директоръ звѣздари въ Тулузѣ, утверждаетъ, что видный недавно комета доспѣлъ 8 с. м. своей присолнечной точки. Дня 5. с. я. былъ онъ 27 миліоновъ миль отъ земли отдаленный. Скорость его бѣгу была такъ велика, что отъ 25 Августа до 2 Септѣбря совершилъ онъ 12 миліоновъ миль. Современна скорость таа еще убольшилась. Англійскій астрономъ Гиндъ рассчиталъ, что ядро его есть почти столь же великое, якъ наша земля; широта его хвоста выноситъ 50,000 миль и тѣмъ дѣломъ равняется разстоянію мѣсяца отъ земли; долготу тогоже хвоста опредѣляютъ астрономы на 4 миліоны миль. — Изъ того урозужеть каждый, что сей комета не принадлежитъ къ числу наибольшихъ и что скоротечность его не есть еще наибольшая. Астрономъ Гиндъ утверждаетъ даже, что наша земля проходила, кажется, не разъ сквозъ долгій хвостъ яковаго комета и притягала къ себѣ его атмосферу безъ всякаго вреда для своихъ жителей, которыя иногда и не знали о томъ, что по надъ ними протѣкаетъ комета. — При томъ случаѣ извѣщаемъ, что еще въ мѣсяцѣ Маю с. года открыто сквозъ телескопы въ Портѣ Пагалъ великаго комета, о которомъ астрономы домышляютъ, что се будетъ тотъ саяъ комета, егоче явленіе предвѣщено на г. 1856. Есть то наибольшій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи; г. 1264 саялъ пламенный его хвостъ на небѣ выше надъ 100 градусомъ.

— Недавно обдаровалъ російскій Царь одного 11 лѣтнаго хлопчика, Ивана Фадеева 100 рублями за то, что оборонилъ своего молодшаго сопутника въ лѣсѣ отъ волка, котораго билъ кусторомъ по головѣ доголь, пока не забилъ на мѣстѣ.

— Работы при будованіи желѣзной колѣи съ Бохи и до Деибицы уже почти укомчены. Мосты на рѣцѣ Бѣлой и Дунайцѣ совсѣмъ готовы, а на Вислѣцѣ (вбудуются еще въ продолженіи сего мѣсяца.

— Якъ великое замилваніе имѣють Бельгійцы въ гульбѣ и пѣнію познати изъ того, что у нихъ существуетъ нынѣ 662 музыкальныхъ обществъ.

Извѣстія торговельныя.

— Въ первой половинѣ сего мѣсяца продавано на торгахъ въ Терно полѣ корецъ пшеницы по 5 р. 43 кр.; жита 4 р. 7 кр.; ячменя 3 р. 13 кр.; овса 2 р. 14 кр.; гречки 3 р. 53 кр.; кукурузы 3 р. 56 кр.; земляковъ 3 р. 16 кр. цетнаръ сѣна 52 кр.; возны 120 р.; настѣны коничныя 16 р. ср.

— Куръ съ грошей на биржѣ Вѣденской дна 27 Септ.
 Ажіо и червонцевъ 15%
 серебра 10%

(Слѣдуетъ Число 30. „Поучоній Церковныхъ" и „Возваніе къ предплатѣ на 3: четвертьгодіе.")

Изданіемъ и типою Института Ставропигіанскаго.

Отвѣчательный Редакторъ *Богданъ А Дядицкій.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листы, по пятъ годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. н. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверочною получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. н. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ПѢСНЬ РУССКОГО КОБЗАРЯ.

„Шумитъ вѣтеръ дубравами,
Листъ желтѣетъ на древахъ;
Я стою подъ воротами
Съ русской кобзою въ рукахъ.

У мене подъ серацемъ выюся
Пѣсни, думки прежнихъ лѣтъ,
И съ грудей якъ птички рвутся
На гулянье въ Божій свѣтъ.

И слѣдуя ихъ паренью
Иногда спѣваю я,
Такъ, по давнему ученью,
И якъ анесь поютъ друзья.

Но не добро мнѣ ведется
И всѣмъ братіямъ — пѣвцамъ;
Съ вѣтромъ голосъ нашъ несется
И счезаетъ по лугамъ.

Лихо время; лучше было
Бандуристамъ въ древній часъ,
Люди ихъ пріймали мило,
Марно не счезалъ ихъ гласъ.

Предки наши любовались
Въ сказкахъ, пѣсняхъ Кобзарей,
Тожъ охотно проходились
Кобзари по Руси всей.

А теперь — во время ново —
Хоть охота есть у насъ,
И поемъ про то и ово, —
Никто не слушаетъ насъ.

Слово русское не вѣдетъ
Салоновымъ воздухомъ,
Стара бесѣда не грѣдетъ
И не платитъ золотомъ!

Горька правда; но, ей Богу!
Горьчо напиши Кобзарямъ,
Крестъ дають имъ на дорогу,
И не вислюютъ ихъ словамъ.

Такъ не дивь, что молодцы
Лирваки упали съ силъ,
Перервали пѣснь другія,
Лиру не омишь разбилъ!

Бо якъ пѣти, якъ играти,
Коль слушателей все нѣтъ?
Якъ овощей намъ желати
Коль не дбаемъ и о цвѣтъ?

Намъ сіяетъ древня слава,
И подносятъ насъ къ тому
Царева рука ласкава —
Но мы предаемся сну!

Да не будетъ — страшно слово! —
Намъ погибель, слѣдство сна!
Пробудимъ же ся на ново,
Къ дѣламъ зветъ насъ Отчина!

Да будуетъ Домъ Народный
И русского Слова Храмъ,
А за трудъ нашъ многоплодный
Вѣчна слава будетъ намъ!”

Богданъ А. Д.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВСѢХЪ СЛОВЕНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

(Словенскіи народы: — Племена восточныи. — Племена западныи.)

Народы, которыхъ короткую Исторію Литературы вознамѣряемъ почт. Читателямъ нашимъ предложить, происходятъ, какъ и прочіи большіи народы Европы, отъ индійско-го племени и воселились межѣ морями Чернымъ, Балтійскимъ и Сѣвернымъ, по всему вѣроятію, въ VIII. или VII. столѣтіи передъ Рождествомъ Христовымъ. Первыи достовѣрныи свѣдѣнія однакожь имѣемъ о нихъ изъ середины VI. столѣтія. Около того времени перешла одна ихъ часть Дунай, поселилась по обомъ сторонамъ рѣки сей даже до адриатическаго моря. Съ того времени стали они извѣстны прочимъ европейскимъ народамъ подъ именемъ Венетовъ, Вендовъ, Славовъ, Славянъ, Словенъ, которыми то послѣднимъ именемъ они самы себе дома называли. Уже тогда раздѣлены были они на больше племенъ съ различными именами, которы отъ части измѣнились, отъ части же всецѣло сохранились донныи. По изслѣдованію историковъ и филологовъ словенскихъ говорили древніи Словене однимъ языкомъ, но въ послѣдствіи времени раздѣлился тотъ языкъ на больше нарѣчій. Народъ, говорившій однимъ изъ тѣхъ нарѣчій, имѣлъ свое особенное имя и составлялъ собою одно цѣлое. Со временъ введенія межъ Словенами Христовой Вѣры начинается почти у всѣхъ словенскихъ народовъ, преимущественно же у народовъ восточнаго племени, ихъ писменная словесность.

Смотря на различіе нарѣчій и ихъ словесностей, раздѣлити подобаетъ нынѣшніи словенскіи народы на народы восточнаго племени и племени западнаго.

Къ восточному племени принадлежатъ:

1. Мало-Русскій народъ или Русины;

2.) Велико-Русскій народъ или Россіяне;

3.) Сербы и Хорваты, къ которымъ причисляются Босняки, Черногорцы, Словенцы. Далматы и Словѣнцы или Венды;

4.) Болгарскій народъ.

Къ западному племени принадлежатъ:

1.) Чехи, Моравяне и Словяки;

2.) Поляки или Лехи;

3.) Лужицкіи Сербы.

Намѣряя говорить о Исторіи литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій, начнемъ отъ исторіи словесности старословенскаго или такъ зовимаго церковнаго языка, который нынѣ не живетъ уже во устахъ ніякаго словенскаго народа, а только употребляется въ церковныхъ обрядахъ восточныхъ Словенъ, который однакожь до нынѣшняго дня есть неизчерпаемымъ жереломъ найкраснѣйшихъ и найчистѣйшихъ словъ для всѣхъ его молодыхъ братій.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Старословенскій языкъ.)

Древніи Словене говорили однимъ языкомъ; съ того однакожь не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ однимъ всѣхъ Словенъ языкомъ былъ такъ зовимый старословенскій или церковный языкъ, который во время введенія Христіанства могъ быти уже только нарѣчіемъ коего либо словенскаго народа. Яко такое нарѣчіе уважають его нынѣшніи знаменитіи изслѣдователи и знатоки словенскихъ нарѣчій, имененно Калайдовичъ, Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ и Миклошичъ, которы того ради не называютъ его матерью, а только старшою сестрою

всѣхъ пинъшнихъ словенскихъ нарѣчій. Тѣ ученые мужи, хотя въ семь отношеніи согласны межъ собою: противорѣчатъ себѣ однакожь касательно вопроса: который словенскій народъ говорилъ тѣмъ церковнымъ языкомъ? Россійскій языкословъ Калайдовичъ приписывалъ его Словякамъ, разъ по согласію грамматическихъ видовъ, во вторыхъ, понеже Словяки принадлежали когда-то къ великому Моравскому Царству, где Кириллъ и Меѳодіи найдолше пребывали и учили. Добровскій называетъ его сербско-македонско-болгарскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ за Кирилла и Меѳодія Словенами въ Фессалоніи. отечество тѣхъ двоихъ словенскихъ апостоловъ. Копитаръ согласился сперва съ его мнѣніемъ, но потомъ нарекъ церковный языкъ нарѣчіемъ Словъницевъ или Вендовъ въ Каринтіи, где именно была діецезія Меѳодія. Шафарикъ склонялся сначала ко мнѣнію Копитара, но послѣ основательнѣйшихъ изслѣдовацій опредѣлилъ старословенскому языку отечество въ Болгаріи. Наконецъ Миклошичъ *) совокупляетъ мнѣнія трехъ послѣднихъ ученыхъ во едино, и утверждаетъ, что церковнымъ языкомъ говорили южныи Словене отъ Фессалоніи даже до Каринтіи, и тверженіе свое основываетъ на великомъ согласіи болгарского, сербско-хорватского и словѣнскаго нарѣчія со старословенскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

I.

Знаете ли вы Пирятинъ?

„Пирятинъ, при рѣцѣ Удаѣ, уздний городъ Полтавской Губерніи; въ немъ

*) Въ лекціяхъ „О лѣтописи и житіи Нестора“, преподаваемыхъ мнѣ въ Вѣденскомъ всеучилищѣ 1851 г.

5.700 жителей, 5. деревянныхъ церквей, 28 вѣтренихъ мельницъ и 4. ярмарки, на которыхъ пріѣзжаютъ купцы со всякимъ товаромъ изъ сосѣднихъ городовъ, а съ Дону привозятъ рыбу.” Такъ стоитъ въ которой-то школьной книжцѣ.

Но вы изъ того еще не узнали Пирятинъ. Передъ нѣсколько сотъ лѣтъ, Пирятинъ былъ красивый, сильный, богатый городъ въ украинской Гетманщинѣ. Широко и далеко роскидался онъ по скату горы надъ Удаемъ; часто сверкали кресты церквей межъ его темными, зелеными садами; шумны были его базары; на нихъ громко гремели вольныи бѣсѣды, бряцали сабли и пестрѣли козацкіи шапки и жупаны; польскіи купцы привозили туда тонкіи сукна и бархаты; Пѣжинскій Грекъ выхвалялъ свои восточныи товары: то сверкалъ на солнцу остріемъ кинжала, то оберталъ долгую ручницу, окованную серебромъ; межъ тѣмъ, на сторонѣ раздавалась скрипка, звенѣли цымбалы, а захожіи Запорожецъ выплясывалъ въ присяку, поднимая вокругъ облако пыли; порою, якъ пламя, вырѣзывалась изъ пыли червоная его куртка, порою выглядывало дьявольски-страшное лице, съ поднятыми къ верху усами, съ чернымъ чубомъ, въющимъ на бритой голивѣ, и опять все исчезало въ вихрь танца... Народъ шумѣлъ, плескалъ въ долони; громкій хохотъ далеко раздавался по базару... Было весело!...

И самъ Удай, говоритъ преданіе, былъ прежде ширшій, глубочайшій и многоводнѣйшій; на мѣстѣ трясавицъ и болотъ, на которыхъ теперь городскіи Паничи стрѣляютъ за куликами и водяными курочками, тогда шумѣли и бѣжали быстрыи волни; Удай, говорятъ, такъ былъ тогда широкій лѣтомъ, якъ теперь весною во время полноводья, — а во время полноводья красивъ старикъ Удай, онъ воскресаетъ разомъ съ

природою, молодится и кипитъ и хлещетъ волнами о берегъ, якъ розгульный козакъ!

Быль, которую вамъ розкажу, случилась въ Пирятинъ — не то двѣста, не то триста лѣтъ назадъ. Городъ былъ по правому берегу Удаю подъ горою; на гору тагнулись долгиныя рядомъ вѣтренныя мельницы и видѣлись два небольшія земляныя укрепления; тамъ день и ночь стояли сторожевыя козаки; въ серединѣ города, у самого берега рѣки, былъ замокъ — крѣпость, обведенная высокими валами; на валу стояли пушки, всегда готовы встрѣтити незваныхъ гостей; въ крѣпости хранились военныя снаряды и была церковь, въ которой лежалъ войсковой скарбъ и касса; во время набѣговъ сносили туда жители свои драгоценности.

На противоположномъ берегу Удаю, въ дубовомъ гаю, стоялъ бѣлый каменный домъ, построенный на польскій ладъ; домъ принадлежалъ Лубенскому Полковнику Ивану. Преданіе называетъ Полковника просто Иваномъ: и мы будемъ называть его Иваномъ. Не смотря на то, что Пирятинъ былъ старинный городъ, Полковникъ Иванъ дуже любилъ его, и часто, оставляя свои Лубны, проводилъ лѣто въ Пирятинскомъ загородномъ домѣ съ молоденькою дочерью Мариною.

Въ одну весну, Полковникъ пріѣхалъ въ Пирятинъ на печальный обрядъ, на похороны заикового протоіерея, Отца Якова. Все козаки любили почтенного покойного старика: не разъ являлся онъ среди нихъ съ крестомъ въ рукахъ на стѣны замка, и подъ стрѣлами Крымцовъ и куляни Поляковъ, словами въры ободрялъ воиновъ, перевязывалъ раненыхъ, исповѣдывалъ умирающихъ... Все плакали по Отцу Якову и просили Полковника назначити въ Пирятинъ священникомъ, на мѣсто покойного, сына его Алексѣя.

Сынъ Отца Якова учился въ Кіевѣ. Послали за нимъ гонца; и вотъ, пріѣхалъ въ Пирятинъ Алексѣй Поповичъ, красавецъ — юноша лѣтъ двадцати.

По его пріѣздѣ, случилось въ Пирятинѣ нѣчто достопамятное: красавецъ Алексѣй влюбился въ дочь Полковника Марину. И они любили другъ друга страстно, якъ люди, выросшія подъ строгою дисциплиною и готовы предатись всею полнотою души первому влеченію сердца... Они любили первую любовью, — и для того были счастливы, были достойны зависти другихъ.

Многія почтенныя люди при словѣ „любовь.“ дѣлаютъ удивительныя гримасы, будто розгрызутъ перецъ или услышатъ про чуму или холеру. Для насъ то непонятно. Ужъ не изъ зависти ли то, почтенныя люди? Зачѣмъ скрывать, унижать, стыдиться самого лучшаго, высокаго чувства? Хотѣли бы мы знати, что больше способно облагородити, побудити челоуѣка къ самымъ великодушнымъ, безкорыстнымъ подвигамъ, если не любовь? А многія ставятъ ю на ряду съ бѣлою горячкою; многія не посовѣстятся кричать въ обществѣ, что любятъ пудла, ручницу, коня, а никогда не признаются въ любви къ подобному себѣ челоуѣку другого пола!

Не наша ли испорченность тому причиною?

Нѣкоторые уважаютъ за преступленіе даже взглядъ, верженный на женщину, взглядъ, исполненный тихимъ благоговѣйнымъ чувствомъ удивленія надъ ея красотою!...

Что бы вы подумали о обществѣ, въ которомъ каждый боится посмотреть на кошонку или капелюхъ своего пріятеля, чтобы не сказали другин: стережитесь, онъ хочетъ украсти вашу кошонку, вашъ капелюхъ.

Время шло, а Поповичъ Алексѣй и не думалъ о посвященіи; мысли его были далеко отъ строгого сана: душа носилась въ чудномъ морѣ мечтаній любви; другой мысли, другому чувству не было мѣста; всюду она, волшебница, съ своими прелестными чарами, съ томительною тревогою и светлою надеждою... Иногда, бывало сидитъ Алексѣй въ саду подъ черешнею и читаетъ Цицерона: падармо воображеніе хочетъ перенестись въ многолюдное римское форумъ, где такъ грозно, такъ самонадеянно говорить великій витія. Кругомъ тепло, свѣжо, столько пріятности въ весенномъ воздухѣ: черешня тихо повѣваетъ бѣлыми пучками своихъ благоуханныхъ цвѣтовъ; тысячи пчелъ и другихъ насекомыхъ садятся, перелетаютъ, жужжатъ между цвѣтами; за садомъ плещутъ и ропшутъ тихія струи Удаи и рѣчный тростникъ нашептываетъ пріятную, успокоительную думу. Чудный отголосокъ великой музыки природы! Тихо хлопнула книга изъ рукъ молодого ученика, и на великолѣпное, громовое начало бесѣды Цицерона за XII. Таблицъ: „Хотя всѣ дрожать, я скажу, что чувствую!“ онъ едва слышно отвѣчалъ: „люблю!...“ и вслѣдъ за тѣмъ словомъ мечта его кипнула шумный Римъ и неслась къ Маринѣ. И вотъ она чудно-хорошая, явилась спокойною, опустивши долги рѣсницы; сладостное, невыразимое чувство благоговѣнія обвѣваетъ несмызлого юношу: цѣлый бы вѣкъ смотрѣлъ на ню...! Но вотъ, она усмѣхнулась, открыла очи — будто небо роздвинулось передъ Алексѣемъ... Якъ бы отъ солнца, изъ огненныхъ очей падали ему на сердце лучи жизни и состорга!... Чудное видѣніе! наразъ: оно открылось! что — то легонько тронуло по лицу Алексѣя... глядитъ: онъ весь осыпанъ цвѣтами; гвоздики, розы, незабудки катятся съ него на землю; старика Цицерона при-

крыла полная, червоная роза; въ сторонѣ слышенъ тихій смѣхъ; изъ за живоплота жартобливо глядитъ черноокая, чернокудрая головка молодой цыганочки, служанки Маринны; кланяется и исчезаетъ, звонко напѣвая известную пѣсню:

„Барвиночку зелененькій
Стелся низенько,
А ты милый, чернобровый,
Присунься близенько! . . .“

Почти каждого вечера, когда затихалъ шумъ въ окрестностяхъ Пирятина и свѣтлый мѣсяцъ, выходя на темно-синее небо, смотрѣлъ въ Удаю, тихо проплывала лодочка у самого берега передъ домомъ Полковника, и кто-то пѣлъ на ней пѣсни; голосъ пѣвца, томный, страстный, звучалъ, переливался, будилъ дальное эхо и исчезалъ постепенно, замирая въ отдаленіи.

„Не лихо постъ человекъ!“ скажетъ, бывало, Полковникъ, покуривая на крыльцѣ люльку.

„Такъ-себѣ!“ отвѣчаетъ Марина зарумянившись до ушей, а межъ тѣмъ, прислонясь къ разному столбу крыльца, жадно слушаетъ знакомыи звуки; слезы восторга сверкаютъ въ очахъ ея, и она завидуетъ мѣсяцу, который съ высоты можетъ глядѣти на пѣвца и ласкати его своими лучами. — „Чему я не звездочка.“ думала Марина; если падучая звездочка катилась въ то время по небу; — „я бы слетѣла къ нему съ высоты, горя и сверкая любовью; я бы рассыпалась передъ нимъ яркими искрами и осветила путь моему козаку неаглядному; его очи засвѣтились бы мовѣ огнемъ — и умерти было бы весело...“

„Розспѣвались Пирятницы въ нынѣшнюю весну; всѣхъ пѣсень не переслушаешь; пора спати!“ говоритъ бывало, Полковникъ.

Марина шла въ свою свѣтлицу; отворила окно. Въ отдаленіи едва слышно роз-

давались звуки пѣсни; съ послѣдними отголосками ей слышалась жаркая молитва бѣдной дѣвочки о Алексѣю; пѣсни умолкали, — но долго еще Марина лежала на козлахъ передъ образомъ Богоматери, украшеннымъ цвѣточными вѣнками, и молилась, и плакала, сама не зная зачѣмъ.

II.

Судячи по теперѣшнымъ образованнымъ, милымъ снисходительнымъ Полковникамъ, неможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о Полковнику малорусскомъ времени Гетманщины. Въ немъ сосредоточивалась власть военная и гражданская цѣлой области; онъ былъ и военачальникъ, и судья, и правитель; онъ безгранично, безответно распорядился въ своемъ полку. Правда, право жизни и смерти было закономъ предѣоставлено Гетману; но нерѣдко Полковники нарушали тое право и даже карали самовольно преступниковъ. Кто смѣлъ жаловаться на Полковниковъ? — Одѣты въ серебро и золото, украшенныи клейнодами, знаками своей власти, окруженныи многочисленною вооруженною свитою, съ азиатскою пышностію являлись они передъ народомъ — и города и села преклонялись, уважая ихъ воинныи доблести и трепеща передъ ихъ властію. Въ народѣ воинственномъ, полудикомъ, иначе и быти не могло. Суровость, важность и гордость украинскаго Полковника XVI вѣка были разумною необходимостію.

Пышныи, грозныи, суровыи были Полковники, но грознѣйшій и суровѣйшій изъ всѣхъ былъ Полковникъ Лубенскій Иванъ. Въ молодости, онъ славился между козаками упорствомъ и бѣшеною отвагою въ сраженіяхъ, что тогда почиталось наибольшою добродѣтелью и доставило ему потомъ полковничье достоинство. Покойную жену свою онъ любилъ, и таки дуже любилъ, но, счита-

тая неприличнымъ доброму козаку показывать какое — нибудь чувство, особливо къ женщинѣ, онъ обходился съ нею сурово, деспотически. „Баба — дрянъ!“ часто говорилъ Полковникъ: „ни силы, ни характера! Кобы были на свѣтъ однѣ бабы, давно бы ихъ всѣхъ перебили Татары. На что былъ Гетманъ Сагайдачный, добрая голова! а промѣнялъ жену за тютюнъ да люльку, — и еще сложилъ пѣсню:

Менѣ съ жenkою не водиться,
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорожѣ
Снадобится!..”

Въ Крымскомъ походѣ, Полковникъ Иванъ заболѣлъ на пропастилицу. Ему не сохотѣли ѣсти рыбу, для того, что пропастилица не любитъ рыбу. „Вотъ, хорошо!“ говорилъ Полковникъ: „еще жъ менѣ уважати на бабскіи капризы! Пропастилица баба, а я, благодаря Богу, козакъ.“ И три года жестокая пропастилица мучила полковника, и три года постоянно онъ ѣлъ рыбу и раки, говоря: „увидимъ, кто выиграетъ?“ Такъ и было: къ удивленію всего полка, на четвертый годъ пропастилица оставила упертого Полковника.

Не дивно, что покойная Полковница, не смотря на богатыи парчевыи одежи, собольи шубы и алыязныи ожерелья, которыи щедро дарилъ ю мужъ, все скучала, тосковала, сохла и въ молодости умерла, оставя маленькую дочь Марину.

Умирая, она горько плакала и просила мужа любить и лучше обходиться съ дочерью... „Ты никогда ни въ чемъ не врѣл менѣ,“ говорила она: „мою болѣзнь ты называлъ капризами, мои горячіи слезы водою, изъ которой ніякій Нѣмецъ не вываритъ ни капли горькаки... Ты смѣлся надъ моею слабостію, и — вотъ, я умираю, рано умираю, оставляю дочь сиротою, все

черезъ тебе. Да прости тебѣ Богъ; Ты дѣлалъ свое дѣло, ты былъ мой начальникъ по закону Божию; не твоя вина, что ты не понималъ мене. Не доведи жь до того дочери; будь ей отцемъ и матерью, слышишь, Иване?... Слаба женщина, часто одинъ взглядъ убиваетъ ю...“

Полковникъ былъ ростроганъ; уже очистительная слеза росклянія закрутилась было въ очахъ его; но вспомнувши, что онъ козакъ. Полковникъ пересилилъ себѣ, проглотилъ непрощенную гостью, вздохнулъ — и на похоронахъ жены напился до пьяна.

По смерти жены, Полковникъ сдѣлался еще сумнѣйшимъ; тайная задумчивость прилипла къ его характеру; онъ заливалъ внутреннее безпокойство виномъ и майже каждого дня къ вечеру бывалъ въ такомъ состояніи, какъ — будто сейчасть вернулся съ похороны покойной жены. По утрамъ онъ часто ласкалъ Марицу, но, подхвѣлившись, тотчасъ удалялъ ю, говоря: „Ступай себя, донько, въ свою свѣтлицу, у мене суть свои козацкіи дѣла: не пристало тебѣ ихъ слушать; ты такая, какъ твоя... царство ей небесное! Такъ ступай; не бойся, не росилачусь!...“

Полковникъ посылалъ за кобзаремъ и пилъ, и слушалъ его пѣсни, и кидалъ ему дробными гроши; если пѣсня подобалась, то щелкалъ его пальцемъ по лбу, проговаривая: „врешь, сиромаша! не такъ! ты пьянъ и не выспался!...“

А иногда онъ потѣшался съ Герцикомъ.

Герцикъ былъ у Полковника что — то въ родѣ дурачка и пріятеля; его жизнеописание немногосложно. Когда — то козаки розграбили и спалили одно польское мѣстечко. Что могло горѣти — сгорѣло, что могло убѣжати — разбѣжалось. Полковникъ Иванъ роскурилъ головнею изъ пожара свою люльку, сѣлъ на бочку и началъ судити

пльничковъ. Привели хлопчика лѣтъ шестнадцати, съ быстрыми сѣрыми очима и коротко — подстриженною головою.

„Ты жидъ?“ спросилъ Полковникъ.

„Нѣтъ, я Нѣмецъ,“ отвѣчалъ хлопецъ.

„Врешь! ты говоришь какъ жидъ, смотришь какъ жидъ; а голову подстригъ, чтобы обманути мене. Хлопцы! испыгивати его, пока не признается, что онъ жидъ — да и повѣсити.“

„Ей Богу я Нѣмецъ, завъзжій Нѣмецъ; я не воевалъ съ вами, я люблю васъ.“

„Спаси — Богъ за любовь. Такъ повѣсьте его не допрашивая.“

Хлопецъ упалъ до ногъ Полковнику, умолялъ о пощаду, обѣщалъ служить ему вѣрно до гроба и объявилъ, что онъ знаетъ всякіи науки, даже дѣлаетъ часы.

„Посмотримъ,“ сказалъ Полковникъ, вынимая изъ кишени часы въ видѣ великаго яйца: „вотъ та штука третого дня стала — и ни съ мѣстца; я и встряхивалъ ю, и дулъ въ середину — ничего не помагаетъ, а штука дорогая, ваша, нѣмецкая. Коли поправишь сейчасть — жити тебѣ въ свѣтъ, а неоправишь — не сердись... Начни!“

Хлопецъ, дрожа отъ страха, присѣлъ на землю и со страхомъ отворилъ часы. Но чѣмъ больше розсматривалъ, тѣмъ ставался спокойнѣйшимъ. Полковникъ не успѣлъ осудити десятка пльничныхъ, уже Нѣмецъ, усмѣхаясь, подалъ ему часы.

„Хорошо,“ сказалъ Полковникъ съ удовольствіемъ прислушиваясь звонкому ходу маятника: „хорошо, а какъ зовутъ тебе?“

— „Герцикъ.“

„Хлопцы! дайте Герцику кафтанъ и шапку; онъ поѣдетъ съ нами.“

Съ тѣхъ поръ Герцикъ остался при особѣ Полковника, увеселялъ его различными штуками, дѣлалъ транспаренты, огнем-

ны колеса, особенно же — строгие удивительные часы. Во всем Лубенском полку была известна такъ званая ходячая картина: на картинѣ той былъ изображенный млынь, истый вѣтренный млынь, въ якихъ Христіане мелютъ муку; только та не молодая мука, а перемелывала старухъ бабъ на молодыхъ. Истинно!... День и ночь шевелились на томъ млынь папъровыи крыла и въ одну дверь входили старухи — престарухи бабы; скверныи, прескверныи. — будто лѣкарство отъ трясавицы; а въ другу выходили изъ млына молодыи молодички и дѣвочки свѣжіи, красненькіи, чевнобровыи, полногрудыи, съ такими ямочками на щекахъ, что поцѣловати хочется... Якъ жаль, что теперъ перемерли уже люди, видѣвши тую ходящую картину Герцика: они бы рассказали про ню лучше насъ.

И еще былъ у Полковника Ивана вѣрный слуга Гадюка; вѣчно безъ шапки, босый, нечесаный, съ невымытыми руками, съ нечеловѣчьими ногтями на рукахъ. На войнѣ онъ всегда былъ за Полковникомъ съ огромною палкою на плечу и съ флашкою въ рукахъ; въ мирное время спалъ, якъ медвѣдь лѣтомъ, свернувшись въ клубокъ на полу, у порога полковничьей спальни, и готовилъ полковнику обѣдъ.

Про силу Гадюки до сихъ поръ ходятъ преданія межъ простолюдинами въ Пирятинѣ. Одинъ только Гадюка могъ безкарно говорить Полковнику горькіи истины, противурѣчалъ ему и даже сварилъ, якъ на ровного. Иногда Полковникъ напоминалъ Гадюцѣ, что онъ слуга и привелъ его къ молчалию. Гадюка склонилъ голову, сверкнулъ изъ подлобья очима и замолчалъ; но ночью пошелъ до млына, снялъ огромный жерновый камень; принесъ его и завалилъ имъ двери полковничьей спальни. Рано Полковникъ хо-

тѣлъ выйдти — не можно, не пускаетъ камень.

„То твои штуки?“ спросилъ изъ — за дверей Полковникъ.

— „Мои.“ хладнокровно отвѣчалъ Гадюка.

„Отвали камень.“

— „Ты панъ, старшій, сильнѣйшій отъ мене: тебѣ то легче сдѣлати.“ —

„Да я не могу.“

— „А ииъ не хочется.“ — И сказавши тое, Гадюка вышелъ изъ комнаты. Позвали десять козаковъ, и на силу они отодвинули отъ дверей камень. Полковникъ вышелъ, посмотрѣлъ на камень, покачалъ головою, засмѣялся и возвавши Гадюку, далъ ему великій стаканъ горьлки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОЧЬ ЗИМОВАЯ.

(Два образки.)

I.

Ночь была дика, зимовая. По улицамъ бушевалъ полнотный вѣтеръ, и никто изъ горожанъ не проходилъ ииизи; только сюда туда проѣзжали Панскіи повозы, глухо гуркотая по замерзлomu бруку. Молодой, богатый, веселый графъ Станиславъ давалъ подъ тотъ же часъ велѣбный балъ, ииръ найоказальшій той зимы; великій свѣтъ столицы былъ къ нему спрошенъ. Дворецъ перемѣнился въ чародѣйное сѣдлице духовъ. Яркіи свѣтила, порозвѣшаныи густыми рядами по комнатамъ, блестяи якъ великіи перлы, разливая огненнымъ струи по пространному подиорью и сосѣднимъ улицамъ, а пламя походней и несчисленныхъ лампадъ розсылало теплоту въ окрестность дворца на перекоръ проницательной ступи. Для наблюданія порядка порозставляно сторожей и придворныхъ слугъ, такъ чтобы врывающіися со всѣхъ сторонъ тол-

пы любопытливыхъ людей низшаго сословія, привлеченныхъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, не задерживали съѣзжающихся всюду гостей.

Хотя внѣшняя часть дворца графа Станислава блескомъ своимъ плѣняла зрѣтелей; но внутреннее его украшеніе превышало все, что доселѣ кто видѣлъ. Пространными, богато приобзавденными комнаты смѣнились въ цвѣтушіи огороды Италіи. Бальзамическое благоуханіе густо порозставляемыхъ деревьевъ помаранцовыхъ и заграничныхъ цвѣтовъ разливалось по простору комнатъ, сіяющихъ отъ золота и серебра ослѣпительнымъ блескомъ такъ, что счастливымъ высокородженнымъ зрѣтелямъ казалось, яко бы они перенесены были мимовольно подъ чудовное небо Италіи въ край роскоши и изнѣженія. Графъ Станиславъ былъ первый, который съ надъвычайными издержками завелъ столько улюбленнымъ теперь зимовымъ огородамъ.

Мимо теплоты, огрѣвающей прозябшее тѣло, не было видно въ комнатахъ ни одной печи, бо за помощію искусныхъ руръ и трубокъ, прикрытыхъ драгоценными покрывалами, огрѣвался воздухъ во внутри дворца и наполнялъ его пріятною лѣтнею теплотою. Кромѣ того графъ Станиславъ, неисчерпанный въ помыслахъ, прилагодилъ все такъ хорошо, что въ комнатахъ, сѣняхъ и галереяхъ его дворца можно было совершати стомилевое путешествіе въ полгодинной прогулкѣ. Въ передномъ покоѣ цвѣли и воцѣли цвѣты южныхъ сторонъ Франціи, дальше плѣняли око пучки и нестрые чашечки цвѣтовъ Испаніи, по различнымъ мѣстамъ блестяли испанскіи яблока въ тѣни темно-зеленого листья. Въ иной комнатѣ представлены были Альпы; деревья и кусты, растущіи только по высокимъ горамъ, стояли въ нѣякомъ отъ себе отдаленіи, потомъ явля-

лись чѣмъ разъ рѣдше, наконецъ украсилась полумертвая природа тамъ и сямъ одинокимъ альпейскомъ цвѣточкомъ. Дальше представлялся видъ чѣмъ разъ мильшій оку, просторъ все розширялся, въ отдаленіи блескотѣло море синимъ своимъ зеркаломъ, а изъумленный путешественникъ узрѣлъ себе въ салѣ, представляющей чудесную Италію, край помаранчъ и Мадонны, край солодкой лѣности и мягонькихъ тоновъ Беллунія. Боковыми галереями можно было достатись до поважной тишины монашескаго житія Испаніи, где звуки гитаръ раздавались мени развалинами Альгамбры. Наконецъ открылись любопытному оку край Востока, съ пальмовыми деревьями и минаретами, съ благоуханьемъ розъ и чародѣйныхъ цвѣтовъ. Съ помощію множества искусно перемѣняющихся образовъ и картинъ продолжался сей упоительный видъ безконечно. Очаровательное впечатлѣніе подносило еще содѣйствіемъ укрытой оркестры, которая играла соотвѣтными всякой краинѣ мелодіи.

Не меньше занимательный видъ, якъ краснописно украшенны комнаты, представляли запрошенны на пирь достойны гости, а именно женщины. Пайкрасшіи цвѣты столицы являлись на подобіе красавицъ Русалокъ, пріодѣтыхъ по найновѣйшей Парижской модѣ, едва дотыкаясь атласовыми черевичками воскованного полу. Мужчины богато убраны бѣгали отъ красавицы къ красавицѣ съ поклонами и солодкими словами якъ зачарованныи фигурки.

Молодой графъ Станиславъ, взорецъ красоты и салонного уложенія, пріодѣлся въ якійсь уборъ народовой, сіяющій дорогими камнями и золотомъ. Съ найнившюю привѣтливостію и сладкорѣчіемъ принималъ онъ каждого новаго гостя и сыпалъ именно дамамъ столь много ласкательныхъ словъ, сколько лишь могъ вынайти ихъ въ сало-

новомъ языкѣ.

Не только памяталъ онъ о томъ, дабы убавити око и ухо спрошеныхъ гостей, но не забылъ и о ихъ желудку. Множество бюфетовъ въ искусныхъ пещерахъ, умаемыхъ альтанахъ, манило пришельцевъ наилучшими яствіями, виномъ южныхъ краевъ, такъ что и правдивыи знатоки не знали уже ничего ни отнять ни додати, и удивляли только щедрость и разумъ господаря.

Веселіе и жизнь розгульная владѣли въ домнатахъ графа Станислава. Всяда радость, забавы и жарты; только за саями краины Востока вселилось изумленное пристрастіе. Тутъ укрытый отъ салонного свѣта и окруженный только лучшими игроками, графъ Владиславъ держалъ банкъ. Тутъ выигрывано и проигрывано тысяща. Банкъ и игроки обходились тутъ съ золотомъ якъ съ водою, а если одинъ или другій проигралъ нѣсколько сотъ люйдоровъ, то верталъ до головного салона съ выразомъ притворного хладнокровія.

Ночь зимовая становилась чѣмъ разъ грознѣйшею, студень дошла до высокой степени, звѣзды сверкали и блестяли еще яснѣйше на безконечномъ небесъ сводѣ. Любопытный народъ разбѣжался наконецъ изъ передъ дворца и сторожи отступили.

(Кон. слѣд.)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Изъ Вѣд. „Вѣстника“ съ дня 28. Септ. дождуется, что Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволилъ подтвердить предложеніе министерства наукъ и богослуженія касательно поставленія постоянныхъ дѣйствительныхъ русскихъ катихитовъ при тѣхъ галицкихъ училищахъ, въ которыхъ они до нынѣ только провизорично поставлены были. Тѣ же русскіи катихиты, именованіе которыхъ въ короткомъ времени послѣдуетъ, будутъ поставлены на ровнѣ съ катихитами латинского обряда.

Министерство просвѣщенія именовало суплента при гимназіи въ Тернополь г. Ф. Погорельцова дѣйствительнымъ учителемъ при тойже гимназіи.

— Г. Авансіевъ, членъ статистическаго Кіевского общества, составляетъ современно „Малорусскій словарь“, въ которомъ находится будутъ почти исключительно слова, черпаныя съ живыхъ устъ народа.

— Въ Вѣденскомъ всеучилищѣ будутъ преподаватись въ теченіи зимоваго курса 1854 школьнаго года слѣдующіи словенскіи предметы: „Грамматика старословенская, о новѣйшихъ памятникахъ словенской литературы и о. Любиса Нестора“ проф. Миклосичемъ; „Грамматика польскаго языка“ г. Кавецкимъ; „Языкъ російскій“ г. Залескимъ; „Языкъ чешскій, и Слогъ и литература чешска“ г. Шеяберою, наконецъ „Стенографія въ чешскомъ языкѣ“ г. Гегеромъ.

— Въ Пеннлянскомъ всеучилищѣ преподавати будетъ въ семъ году г. Ференчъ „Литературу словенскую.“

— Дня 14 Сент. обходилъ славный путешественникъ и писатель Александръ Гумбольдъ 85ую памятку своего рожденія въ добромъ здоровьи. Нѣкоторые остроумныи люди сровнивають его съ маршаломъ Радецкимъ: яко бо Радецкій есть старый и крѣпкій богатырь на полѣ войнѣ, такъ есть А. Гумбольдъ великій богатырь на полѣ наукъ.

— Въ Брунсвику воздвигнено вселѣпный памятникъ во честь славнаго нѣмецкаго писателя Г. Е. Лессинга, или лучше Лесика, происходившаго изъ словенской родины Лужицкихъ Сербовъ.

— На памятникъ, иныюишійся воздвигнути во честь нѣмецкаго философа Канта въ Королевцѣ, собрано доселѣ 2000 таларовъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

— По найновѣйшимъ техническимъ изслѣдованіямъ стоитъ сила теплоты дровъ розличнаго рода въ слѣдующемъ соотношеніи: 100 фунтовъ еловаго дерева производить такуюже теплоту, яку справляеть 58 фунтовъ дубоваго, 59 грабоваго 63½ явороваго, 66 березоваго, 70 буковаго, 89 сосноваго, 91 вербоваго, 92 тополевого а 107 липоваго. Такимъ дѣломъ есть липовое дерево что до производной теплоты найгорѣе; къ тому удостовѣрились техники, что березовое дерево лучше есть на онагъ якъ буковое.

— Гнилый славъ (плмъ) у пчелъ. Общество ниже-австрійскихъ пчеловодчиковъ, сошедшихъ передъ нѣсколькими мѣсяцами ради совѣщаній, установилось съ особливѣйшимъ уваженіемъ надъ хворобою пчелъ. За найвредливѣйшую немощь узнано одногласно такъ званый гнилый славъ. Она показуется тѣмъ способомъ, что хворыя пчелы урюкуютъ изъ себе въ большей мѣрѣ какойсь темно-красной, даже смородиновый плмъ, который увидѣти можно у очка и на досчицахъ у споду во внутрѣ улей. Противъ той немощи не нашли пчеловодчики доселѣ ніякого средства: понеже однакожь она заразлива, такъ что въ короткомъ времени и наибольшу пастку погубити можетъ: для того совѣтуется, дабы, какъ только знаки оной немощи въ которомъ ульѣ покажутся, таковой сейжечасъ изъ пастки отдалити и уничтожити. — При той способности говорено такоже о такъ званомъ свичайномъ славѣ. Причиною сей немощи бываеъ яглое охладѣніе улей, особливо когда на весѣ послѣ теплой погоды случитсѣ ночью холодная слога. Въ соломяныхъ ульяхъ показуется она рѣдше, понеже тѣ суть теплѣйши, какъ деревянные. Хвороба тая не есть заразлива: средства противъ ней поданы слѣдующія: спроваженіе теплѣйшаго воздуха, стараніе чищенію улей, особливо же кормленіе пчелъ добрымъ старымъ медомъ.

— Обкладаніе овощныхъ деревъ цеглою. Опытныя садовники замѣчали отъ давна, что овощныя дерева, обложенныя у кореня цеглами, растутъ далеко сильнѣйше и роскошнѣйше, какъ не обложены; происходитъ се отъ того, что цегла не вытягиваетъ изъ земли поживныхъ соковъ, которыми обыкновенно тучатся сосѣдныя былинныя и растѣнія, и такимъ дѣломъ тѣми соками нападается единственно овощное дерево. Къ тому прикрытіе земли цеглою препятствуетъ испаренію земли и вредному дѣйствію солнца.

— Новооткрытая американская швальня (машинна до шитья) находится теперь уже и въ Вѣднѣ. Машинна та, составлена весьма остроумно и съ великимъ знаніемъ швальнаго искусства, можетъ употребляться къ шитью всякихъ веществъ. Работа на ней идетъ дуже скоро и всюю машинною можетъ управляти даже дитя съ великою легкостію. По численіямъ выробляетъ она въ десять разъ больше, какъ одна швачка въ продолженіи того самого времени и выгодна есть особливо для шитья веществъ въ большемъ количествѣ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Львовъ. Для 3. с. м. о 8. годнѣ совершалъ ВЧ. Крылошанинъ М. Куземскій Божественную литургію въ Церквѣ Успенской, которой присутствовали ученики училища образцоваго (Musterschule) со своими Учителями при началѣ года школьнаго 1854, съ которымъ помянутое училище приходитъ подъ управленіе Всечестивѣйшой и Всевѣтлѣйшой Митрополитальной греческо-каволической Консисторіи. Пѣніе было обыкновенное наше церковное, но гармонійно произнесенное учениками Института Станропигійскаго: оно было такъ прекрасно, что не могло не тронуть глубоко сердце присутствующей молодежи, дабы благодарити Богу и Его Имп. пар. Апостольскому Величеству Францъ Іосифу I, и дабы молити Духа св. Просвѣтителя и Утѣшителя, чтобы съ Его помощію совѣстно успѣвати въ науцѣ для блага Отечества по желанію Его Величества, Императора и Царя нашего, которому да дастъ Господь Богъ многа лѣта!

— Для 4. с. м., въ день тезоименія Его Величества, священнодѣйствовала Преосв. Епископъ Іоаннъ Бохеньскій съ крылосомъ митрополитанскимъ, торжественную литургію, которой присутствовали Его Прев. Г. Намѣстникъ нашъ красивый съ чиновниками мірскими, воинство, и питомцы здѣшняго русскаго сѣженища. Въ концѣ литургіи пѣвскы были имъ амвросіянскія: Тебе Бога хвалимъ и многодѣтствіе Его Величеству, милостивѣйшему Монарху. Такоже для учениковъ первой, русскаго гимназіи отбылась св. литургія въ костелѣ Бергарднскомъ за многодѣтствіе Монарха.

— Его Величество, російскій Царь пребывалъ отъ дня 24 до 28 м. м. въ Голомуцу, где отбывались великія войсковыя маневры. Кромѣ Великихъ Князей царевича Александра и его сына Николая, были съ Нимъ въ Голомуцу такоже князь маршалъ Паскевичъ, генералы Орловъ, Философовъ, Чечевичъ, Лъвенъ, Гриввальдъ, полковники Ясимовичъ, Паткуль и Адлербергъ, державный канцлеръ Нессельроде, посолъ при австр. дворѣ Маендорфъ, тайныя совѣтники Кудрявскій и Сакентъ, и державный совѣтникъ Енохинъ. Для 28 о 10 годнѣ вечеръ поѣхалъ Его В. Царь російскій со своею свитою мимо Шакову до Варшавы.

— По телеграфической вѣсти проѣзжалъ Его Величество, нашъ Монархъ въ путешествіи своемъ до Варшавы для 3 с. м. о 10 годнѣ передъ полуднемъ мимо Шакову въ сопровоженіи Его в. Архикнязя Короля Лювика и Его В. Короля Пруссъ,

съ которыми съѣхалъ былъ Его Величество въ Козлю.

— Дня 26 ж. м. играло въ Голомуцу на-разъ 32 пишемъ: тридцать три войсковыхъ гудебныхъ бандъ: съ того можно заключити, въ какомъ великанскомъ розмѣрѣ отбывались тамъ войсковыя парады.

— Нѣкоторые временописи возвѣщаютъ „съ достовѣрныхъ жерель,” что свадьба Его Величества, нашего Монарха опредѣлена на 24 Авг. 1854.

— Касательно открытія короны св. Стефана сообщаемъ еще нѣкоторые извѣстія: Еще въ Сентябрь 1849 г. донесено в. правительству съ Видина, что коронныя знамена закопаны были въ Оршавской окрестности мадарскій бѣглець Семере. Въ слѣдствіе того распочались тамъ поиски, которыя потомъ прервано Особлившій случай понудилъ однакожь къ предпріятію новыхъ изслѣдствій: когда бо весной с. г. на долинѣ коло холма Аліону близъ Оршавы стала великая вода, поставивъ Кошутъ, узнавшій о томъ заводненіи за границую, искали способу, какъ бы знамена тѣмъ въ свои руки достати. Къ той цѣли подкуплено было нѣсколько особъ, которыя имѣли ихъ ночью выкопати и отдати потомъ Кошуту. О тѣхъ замыслахъ узнавъ заблаговременно ц. к. полмаршалъ Кемпенъ, и сейчасть поручилъ майору Каргеру обновити въ окрестностяхъ Оршавы точнѣйшія поиски. Окрестность тую обставлено доброю стражею— и ото, поймано разъ одного 19 лѣтняго жидка, укрытого въ тамошнихъ мочарахъ, который имѣлъ исполнити волю Кошута. Съ другой стороны изъявилъ бѣглець Семере въ Парижѣ, узнавшій о замыслахъ Кошута, что „лучше хочетъ передать закопанныя драгоцѣнности правительству, какъ соизволитъ, дабы они попались въ руки сбаблого Кошута, который привелъ народъ на пропастъ пагубы.” Дня 28 Авг. с. г. прислано подм.

Кемпену съ Парижа письменное донесеніе, составленное по указаніямъ самого же Семере. Съ помощію тѣхъ указаній приступилъ майоръ Каргеръ къ близшимъ изслѣдованіямъ и приказалъ дня 7 Сент. раскопывати землю близъ холма Аліону. На другій день о 8 часовъ рано ударили мотыки двохъ копающихъ граничаровъ о желѣзную рековъ, въ которой открыто коронныя драгоцѣнности.

— Въ городѣ Кенигсбергу, где Кантъ съ нѣмецкимъ хладнокровіемъ писалъ свою „Критику чистого разума,” застрѣлился сими днями одинъ 60 лѣтній старикъ съ поводу, что нѣка молодая дѣвочка неприняла любовныхъ его аффектовъ!

— Въ Бельгійскомъ городку Пинкеръ живеть женщина, котора отъ Мая 1818 года ничего не ѣсть, а отъ Марта 1822 не пьетъ ничего. Еще въ г. 1826 съѣхала была туда комиссія, состоящая съ лѣкарей, котора пребывая тамъ 4 недѣль, подтвердила подъ клятвою, что въ продолженіи того времени женщина сія не имѣла въ устахъ ни кусника яствій цѣ капли якого напитка. Дня 20 ж. м. обходила она 66 годовицину своего житія. Лѣкари и природопытатели заходятъ въ голову, какъ можно такъ долго жити безъ корма и напитка.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдильской дня 1 Окт.
 Ажю ц. червоиць 14 1/2
 „ серебра 10

Исправленіе.

Въ предыдущемъ числѣ нашей Временописи случилась на стр. 34 въ 7 строч. съ доду 1. передѣлки описка; также должно быти; Г. Гушалевиць преподаеть „религійную науку“ для Русиновъ въ 2 высшихъ классахъ Доминиканской гимназіи а въ 6 низшихъ г. Ю Сембратовиць.

(Слѣдуетъ Число 31. „Поученій Церковныхъ“)

Съ нынѣшнимъ числомъ начинается теченіе третьяго четвертьгодія „Зори Галицкой.” Тѣхъ почт. Читателей нашихъ, которыя на сіе четвертьгодіе еще не предплатили, просимъ о скорое надосланіе предплаты; Всѣхъ же Прочихъ, которыя недостаютъ или не доставати будутъ якии числа нашей временописи, просимъ упоминались у насъ о тѣмъ незапечѣтаннымъ и не frankованнымъ листомъ. При томъ за-вѣщаемъ, что можно еще немного экземплярей нашей временописи отъ 1 до нынѣшняго числа по обыкновенной цѣнѣ получить.

Изданіемъ и типою | Института | Ставропольскаго.

Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Андрицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среду два листа, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛОВЕНСКОЕ ПЛЕМЯ.

(изъ чешской Читанки.)

Поздно ли па роспѣваетъ,
Но полезный пѣтъ несетъ,
Человѣкъ съ него собираетъ
Лѣвки, пчелка сладкій медъ.

Такъ Словенъ прекрасно племя
Поздно выдаваетъ пѣтъ;
Но съ него — въ будущее время —
Много скорыстаетъ свѣтъ!

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

I.

(по Рикерту.)

Днесъ болышесть голосовъ всѣ споры разрѣшаетъ,
Но скорше меньшести рѣшати подобаетъ;
Бо выше цѣниль мы суль мудрыхъ якъ глупцовъ,
А меньше есть всегда на свѣтѣ мудрецовъ.

II.

(по В. Бесте.)

Хочете большинствомъ о идеяхъ рѣшати? — но знайте:
Большинствомъ голосовъ вбитый Спаситель на крестъ!

ДВА ДИСТИХА

по Коляру.

I.

Дѣъ суть межъ нами спорящія стороны; но усмирися:
Мы бо о дерево все дбаемъ, вы только о листь.

II.

Не говори: „чемъ пишете нахъ такъ высокииъ азыкомъ?“
Лучше скажи: „чему я знаю такъ мало азыкъ?“

Богданъ А. Д.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Письмена Старословенскія. — Кирилль и Месодій. — Глаголитва. —)

Нѣтъ сомнѣнія, что Словене еще передъ Кирилломъ знали читати и писати. Найдено древнѣйшее свидѣтельство о письменахъ словенскихъ принадлежитъ Чехамъ и находится въ отрывку изъ поемы: „Судъ Любуши.“ которой содержаніе относится къ началу VIII. вѣка, а рукопись къ концу IXго. Тутъ говорится о доскахъ правдодатныхъ, на которыхъ начертаны были законы. Дитмаръ Мерзебургскій, писавшій въ XI вѣцѣ, свидѣтельствуеть, что на кумирахъ Словенъ языческихъ были вырзаны имена боговъ. Болгарскій черноризецъ Храбръ, котораго Шафарикъ относитъ къ XI вѣку, говоритъ, что Словене, будучи еще поганамъ, не имѣли книгъ т. е. письменъ, но читали и гадали чертами и рзани (рѣзьбамъ); потомъ же перешли къ письменамъ греческимъ и римскимъ. Въ 1836 г. найдены были въ карпатскихъ горахъ неизвѣстными надписи: ученые полагають, что суть то письмена старо-словенскія, для того, что Карпаты,

— По новѣйшимъ извѣстіямъ, выбухла холера такожъ въ Сокаль и Пархачу.

— Въ Пештѣ отбудется назадолго любопытная проба съ новою машиною, такъ званною „всегда — движущеюся“ (perpetuum mobile). Машина та введена будетъ въ движеніе самою только динамическою силою, котора. безъ содѣйствія пары или якого нибудь иного вспомогательнаго средства, двигати будетъ всю машинку вразъ съ соотвѣтнымъ ей бременемъ по тому направленію, якое первобытно надасть ей человѣческая рука. Изобрѣтателемъ той машинки, надъ еяже изготовленіемъ многіи механики голову себѣ ломали, есть вѣжій столяръ изъ Сегедана. именемъ Карль Богачъ. Если проба удастся и машина окажется не самымъ пустымъ теоретическимъ мечтаніемъ, но дѣйствительнымъ орудіемъ въ практикѣ: тогда прочь всѣ паровыя машинны — тогда будемъ ѣздить, плавать, молотить и всю тяжкую работу исполнять съ пошощію самой всегда — движимой динамической силы!

— Межи кождыми 10,000 жителями австрійской Державы есть 7,039 римскихъ и ормянскихъ католиковъ, 987 греческихъ католиковъ (соединенныхъ), 844 православныхъ (греческаго вѣроисповѣданія). 577 еванг. гельветскаго а 343 авгсбургскаго вѣроисповѣданія, 14 унитаровъ, 195 жидовъ и 1 изъ меньшихъ сектъ.

— Со времени заведенія постоянного войска ажъ до нынѣшняго дня упало 259 п. австрійскихъ генераловъ и полковниковъ въ битвахъ съ непріателемъ.

— Въ Темешварѣ росписалъ одинъ швецъ преиумерату на чоботы. За предплату 5, 10 и 20 р. ср. получить можно черезъ цѣлый годъ нужныя чоботы. — Вотъ, до чего то нынѣ люди берутся! Преиумерата на чоботы! Теперь когда времевописи мало нѣбуютъ преиумерантовъ, найдутъ ихъ можетъ больше шведы

— Въ Пруссахъ, где всѣ публичныя дороги обсажены деревьями, приказано правительствомъ, чтобы вѣсто дикихъ лѣсныхъ деревъ или тополей сдѣлать теперь только овощныя дерева.

— Въ Крумловѣ въ Чехахъ живетъ одна 90 лѣтняя жидица, которой выросли недавно 3 нова зубы а вѣсто сѣдыхъ подстригаемыхъ волосовъ растутъ новыя черныя волосы.

— Найлучшій въ свѣтѣ млынъ выбудовалъ одинъ Англичанинъ на островѣ Мадъгъ. На другомъ

падру того млына всыпается збоазе, а на долѣ выймаютъ хлѣбъ уже упеченный. Архимедова труба исполняетъ большую часть работъ. Она мететь збоазе, пересѣиваетъ муку, роздѣляетъ ю на роды, пересыпаетъ до бочокъ, скропляетъ водою, замѣшиваеъ и выбиваетъ тѣсто, дѣлитъ на боховки и всушаетъ тѣже до печи. Млынъ тотъ припоминаетъ на оную поповѣстку Минхгаузена о машинѣ, до которой одну стороною вкладается теля, а другою выходятъ уже готовыя чоботы изъ телячей кожи.

— Американская швальня заводится уже по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Изобрѣтатель ей, г. Муръ получилъ патентъ свободы на Пруссы и Австрію, и такожъ російское правительство заковило у него 50 таковыхъ машинъ. Черезъ употребленіе той машинки уменьшатся вскорѣ число кравецкой челяди.

— Въ одномъ мѣстечку случилось такое удивительное средство. Старый вдовецъ влюбился въ молодую дѣвчинку и оженился съ нею. По его веселью оженился такожъ и сынъ оного вдовца, а то съ матерью своей мячехи. Въ слѣдствіе женитбы сей сталъ отецъ зятемъ своего роднаго сына, а жена его, не только пасербою своего собственнаго пасерба, но такожъ тещею своей родной матери, а тая смовъ пасербою родной своей доньки, кромъ того мужъ ея отчимомъ, своей мячехи. яко и тещемъ своего роднаго отца!

— Средство противъ мышамъ и щурамъ въ стодолѣ. Нѣкій старшій, опытный господарь совѣтуетъ, абы передъ свезеніемъ збоазя въ стодолу, накидаты якъ наибольше свѣжихъ галузокъ свычайнаго бзу на сподъ застѣковъ. где обыкновенно щуры и мыши пребываютъ. Господарь тотъ увѣщаетъ, что отъ много лѣтъ всегда уживаетъ того не коштовнаго средства, и что отъ того времени никогда не посѣщали вредливыя тѣ звѣрята его стодолы.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской дна 5 Нов.
 Ажіо ц. червонцевъ 19
 „ серебра 13%

ИСПРАВЛЕНІЕ.

В. 35 ч. на заглавной сторонѣ въ 3 строчкѣ 2 передѣлки изъ долу случилась ошибка; вѣсто: Первое полное старословенское Евангеліе печаталось, должно быти: Первая полная старословенская Библия печаталась.

Слѣдуетъ 36. ч. „Поученій Церковныхъ“ и „Справозданіе Комиссія Народнаго Доха.“

Изданіемъ и типою Института Ставропигіискаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Дидицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСТРѢЧА СЪ ОЛЕНЮ.

Отрывокъ изъ поэмъ: „Дѣвѣ Елены.“

Въ селѣ Верблянахъ на горбку
Стоитъ приходскій домъ; докола
Зеленый садъ, а на боку
Оборы, стайня и стодола.
Отъ вѣздныхъ головныхъ воротъ
Долой спускается городъ,
И тянется къ рѣцѣ Верблянской,
Надъ которою въ долгій рядъ,
Якъ косари на нивѣ панской,
Старыя вербы тамъ стоятъ.

Подъ самымъ плотомъ въ огородѣ
Рвутъ дѣти стручковый горохъ,
Тѣ изъ верху, а тѣ при сподѣ:
Дѣвчатокъ двѣ, и хлопцевъ двоихъ;
Межъ ними старшая дѣвица,
Голубоока, краснолица,
Горохъ съ найвысшей вѣтки рветъ;
Отъ солнца скрывшися зеленью,
Сорванными стручки кладетъ
Въ коробку; дѣти рвутъ въ нищеню.

А иногда и по грядамъ
Ребята скачутъ торопливо,
Сестра же старша братчикамъ
Даетъ напоминая учтиво:
„Кто потоптаетъ нивѣ стручки
Не получитъ забавочки,
Что вчера привезла Маруни,
И не пойдетъ со мной на лань;
Такъ цыть Василько, цыть Маруни:
Цыть, а не съ прїѣдетъ къ намъ Стефанъ.“

Вырекли имъ то солодко,
Она на стежку побѣгла,
Горохъ ссыпала во рѣшотку,
И снова стручки срывать шла.

Наразъ роздалось отъ подворья
Знакомое „говъ, говъ“ Григорья,
Что былъ извозчикомъ тогда
У старыхъ родичей Стефана.
Съ саду же кличуть: „Гей, сюда?
Сюда Елена и Тетьянина!

И дѣти всѣ скорѣйше птицъ,
Чрезъ садъ летятъ попережнню,
И радость имъ сверкаетъ съ лицъ,
Съ лица Елены особенно.
Якъ лишь прибѣгли ко крыльцу,
Всѣ поклонились молодцу,
А онъ къ Оленѣ приближился
И ручку ей поцѣловалъ,
Взглянулъ въ лице, и удивился,
За годъ едва же ю узналъ!

Она теперь ужъ дѣвой стала
Хорошею, якъ майскій цвѣтъ,
Кого, кого бы не плѣняла
Та красота въ пятнадцать лѣтъ?
Онъ отъ ребенка съ нею знался
И отъ ребенка любовался,
Тожъ и не диво, что тогда,
При встрѣчѣ снова обновленной,
Такъ сердце билось во груди,
Что восхищался такъ Оленою!

Не дивно, что и въ ей лицу
Всѣ чувства радости играли,
И говорили къ молодцу
Ей очи, но уста молчали;
Молчали, ахъ, бо ей любовь
Не возмогла найти ни словъ.
Ни голоса, ни возраженій
Другихъ, якъ только тѣхъ знаешь,
Кои говорить и гонитъ,
И неученый, и ученый! Восдана А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антонъ Петрушевичъ.

(Продолженіе. *)

При всеяъ томъ съ времянь княженія Данила, который былъ возобновителемъ и почти творцемъ своего княжества. больше чѣмъ его отецъ Романъ, стало наше отечество болѣе отчуждиватися отъ прочей Руси. входя въ самыя тѣсныя сношенія съ западными государствами. Какъ извѣстно. Данилъ, вышываясь въ дѣла западныхъ державъ, ходилъ весьма глубоко въ Чехію; хотѣлъ приобрести сыну своему Роману Герцогство Австрійское. посредствомъ брака съ сестрою послѣдняго Австрійскаго Герцога; принялъ даже новый, чуждый древней Руси титулъ короля (Rex), и искалъ въ бѣдственное время болѣе помощи на Западъ, какъ у прочей сѣверной Руси поращенной Татарами. „Ясно (говоритъ Соловьевъ, стр. 369), что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были исчезнути въ Галичъ, и король Данилъ не могъ смотрѣти глазами старинныхъ князей Русскихъ. но смотрѣлъ на право наслѣдства, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе Галицкое также не могло смотрѣти иначе: бояре давно приняли характеръ чуждый, что доказываетъ быстрое ихъ ополяченіе, городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область 96.)

*) Многоцѣнная статья сія прервана была съ ч. 24 „Зора“ по той причинѣ, что почтеннѣйшій Сочинитель ея, пребывая въ лѣтное время с. г. на купеляхъ въ Перегваску, не имѣлъ подъ рукою своя историческія записки и такимъ дѣломъ не могъ заняться ея продолженіемъ.
Ред.

96.) Ипатъ. лѣт. 196. говоритъ, что Данилъ основалъ городъ Холмъ, „начя призывать прихо-

Такииъ образомъ тѣже самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверовосточной Руси извнутри, развились изъ ея собственного организма, въ Галичъ

жаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычниками, и Ляхи: идаху, день и во ночь, и уношы п мастерѣ всякіи бѣжаху изъ Татаръ, сѣлницѣ, и лучници; и тулници, и кузницѣ желѣзу и жѣди и серебру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле и села.“ На стр. 204. пишетъ, что въ Владиміръ Волинскомъ являю „Марколтъ Нѣмечниъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ Василька, Лва, Войшелка.“ Кончину Владиміра Васильковича оплакивали въ Владиміръ „Нѣмцы и Сурожьцѣ и Новгородцы и Жидове плакахуся аки бо изгягъ Іерусалима.“ Ипат. лѣт. 220. Подъ названіемъ иноязычниковъ подразумѣваетъ кажется Ипат. лѣтопись Татаръ, Грековъ, и Армянъ. Послѣднимъ имѣлъ, по свидѣтельству Зиморовича (Triplex Leopoldis) Князь Левъ Даниловичъ опредѣлити на поселеніе сѣверную часть города Львова, при осадѣ котораго въ послѣдствіи княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ, имѣли томуже государю между прочими народами и Армяне противитися. *Sola Leopoldis a comilitonibus Leonis (sic) Tartaris, Sagaracenis (Сурожаны) Armenis... masculine defensa, peregrinis dominis (Мазовецканы) rogatas claudit...* По актамъ паходящимся въ Архивѣ Армянской капитулы въ Львовѣ были Армяне призваны на Русь какими то княземъ Феодоромъ Дмитреевичемъ. Грамота сего князи, писана на русскоиъ языкѣ въ томже предметѣ, называетъ призываемыхъ Армянъ Косохачкии (sic) и имѣетъ на себѣ ошибочно выставленный 1.062 годъ. Погибшій подлинникъ ея осматривалъ въ Львовѣ ученый Чацкіи, которому казался онъ быти недостовернымъ. Тия грамота гласитъ въ латинскомъ плохомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: „*Ecce Magni Ducis Theodori Dmytrowicz (sic) Cosachacensibus (sic) Armenis, qui huc volunt venire, venite in auxilium meum et ego dabo vobis libertatem ad tres annos, et cum fueritis apud me, ubiquis voluerit, ibit libere.*“ По словамъ Захарясевича (Wiadomości o Ormianach w

были занесены извне, но привились и утвердились необходимо въ следствие обстоятельство историческихъ.” Такъ по смерти Короля Данила, Василько остался на своемъ прежнемъ столѣ княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышольскимъ, Романъ, искатель Австрійскаго престола господствовавшій въ городахъ давныхъ себѣ Миндов-

гомъ, Новгородку, Слонимъ, Волковиску, кажется не находился уже во живыхъ; Мстиславъ Даниловичъ княжилъ въ Луцку и Дубнѣ, а меньшій Шварно въ Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ. Первымъ послѣдствіемъ кончины Даниловой была война наследниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ: Русь соединена съ Литвою опустошила окрестности Люблина и Бѣлой, что Поляки отистили разореніемъ окрестностей Червоня и Бельза: наконецъ помирились сусѣдныи Государи Болеславъ, Василько и Шварно и начаша быти въ любви велицѣ. (Ил. лѣт. 204. подъ 1268. г.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Poliszce. Bibl. Ossol. 1842. T. I. strona 71.) самъ подлинникъ былъ писанъ на куску пергамента безъ опредѣленія года и безъ подписи, изъ привѣшенной печати уплѣлъ только кусокъ воска безъ всякаго знака. Годъ 1062 находился вставленный только въ латинскомъ переводѣ подлинника. Захарьясевичъ прибавляетъ что онъ изъ русскаго подлинника запомнѣлъ слѣдующія строки: *Oto kniazia Teodora Dmytrowicza (sic) kosochackim Armenom. Prejdili (прійдется) na moju ruku dam wam wilnost (sic) na try lita...* и что Провинціалъ Базиліановъ Михаілівъ признавалъ первый слогъ въ словѣ *kosochackim* за предлогъ *ko*; слѣдовательно должно читати „*ko Sochackim Armenom.*“ По моему мнѣнію нужно исправить надпись грамоты или письма князи Θεодора слѣдующимъ образомъ: „Отъ (вм. ото) князя Θεодора Дмитреевича ко Солхацкимъ Армянамъ.“ Кажу Солхацкимъ не Сохацкимъ, ибо въ XIII вѣцѣ въ самомъ дѣлѣ обитали Армяне въ Солхатѣ, т. е. Старомъ Крымѣ, откуда безъ всякаго сомнѣнія пришли Армяне въ наше отечество. Вотъ доказательства. Въ запискахъ князя Армянскаго Юсифа Долгорукаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи, сказано, что Татары завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отъ части въ Кафѣ, отчасти въ старомъ Крымѣ (древнемъ Солхатѣ) и близъ Судака. см. Исторію Тавриды Сестренцевича II. 177 Карам. И Г. Р. Т. IV. пр. 146. — Въ Армянской церквѣ города Каменца Подольскаго находится до сихъ поръ пергаменный литургикъ на армянскомъ языкѣ, съ слѣдующей изъ тогоже языка на латинскій переведенною за-

пискою: *Hoc missale est pro memoria Ecclesiae S. Nicolai Thaumaturgi Pontificis in urbe Camenecensi, scriptum aera armenica 798 ac dominica 1349 in Crimea in Civitate Surchat (Сухатъ) manu domini Stephani presbyteri, post autem quadraginta quinque annorum scriptionem hoc (sic) emit Camenecensis dominus Linan filius Chutlubei, deditque pro memoria supradictae Ecclesiae S. Nicolai aera armenica 847. et dominica 1394...* смотри А. Przedzieckiego Podole, Wolyn, Ukraina. Wilno 1841 T. I. въ описаніи города Каменца — Есть слѣды о переселеніи Армянъ изъ полуострова Таврическаго въ городъ Львовъ. Такъ по запискамъ находящимся въ Архивѣ Армянской капитулы въ Львовѣ. находилась въ томъ городѣ уже въ 1183. г (быти можетъ 1283.) деревянная Армянская церковь, пока въ 1363. году нѣкто Яковъ сынъ Тахиновъ изъ Кафы и Панось изъ Гайсараны не построили своимъ издвигеніемъ каменную Церковь, которой зодчимъ былъ Италіанецъ Дорхи (по Здоровичу Доре) построившій передъ тѣмъ прежнюю Св. тогеоргиевскую Церковь. смот. Dziennik literat. Lwów 1853. str. 307. Кто былъ упомянутый князь Θεодоръ Дмитреевичъ не знаю, езуитъ Крусинскій (*Prodromus ad tragicam vertentis belli persici historiam... Leopoli 1740*) даетъ тому же князю прозваніе *Зуба*, не указавъ однако источника сего извѣстія. Не былъ ли князь Θεодоръ сыномъ В. князя Дмитрія господствующаго въ 1379. году въ Вла-

II.
КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО-
СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Периодъ.

Отъ первого поселенія Чеховъ 550. г. по р.

Хр. ажъ до Юанна Гусса 1400.

(Старинныи чешскіи пѣсни. — Заведеніе школъ. —
Вліаніе Нѣмцевъ. —)

Изъ найстаршихъ памятниковъ чешской литературы, яко изъ именъ старинныхъ чешскихъ князей, поселеній и областей, явствуетъ, что старинный чешскій языкъ далеко былъ близшій къ старословенскому, нежели языкъ нынѣшнихъ Чеховъ. Первыи вѣрныи письменныи памятники ихъ языка не суть древнѣйшии отъ введенія у нихъ Христіанства. Однакожъ открыто передъ якихъ 30. лѣты поетическіи отрывки, которыи содержаніемъ своимъ сягають въ предхристіанское время. Самый древнѣйшій отрывокъ большей якои съ поемы есть такъ званый Любушинъ Судъ, подаренный въ 1818. г. неизвѣстнымъ лицемъ Чешскому Музею. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что два Лехи (шляхтичи) Хрудошъ и Святославъ, посварились при роздѣленіи отеческихъ добръ и были вызваны Княжною Любушею, красною дочерью Крока, на судъ, где, послѣ народнаго приговора, недовольный Хрудошъ возстаеъ противъ Княжны, и оскорбленная Любуша отказывается отъ права обладати наследственными землями и просить со-

дмиръ и Луцку? см. Zubrzycki krop. Lwowa str. 49. — Евреи - Каранги пришли на Русь также изъ городовъ Солхатъ, Кафа, Мангушъ, и поселились кажется уже въ XIV. вѣкѣ въ городъ Галичъ. см. Dzieła T. Czackiego Rozpań 1840. str. 271. Журналъ Министер. внутрен. дѣлъ 1843. кн. 2. О неосновательной сказкѣ составленной Леоневичемъ раввиномъ галицкихъ Карантовъ, будто тѣже еще 1246. года переселились въ Галичъ, приведу ниже мое мнѣніе.

бравшихся къ ней Леховъ, Кметовъ и Владыкъ vybrati изъ среди своей правителя. Но выступаетъ защитникъ ей въ лицѣ Ратибора, указываеъ на святой законъ предковъ, но бесѣда его не кончена. Въ 1817 открылъ Линде Пѣсню подъ Вышеградомъ, котора принадлежитъ также къ глубокой древности. Въ томъ же году нашелъ В. Ганка въ склепѣ Краледворской церкви извѣстную Краледворскую рукопись, писанную около 1380 — 1390 г. Суть то отрывки изъ большей книги, которой начало и конецъ, будь сгорѣли, будь истреблены якимъ непріязнимъ церковнослужителемъ. Въ рукописи сей считается 6. эпическихъ пѣсней, содержащихъ историческіи, народныи событія. или событія, основанныи на древнихъ преданіяхъ. 2. лирико — эпическихъ вѣроятно тоже историческихъ, и 6. лирическихъ пѣсней, составленныхъ въ незапамятныхъ временахъ, написанныхъ въ послѣдствіи со словъ якого нибудь пѣвца. Когда именно появились тѣи пѣсни — опредѣлти невозможно; вѣрно только то, что они произошли позже тѣхъ событій, которыи въ нихъ описываются. Языкъ тѣхъ прекрасныхъ поетическихъ твореній значительно сходный, именно что до нѣкоторыхъ устарѣлыхъ видовъ, съ церковнымъ языкомъ; красота поезіи не во многомъ уступаетъ русскому „Слову о полку Игоревъ.“

Найстаршая перепись чешского Отче-
Нашу существуетъ по словамъ Добровского, съ IX. или X. вѣка. Съ того же времени осталъ чешскій переводъ Кириелейсонъ, сочиненный вторымъ епископомъ Пражскимъ, Адальбертомъ. Въ продолженіи XI. и XII. вѣка создано въ Чехахъ много монастырей, съ ними же учреждено народныи школы; нѣмецкіи художники, зодчій, даже селане поселились на чешской землѣ. Вліаніе нѣмецкихъ свѣчаевъ и обычаевъ я-

вилось чѣмъ разь выразительнѣйше, и чешскіи вельможи стали употреблять нѣмецкій языкъ. Межь всѣми словенскими народами суть только одни Чехи, у которыхъ встречаемъ средовѣчное рыцарство, происшедшее изъ частыхъ съ Нѣмцами сообщеній. (П. с.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

ХІІ.

Скромно стоялъ у дверей молодой козакъ. опустивши очи въ землю, судорожно поворачивая въ рукахъ красивую кабардинскую шапочку. Алексѣй взглянулъ на него, протеръ очи и почти шопотомъ сказалъ: „Боже мой! или я обманулся, или то Марина!...”

Двѣ чистыи слезы покотились по лицу молодого козака; онъ поднялъ очи, выпустилъ изъ рукъ шапочку и уже лежалъ на груди Алексѣя, тихо повторяя: „Я, мой милый! я, мой ненаглядный Алексѣю!...”

И долго они ничего не говорили, глядя другъ на друга, смѣялись, плакали и, сливаясь горячими устами въ одинъ безконечный поцѣлуй, уносились далеко отъ земли.

За всю печаль, заботы и страданія, за всю тяжесть туземной жизни, великій творецъ щедро нагородилъ человека, давши ему молодость и — любовь!..

— „Якъ же досталась сюда, моя голубко!” пыталъ Алексѣй: „якъ ты оставила отца и прошла пустыи вольныи степи?”

„Помнишь ты страстный вечеръ, когда отецъ засталъ насъ на островѣ?... Я сказала тебѣ: бѣжи скорше, бѣжи на Сѣчь, а тебѣ приказываю! И ты убѣждалъ, поцѣловалъ мене, а изъ за дерева вышелъ отецъ, грозно посмотрѣлъ на мене, поднялъ надо мною сжатую руку, — и остановился, будто неживый; потомъ ударилъ себе

кулакомъ въ чело и тихо, жадобно сказалъ: „но гледи на мене такъ страшно! ты похожа на мою покойницу... поѣдемъ домой!” отвернулся и пошелъ; я за нимъ иду и ногъ не слышу. Пришли къ берегу, тамъ стоитъ лодка, въ лодцѣ Гадюка и Герцикъ. Отецъ сказалъ имъ весело: „Я проходилъ по острову и доньку нашель; она гутъ же проходилась!” Мы съли и пріѣхали домой.“

— „А ты не видела здѣсь Герцика?” съ безпокойствомъ пыталъ Алексѣй.

„Якъ же! онъ съ нами встрѣтился у самой твоей палатки, и не узналъ мене, только сказалъ Никитѣ: проводи мене, добрый человѣче, къ Полтавскому куреню.”

— „И ты его съ разу узнала?”

„Узнала; мѣсяцъ бо святить яко въ день... Чего ты засумовался?”

— „Ничего. Тебѣ надобно бѣжати скорше изъ Сѣчи. Если узнають, что ты здѣсь, будетъ лихо, мы можемъ заллатити житьемъ.”

„Лишь бы разомъ, я готова умерти — но съ тобою!”

— „Къ чему умирати, когда мы будемъ жити разомъ счастливо, спокойно? Нашъ Кошевий писалъ нынѣ къ твоему отцу: онъ тебе для мене сваталъ, а Кошевого требуетъ теперь твой отецъ. Якъ думаешь: благословитъ насъ отецъ?”

„Богъ знаетъ, его не розгадаешь! Разъ онъ пріѣшелъ до мене утромъ, а я плакала. „Знаю,” сказалъ онъ, „чего ты, дурна, плачешь. Кобы мене поймати того Алексѣя...” Такъ что бы было? спытала я. „О знаю, что бы съ нимъ сдѣлалъ!” отрекъ онъ грозно. Я больше заплакала и пошла въ садъ; мон цвѣты цвѣтуть и наклоняются одинъ къ другому; на нихъ ползають, вокругъ летаютъ мушки, жучки, пчелы, всѣ разомъ, всѣ роємъ, а я одна на свѣтъ, подумала я, якъ тотъ подсол-

нечникъ, что стоитъ одиноко надъ стежкой; но и ему есть весело, есть радость: онъ любитъ солнце, и куда оно пойдетъ, подсолнечникъ обертаетъ за нимъ свою цветную головку. И стало менъ совѣстно... Бездушный цвѣтокъ обертается къ солнцу; если бы у него сила, онъ оторвалъ бы ся отъ корня и полеталъ бы къ нему, — а я? — мое солнце, моя радость далеко; знаю где онъ, и сижу будто связанная!... до сижу, что просватаютъ мене за нелюбав... страшно!... Къ вечери моя цыганочка продала весь дорогин перлы и дукатовыи ожерелья, и въ ту же ночь я убѣжала изъ отцевскаго дому, пристала дорогою къ Запорожцу Касьяну. — и онъ, спаси-Богъ, провелъ мене до самой Сѣчи...”

— „Ахъ, ты моя ненаглядная Марино! И для мене ты кинула домъ, отца, родину? для мене рѣшилась ѣхать верхомъ, дикими сторонами, надѣла козацкое платье, обрѣзала свои долги, темны косы!” *)

„На что они были менъ?... Я съ радостію взяла ножицы и обрѣзала ихъ... Но когда они упали передо мною на столъ темныи, долги, — будто что оторвалось отъ моего сердца; ахъ, и я заплакала. Косы, мои косы! подумала я: сколько лѣтъ я свивала и розвивала васъ, сколько лѣтъ я гордилась вами передъ подружками, когда вы, якъ черныи змѣи, красиво обвивались вокругъ моей головы и полная роза порою горела надъ вами будто пламя!... Думала я во гробъ легчи съ вами, темныи мои косы, съ вами, подружки моей одинокой радости и печали... И вотъ, я подняла руку на саму себе!... Такъ я думала, —

не сердись мой милый... но то было не долго: я вспомнила, для чего лишилась своей красы — и перестала плакати, даже сама сплела обрѣзанныи косы, сокрыла на груди своей и принесла тебѣ въ подарокъ. На, возьми ихъ, они твои!” Алексѣй прижалъ ихъ къ сердцу, обнялъ и поцѣловалъ Марину. — Алексѣй и Марина плакали.

— „Скажи менъ,” спыталъ Алексѣй по долгомъ молчаніи: „зачѣмъ ты назвала себе Алексѣемъ.”

„Для того, что менъ подобалось тое имя... Охъ, вы козаки, козаки! думаете, что у бабъ ума нѣтъ; а когда возьмется на хитрости — пятнадцатилѣтняя дѣвочка проведетъ старика. Видишь, я назвалась Алексѣемъ, Пирятинскимъ Поповичемъ нарочно, чтобы найти тебе скорше. Я домышлялась, что будешь на Сѣчи; я не знала того на върно, но мое сердце вѣдало, что ты здѣсь. А якъ найти тебе? Стану допытыватись — можетъ догадаются. Я и подумала: назовусь сама Алексѣемъ; коли кто тебе не знаетъ, тотъ ничего не скажетъ; а другій, можетъ скажетъ: знаю и я одного Алексѣя Поповича Пирятинскаго, видѣлъ его ось тамъ и тамъ, или что подобное. И то менъ на руку...”

— „Ось якъ хитрая!”

„Прійдется хитрость, когда силы нѣтъ. Едва я сказала въ курень свое имя, такъ все и закричали: „Ось штука! ось у насъ уже одинъ Алексѣй Поповичъ, та еще и Пирятинскій; но его теперъ нѣтъ, похалъ на Крыщевъ; а что за молодець, да онъ у насъ войсковымъ Писаремъ!” И я все узнала не пытаюсь про тебе, мой ясный соколе! Не сумуй же такъ! или ты уже не любишь мене?”

— „Мене Богъ покараетъ, если бы я не любилъ тебе! Для того я и задумался, что люблю тебе, что менъ жалко тебе. Мои

*) И до сихъ норъ на Украинѣ считается наибольшимъ безчестіемъ отрѣзати дѣвоцѣ косу. Ни за яку платитъ дѣвочка не соизволитъ добровольно позбавити себе того украшенія. „Коса вырастетъ, а позору не вернешь,” самчайно отвѣдаетъ она на предложенія перуцара или якого другого городского предпріятника, ходящего отъ села до села за покупкою хорошихъ волосовъ.

— Гнилый славъ (плывъ) у пчелъ. Общество ниже-австрійскихъ пчеловодчиковъ, сошедшихъ передъ нѣсколько мѣсяцы ради совѣщаній, зстановилось съ особлившимъ уваженіемъ надъ хобами пчелъ. За найвредлившую немощъ узнано единогласно такъ званый гнилый славъ. Она показуется тѣмъ способомъ, что хворыи пчелы урываютъ изъ себе въ большей мѣрѣ якійсь темно-червоный, дуже смородливый плывъ, который увидѣти можно у очка и на досчичкахъ у споду во внутрѣ улей. Противъ той немощи не нашли пчеловодчики доселѣ ніякого средства: понеже однакожь она заразлива, такъ что въ короткомъ времени и наибольшу пастку погубити можетъ: для того совѣтуется, дабы, якъ только знаки оной немощи въ котормъ уль покажутся, таковой сейжечасъ изъ пастки отдалити и уничтожити. — При той способности говорено такожь о такъ зовимомъ свѣчайномъ славѣ. Причиною сей немощи бываеъ няглое охладѣніе улей, особливо когда на весѣ послѣ теплой погоды случителъ нечаянно холодная слота. Въ соломяныхъ ульяхъ показуется она рѣше, понеже тѣя суть теплѣйшия, якъ деревянные. Хороба тая не естъ заразлива: средства противъ ней поданы слѣдующіи: спроваженъе теплѣйшого воздуха, старанное чищеніе улей, особливо же кормленіе пчелъ добрымъ старымъ медомъ.

— Обкладанье овощныхъ деревъ цеглою. Опытнии садовники замѣчали отъ давна, что овощнии дерева, обложенни у кореня цеглами, растутъ далеко сильнѣйше и роскошнѣйше, якъ не обложенни; происходятъ се отъ того, что цегла не вытягастъ изъ земли поживныхъ соковъ, которми обыкновенно тучатся сосѣдныи былинныи и растѣнии, и такимъ дѣломъ тѣми соками нападаеъся единственно овощное дерево. Къ тому прикрытіе земли цеглою препятствуетъ испаренію земли и вредивому дѣйствію солища.

— Новооткрытая американская швальня (машинна до шитья) находится теперь уже и въ Вѣднѣ. Машинна та, составлена весьма остроумно и съ великимъ знаніемъ швального искусства, можегъ употребляти къ шитью всякихъ вѣществъ. Работа на ней идегъ дуже скоро и всею машинною можегъ управляти даже дѣти съ великою легкостію. По исчисленіямъ выробляеътъ она въ десять разы больше якъ одна швачка въ продолженіи того самого времени и выгодна естъ особливо для шитья вѣществъ въ большемъ количествѣ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Львовъ. Для 3. с. м. о 8. годнѣ совершалъ ВЧ. Крыломаничъ М. Куземежскій Божественную литургію въ Церквѣ Успенской, которой присутствовали ученики училища образцевого (Musterschule) со своими Учителями при началѣ года школьнаго 1854, съ котормыъ помянутое училище приходитъ подъ управленіе Всечестнѣйшой и Всевѣстнѣйшой Митрополитальной греческо-каатолической Консистеріи. Пѣніе было обыкновенное наше церковное, но гармонійно произнесенное учениками Института Ставропигійского; оно было такъ прекрасное, что не могло не тронуть глубоко сердце присутствующей молодежи, дабы благодарити Богу и Его Имп. цар. Апостольскому Величеству Францъ Иосифу I, и дабы молити Духа св. Просвѣтителя и Утѣшителя, чтобы съ Его помощію совѣстно успѣвати въ науцѣ для блага Отечества по желанію Его Величества, Императора и Царя нашего, которму да дастъ Господь Богъ многая дѣла!

— Для 4. с. м., въ день тезоименія Его Величества, священнодѣйствовалъ Преосв. Епископъ Іоаннъ Бохеньскій съ крылосомъ митрополитанскимъ, торжественную литургію, которой присутствовали Его Прев. Г. Намѣстникъ нашъ красивый съ чиновниками мірскими, воинство, и питомцы здѣшняго русскаго сѣженища. Въ концѣ литургіи пѣвасы были нимъ амвросіанскій: Тебе Бога хвалимъ и многолѣтствіе Его Величеству, милостивѣйшему Монарху. Такожь для учениковъ первой, русскай гимназіи отбылась св. литургія въ костелѣ Бергардлинскомъ за многолѣтствіе Монарха.

— Его Величество, росіійскій Царь пребывалъ отъ дня 24 до 28 м. м. въ Голохуцу, где отбывался великіи войсковыи маневры. Кромѣ Великихъ Кнззей царевича Александра и его сына Николая, были съ Нимъ въ Голохуцу такожь князь маршалъ Паскевичъ, генералы Орловъ, Философовъ, Чечевичъ, Лвевъ, Гривальдъ, полковники Ясимовичъ, Паткуль и Аллербергъ, державнии канцлеръ Нессельроде, посоль при австр. дворѣ Маендорфъ, тайнии совѣтники Кудряскій и Сакенъ, и державнии совѣтникъ Емохинъ. Для 28 о 10 годнии вечеръ поѣхалъ Его В. Царь росіійскій со своею свягою мимо Щакову до Варшавы.

— По телеграфической вѣсти проѣзжалъ Его Величество, нашъ Монархъ въ путешествіи своемъ до Варшавы для 3 с. м. о 10 годнѣ передъ полуднемъ мимо Щакову въ сопровожденіи Его в. Архикнззя Короля Лювика и Его В. Короля Прусь,

съ которыми съѣхался былъ Его Величество въ Козлю — Дня 26 м. м. играло въ Голомуцу на разъ 32 пишемъ: тридцать три войсковыхъ гудебныхъ бавдъ: съ того можно заключити, въ якомъ великанскомъ размѣрѣ отбывались тамъ войсковыя парады.

— Нѣкоторые временописи возъицають „съ достовѣрныхъ жерель,” что сватъба Его Величества, нашего Монарха опредѣлена на 24 Авг. 1854.

— Касательно открытiя короны св. Стефана сообщаемъ еще нѣкоторые извѣстiя: Еще въ Сентябрь 1849 г. донесено в. правительству съ Видина, что коронныя знамена закопалъ былъ въ Оршавской окрестности мадарскiй бѣглець Семере. Въ свѣдѣствiе того распочались тамъ поиски, которыя потомъ прервано Особлившiй случай понудилъ однакожь къ предпрiятiю новыхъ изслѣдствiй: когда бо весною с. г. на долинѣ коло холма Алюну близъ Оршавы стала великая вода, поставилъ Кошутъ, узнавшiй о томъ заводненiи за границею, искати способу, якъ бы знамена тѣмъ въ свои руки достати. Къ той цѣли подкуплено было нѣсколько особъ, которыя имѣли ихъ ночью выкопати и отдать потомъ Кошуту. О тѣхъ замыслахъ узналъ заблаговременно п. к. подмаршалъ Кемпезъ, и сейчасъ поручилъ майору Каргеру обновити въ окрестностяхъ Оршавы точнѣйшiя поиски. Окрестность тую обставлено доброю стражею — и ото, поймано разъ одного 19 лѣтнего жидка, укрытого въ тамошнихъ мочарахъ, который имѣлъ исполнити волю Кошута. Съ другой стороны изъяснилъ бѣглець Семере въ Парижу, узнавшiй о замыслахъ Кошута, что „лучше хочетъ передати закопаннымъ драгоценности правительству, якъ соизволитъ, дабы они попались въ руки сбабѣлого Кошута, который привелъ народъ на пропасть пагубы.” Дня 28 Авг. с. г. присламо поди.

Кемпезу съ Парижа писменное донесенiе, составленное по указанiямъ самого же Семере. Съ помощiю тѣхъ указанiй приступилъ майоръ Каргеръ къ близшимъ изслѣдованiямъ и приказалъ дня 7 Сент. раскопывати землю близъ холма Алюну. На другiй день о 8 годинѣ рано ударили мотыки двохъ копающихъ граничаровъ о желѣзную раковъ, въ которой открыто коронныя драгоценности.

— Въ городѣ Кенигсбергу, где Кантъ съ нѣмецкимъ хладнокровiемъ писалъ свою „Критику чистого розуму,” застрѣлился сими днями одинъ 60 лѣтний старикъ съ поводу, что нѣка молодая дѣвочка неприняла любовныхъ его аффектовъ!

— Въ Бельгiйскомъ городку Пинакеръ живеть женщина, котора отъ Мая 1818 года ничего не ѣсть, а отъ Марта 1822 не пьетъ ничего. Еще въ г. 1826 съѣхала была туда комиссiя, состоящая съ лѣварей, котора пребывая тамъ 4 недѣль, подтвердила подъ клятвою, что въ продолженiи того времени женщина сiя не имѣла въ устахъ ни кусника яствiй ни крапли якого напитка. Дня 20 м. м. обходила она 66 годовщицу своего житiя. Лѣвари и природоиспытатели заходятъ въ голову, якъ можно такъ долго жити безъ корма и напитка.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдеской для 1 Окт.
Ажю ц. червоонецъ 14 1/2
„ серебра 10

Исправленiе.

Въ предыдущемъ числѣ нашей Временописи случилась на стр. 34 въ 7 строч. съ доду 1. передѣлки ошибка; также должно быти; Г. Гушалевиць преподаеть „религiнную науку“ для Русиновъ въ 2 высшихъ классахъ Доминиканской гимназiи а въ 6 низшихъ г. Ю Сепяратовичъ.

(Слѣдуетъ Число 31. „Почтенiи Церковныхъ“)

Съ нынѣшнимъ числомъ начинается теченiе третьяго четвертьгодiя „Зори Галицкой.” Тѣхъ почт. Читателей нашихъ, которыя на сiе четвертьгодiе еще не предплатили, просимъ о скорое надосланiе предплаты; Всѣхъ же Прочихъ, которымъ недостають или не доставати будутъ якиа числа нашей временописи, просимъ упоминатися у насъ о тiже незапечѣтаннымъ и нефранкованнымъ листомъ. При томъ заицаемъ, что можно еще немного екземплярей нашей зременописи отъ 1 до нынѣшняго числа по обыкновенной цѣнѣ получить.

Издвиеиємъ и типоюзъ | Института | Ставропвгiянскаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А Андрицкiй.

вѣщества, обновилъ жизнь мою, душу мою принялъ до небесъ. Кидаю всѣ мои давнѣйшіе распутіи, особливо идолопоклонство. Молюсь къ Богу, чтобы далъ менѣ святого духа, чтобы перемѣнилъ мое испорченное сердце, избавилъ мя отъ искушеній, и имѣлъ надо мною попеченіе, чтобы далъ мнѣ кормъ и все потребное для тѣла, увольненіе отъ нужды, миръ въ семь свѣтѣ и славу въ будущемъ — милостію нашего Спасителя и старшого Брата, который избавилъ насъ отъ грѣха. Наконецъ прошу, чтобы воля Божія была въ небесахъ яко и на земли. Аминь.“ — Кромѣ того находятся въ книжцѣ сей молитвы утренніи, вечерніи, подвѣданныи, и при всякихъ замѣчательныхъ случаяхъ.

На недѣлю приписана къ пѣнію слѣдующая доксологія; „Хвалимъ тебе Боже, Отче небесный; хвалимъ Е-суса Спасителя міра; хвалимъ святого духа, найвысшую мудрость, хвалимъ три особы въ духу истины соединены.“ — Къ тому есть 10 заповѣдей согласныхъ съ еврейскими, только къ седьмому додано есть запрещеніе употреблять тютюнъ и опиумъ. Пятая книга содержитъ „библейную исторію ветхаго и новаго заветъ;“ шестая книга „Ода для юношества,“ содержитъ уставы Конфуція, который также изрекъ; „люби ближняго твоего, якоже себе самого.“ Прочіи шесть книгъ подоютъ правила для воинства; изываютъ Хинчиковъ сорвати союзъ съ „погаными дьяволскими Татарами, и уважати правого, Богомъ избранного, Монарха, кинути идолопоклонство и вернуть къ почитанію единого Бога, сообразно съ давными писемми мудрецовъ и съ народными преданіями.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ.

Начальство одного малого мѣстечка вы-

брало разъ нѣсколько мѣщанъ и поручило имъ, чтобы они обошли всѣ дома и собирали добродѣтельными жертвы для вспоможенія обѣднѣвшихъ родинъ того мѣстечка.

Выбранныи мѣщане пришли, межъ прочимъ, одного рана на подворье пѣкаго богатого согражданина. Они застали его въ стайнѣ, и подходячи, слышали, якъ онъ со гнѣвомъ сварилъ на своего паробка за то, что тотъ оставилъ черезъ ночь мотузокъ на дождѣ, а не положилъ его где въ сухомъ мѣстцѣ.

„Ну, попали нѣ мы на человѣка! то якійсь скупецъ,“ говорилъ одинъ изъ мѣщанъ, „тутъ ни шеляга не выпросимъ.“

„Однакожь, не вредитъ попробовати,“ сказалъ другій; и они подошли ближе.“

Господарь встрѣтилъ ихъ ласкаво, и межъ тѣмъ, когда шли съ нимъ до хаты, они объявили ему, за чѣмъ прибыли. Якъ удивились они, когда онъ весьма охотно пожертвовалъ значительную сумму грошей, и кромѣ того прирекъ ежегодно жертвovati столько же. Тропутьи такимъ добродѣтельнымъ чипомъ мѣщане не могли не признаться благотворительному человѣку, что вспомошествованіе его для нихъ вовсе неожиданно, понеже слышавши, якъ онъ сварилъ на паробка за такъ маленькую вещь, они думали, что онъ дуже скупый, и отпривить ихъ съ порожними руками.

„Отонъ для того, милыи сограждане,“ отвѣчалъ онъ, „понеже я всегда заботился о всемъ, пришелъ я, слава Богу, въ такое состояніе, что могу и другимъ помогати.“

Не стыдись бережливости, и не называй ю скупостію; стыдись одной скупости. Не избѣгай случая благотворити, и не считай ложно благотворительности за расточительность.

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИЖКИ.

Меся новыми книжками, продающимися въ русской книжной гавѣ въ Львовѣ, заслужаютъ особеннаго вниманія: правоучительная повѣсть „Цвѣтныи Кошчокъ“, и учебная книга подъ заглавіемъ „Звѣрословіе“.

„Цвѣтныи Кошчокъ“ составляетъ собою вторую часть „Библиотеки благополезнаго чтенія для дѣтей“, которая, исполняя предложенную себѣ задачу съ наилучшимъ успѣхомъ, удостоивается всесторонней признательности. Якъ первая часть „Библиотеки“ сей предложила себѣ достохвальную цѣль подати русскому юношеству начала главнѣйшихъ свѣдѣній изъ круга различныхъ благополезныхъ наукъ, и такимъ дѣломъ содѣйствовать развитію душевныхъ силъ молоденькаго ума: такъ есть слова преимущественно второй части задача дѣйствовать посредствомъ благонравной повѣсти на дѣтское сердце. И вонстину, реченная повѣсть рѣшаетъ свою задачу въ полнѣ; она есть въ состояніи возбудити найкраснѣй чувствъ въ юношескомъ сердцѣ, укрѣпити природную привязанность дѣтей къ родичамъ, возвеличити любовь ихъ къ добру, хорошему и высокому, вознести душу ихъ къ Богу. Самое отличительное свойство ей заключается въ томъ глубокомъ религіиномъ, чувству, которое такъ высокую цѣну даетъ некоторымъ повѣстямъ, именно „Хижинѣ стрыи Фомы“, а которое и тутъ отзывается въ каждомъ изреченіи богобоязненнаго Владимира и дочери его, молоденькой богатырки сея повѣсти, добросердечной Людмилы. Мы воздаемъ отъ сердца заслуженную хвалу и полную признательность юному переводчику той наилучшей Шмидовой повѣсти, г. П. Яновичу, и рекомендуемъ ю всѣмъ добрымъ Отцамъ и Матерямъ, которы могутъ сдѣлати нею найкраснѣй подарокъ для своихъ дѣтей въ день сближающагося Нового Года.

Такимъ же подаркомъ и во многократную иную пользу можетъ послужити такожъ учебная, издержками в. правительства изданная, книжка: „Звѣрословіе“ В. Воляна. Есть то утѣшительно для каждого Русина видѣти, что нашъ языкъ въ такъ короткомъ времени своего образованія развился уже о столько, что нимъ возможно нимъ составлять учебники, принадлежащіи къ кругу опытныхъ и отвлеченныхъ наукъ. И то не меньше радостно для русского сердца, что къ тому хорошему и трудному дѣлу берутся такожъ молоды, ударованныи люди, на которыхъ прилѣжности полагаеть Русь на-

ша свои наилучшіи надежды. И каждый съ тѣхъ юныхъ соработниковъ трудятся на поприщѣ того предмета, который наиблизшій есть его званію и наилучше ему извѣстный. Якъ г. Яновичъ, слушатель св. Богословія Прашевской епархіи, занялся составленіемъ правоучительной повѣсти, такъ г. В. Волянь, слушатель медицина на Вѣденскомъ всеучилищѣ, работаетъ около природныхъ наукъ. Мы желаемъ ему на томъ полѣ наилучшаго успѣха, и похвалиемъ не только слогъ его ясный, вразумительный, якимъ г. Волянь всегда отличается, но такожъ ту его скромность, по внушенію которой назвалъ оны сочиненіе свое переводомъ, межъ тѣмъ когда оно въ многомъ отношеніи дополниено и исправлено по его же собственнымъ знаніямъ. Касаательно языка замѣчаемъ, что оба тѣ сочиненія написаны образующимся у насъ книжнымъ малорусскимъ языкомъ, и различаются весьма малозначно только по правописи и некоторымъ грамматическимъ формамъ.

Современно мило намъ изъ достоверныхъ жерель познати тую вѣсть нашимъ почтен. Читателямъ, что стараніемъ и издвеніемъ в. Правительства вышла сими днями уже „Первая языкоучебная Читанка.“ а незадолго выйдеть одна русская книжка по другой, яко: „Книжка рахункова“, „Катихисмъ великій“ и „малый“, „Грамматика“, и „Русская Читанка для высшихъ школъ гимназіальныхъ.“

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Недавно вышла изъ типографіи заведенія Оссолинскихъ въ Львовѣ замѣчательная книга въ латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ Трога Помпея, съ которыхъ одни нашель въ рукописяхъ библиотеки Оссолинскихъ, другіи съ печатанныхъ уже сочиненій большею частію писателей польскихъ въ первый разъ узрѣль и дополниль ихъ отрывками давно извѣстными вразъ съ предисловіями исторіи Филипповъ и съ критическими замѣчаніями издалъ А. Бѣловскій.“

— Сими днями вышла во Вѣднѣ „Словни-ская читанка для V гми. класса, составлена профессоромъ старословенскаго языка, славнымъ ученымъ Фр. Миклосичемъ.“

— Въ Лондонѣ учредилъ нѣкій г. А. Герценъ російскую типографію, въ которой напечатано уже одну російскую книгу.

— Учитель стенографіи (скоросанія) на Вѣденскомъ всеучилищѣ, г. Гегеръ написалъ въ

чешскомъ языкѣ: „Короткое наставленіе къ стенографіи для 4 головныхъ словенскихъ языковъ, с. е. чешского, польского, нирского и велико-русского.

— Слѣдующимъ вышло въ Парижѣ новое изданіе всѣхъ сочиненій теперѣшняго французскаго Царя Наполеона III въ 4 томахъ. Одинъ томъ содержитъ въ себѣ статьи политическаго содержанія, 3 прочія „романтическую повѣсть подъ заглавіемъ „Марія.

ВСЯЧИНА.

— Славный историкъ Гиббонъ говоритъ въ 55 главѣ своего великанскаго дѣла, что еще въ пред-турецкое время извѣстно было въ Цареградѣ оно пророчество: будто Цареградъ попадетъ въ свое время въ руки Россіи.

— Въ Москвѣ вышло теперь въ моду ношеніе верхняго жупаника съ долгими петлицами съ передою, которое то одѣние называютъ тамъ свято славкою. Поводъ къ оной модѣ подавъ образокъ, сохранившійся въ старорусскомъ „Сборникѣ“, писанномъ въ 1073 году, на которомъ представляетъ Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ въ такомъ же одѣніи.

— Вѣдены, престольный городъ австрійской державы, имѣетъ 9452 домовъ, а 431,000 жителей.

— Иткари въ Пештѣ рѣшили межъ собою одногласно, дѣлать убогихъ хорыхъ всегда и всюду бесплатно. Слава имъ!

— Одинъ швецъ въ Сасварошъ въ Семиградѣ хотѣлъ къ своей возлюбленной послать любовныя стишки и пошелъ купить на тую цѣль драгоцѣннаго паперу. Продаваный по купеческимъ лавкамъ нѣсколько крайцаровый золоченый переперъ казался ему быти на такъ высокую цѣль надто дешевымъ и подлымъ, и для того написалъ онъ свои соловьиныя стишки на 4 реньсковомъ клеймованомъ паперѣ!

— Дня 8 с. м. породили въ Вѣднѣ двѣ сестры въ продолженіи одной и тойже минуты 4 дѣтей; одна имѣла двоихъ сыновъ, друга двѣ дочери.

— По статистическимъ изчисленіямъ г. Евверта утратили Соединенныя державы въ Америцѣ въ продолженіи 10 лѣтъ съ powodu употребленія горѣлки 600 миліоновъ долларовъ. Черезъ тотъ напитокъ погубило 300000 людей житіе, 100000 пришло въ домы убогихъ, 150,000 до вѣзницъ, 1000 людей сошло съ ума, 1500 допустились самоубійства, 200,000 женъ стали вдовами, 1 миліонъ дѣтей сиротами, а на 10 миліоновъ долларовъ выно-

сятъ утраты черезъ пожары, случившіяся въ слѣдствіе пьянства.

— Средство противъ лишаямъ. Дуже простое средство, абы побытисъ лишаямъ есть: распускается кусекъ соли въ устахъ и тѣмъ сольнымъ плыномъ смаруются лишай: въ нѣсколько дней исчезнутъ они совсѣмъ.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской для 12 Нов.	
Ажіо н. червоонецъ	20%
„ серебра	14 1/2%

СЛОВО

КЪ НАШИМЪ ПОЧТ. ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Хотя уже нѣсколькократно объявлено было въ „Зорѣ“ мнѣніе наше касательно усовершенванія нашего языка и дополненіи его старорусскимъ или церковнымъ языкомъ, и тоуже стремленіе наше явственно есть изъ каждого числа нашей временописки: то однакожъ, бывши возваны въ ч. 82 „Вѣстника“ ч. г. I. Лозинскимъ къ публичному объявленію нашего мнѣнія касательно употребляемого нами языка, и будучи къ тому принужденны на нѣкоторыя упреки, данныя намъ двома дописывателями „Вѣстника“, отвѣтити: предлагаемъ нынѣ почтеннымъ Читателямъ — откровенно и свободно — наше литературное исповѣданіе.

И такъ изъясняемъ во первыхъ: Языкъ, которымъ пишемъ, есть развивающійся у насъ, книжный малорусскій, языкъ: основу, корни и формы подастъ ему языкъ нашего народа, и недостающіи ему слова и глубокоосновную словенскую правопись образованный, священныи языкъ нашихъ Предковъ. Соотвѣтно тому правилу развивается онъ по единomyсленному желанію всѣхъ образованныхъ Русиновъ и при пособіи и содѣйствіи в. Правительства со времени нашего возрожденія, усовершеншается съ днемъ каждымъ, и такъ усовершеншанныи употребляется не только въ выходящихъ ежевременно женьшихъ и большихъ малорусскихъ книжкахъ, но и во всѣхъ существующихъ у насъ русскихъ временописяхъ, именно въ „Вѣстникѣ“, „Ладѣ“ и „Зорѣ Галицкой.“ Единственное различіе, какое межъ тѣми тремя Часописями, яко и иными малорусскими словесными произведеніями заходитъ, заключается не въ языкѣ, но въ весьма малозначительной отлѣтѣ ихъ правописей, и въ частѣ или рѣдкѣ употребленія словъ изъ областныхъ русскихъ нарѣчій (провинціализмовъ), или такоужъ нѣкоторыхъ словъ чисто-польскихъ. — При-

томъ замѣчаетъ, что, говоря словами г. I. Лозинскаго, „нашъ языкъ съ російскимъ яко наиблизшіи сосѣди до себе суть наибодобѣйшіи,“ и подобіе тое заключается, не въ выговорѣ словъ, но въ общей тѣмъ двоимъ языкамъ, словенской правописи и въ томъ многоважномъ обстоятельстве, что книжный російскій языкъ развивается отъ выше ста лѣтъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, якіи приняты суть нынѣ всѣми просвѣщенными Малорусинами, т. е. недостаточное простонародное Россіянъ нарѣчіе дополнялось и дополняется непрестанно словами нашего старорусского языка. И такъ якъ книжный старорусскій языкъ отличался отъ чистого старословенского выговора, отъ части же правописію, и многими изъ простонародныхъ русскихъ нарѣчій принятыми словами (о которомъ то различіи намѣрены мы говорить со временемъ пространнѣйше): такъ различается и будетъ всегда различатися нашъ книжный малорусскій языкъ отъ книжного великорусского языка, и думаемъ, никогда не станется „московскимъ“ нарѣчіемъ.

Во вторыхъ: изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что мы пишемъ для просвѣщенной части русскаго народа, т. е. для тѣхъ честныхъ Русиновъ, которыя имѣютъ свои познанія въ нашемъ народномъ и старорусскомъ или церковномъ языкѣ. Къ такому способу писанія понуждаетъ насъ не только предложенная нами и научова я цѣль нашей временной писи, но еще больше то обстоятельство, что всѣ наши почтенныя Пренумеранты принадлежать къ сословію людей просвѣщенныхъ, учителей и духовныхъ пастырей любезнаго нашего Народа.

Сказавши откровенно, въ якомъ языкѣ пишемъ и для кого пишемъ, додамъ еще тое, что мы сказали оно мнѣ во имени своемъ т. е. Редакціи „Зори Галицкой;“ что нашей правописи, нашего способа писанія и нашего повременнаго Писанія никому не наипдаемъ, всякія же замѣчанія и указанія касательно нашихъ дѣйствованій, даннымъ намъ въ добромъ намѣреніи, пріймаемъ отъ каждого просвѣщеннаго Русина съ благодареніемъ.

Наконецъ обязаны мы еще отвѣтити нѣсколькимъ словамъ на нѣкоторыя упреки, данныя намъ ч. дописывателями „Вѣстника.“ И такъ: въ числѣ 64 „Вѣстника“ г. Iосифъ Лозинскій, говоря съ негодованіемъ противъ теперѣшней яко-то „московско-болгарской эпохи“ въ нашей литературѣ, замѣчаетъ, что, „прійде часъ, же може и Зоря иначе

свѣтити начне.“ Если г. I. подъ словомъ иначе думалъ слово лучше (о чемъ нѣтъ сомнѣнія), то и мы съ нимъ соглашаемся и желаемъ нашей „Зорѣ“ во всякомъ отношеніи улучшенія. И въ томъ можемъ почтенныхъ Читателей увѣрити, что мы посвящаемъ всѣ труды наши единственно занятіемъ на пользу русскаго словесности, преимущественно же поднесенію и улучшенію нашей временной писи; и такъ якъ съ помощію Господа сдѣлаемъ якія большія успѣхи въ наукахъ и знанію русскаго языка, такъ начнемъ лучше свѣтити и наша „Зоря. — Другій дописыватель, Господиць „...“, упрекаетъ въ 71 ч. „Вѣстника“ нашу „Зорю“ за то, что она „представляетъ три языка, еденъ въ повѣсткахъ, другій въ обзорѣ историческомъ а третій въ поученіяхъ перковныхъ.“ Хотя то очевидно сказано только жартомъ, о чемъ увѣренный такожъ и Господиць „...“, который безсомнительно не уважаетъ на правду малозначительныя отнѣны въ словѣ или еще меньшія въ правописи или нѣсколькихъ грамматическихъ видахъ. нымъ языкомъ или нымъ нарѣчіемъ: то однакожъ дѣлаемъ тутъ сіе замѣчаніе, что такъ якъ предлагаются въ „Зорѣ“ статьи по различнымъ предметамъ, будь поэзіи, повѣсти и всякіи короткіи донесенія, будь чисто-научовыи розсужденія и поважныи бесѣды церковныи: такъ каждый изъ тѣхъ предметовъ wymagaетъ своего особеннаго способу выраженія, т. е. особенной, соотвѣтнй себѣ формы. То замѣтити можно въ книгахъ и временныхъ писаныхъ для различныхъ цѣлей въ которомъ ибуду существующемъ книжномъ языкѣ. А что иногда оставляемъ нашимъ почт. дописывателямъ нѣкоторыи ихъ свойственности по слогу или по правописи, то думаемъ, вовсе не есть зло, и скорше доказываетъ о нашей, въ нынѣшнемъ времени развиванія книжнаго русскаго языка достохвальной, толеранціи. — Тотъ же дописыватель посуждаетъ насъ въ реченномъ ч. „Вѣстника“ о зарозумѣлости, однакожъ не привелъ на то ніякихъ доказательствъ; также говоритъ онъ (чей такожъ жартомъ) и о „незапереченыхъ въ прочемъ здатностяхъ Редакторства „Зори Галицкой,“ но тоже безъ доказательствъ. Мы скажемъ на то коротко: что съ незапереченыи въ прочемъ здатностями не всегда получена „зарозумѣлость.“ — На другіи меньше важныи и почти ничтожныи упреки, данныя намъ тѣми же ч. дописывателями, отвѣтимъ при иномъ случаѣ. Отъ Редакціи.

(Слѣдуетъ Число 37. „Почтеній Церковныхъ.“)

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьрочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СМОТРЪ КРЕСТОВЪ.

(Прягча, изъ Халиссо.)

Однажды путникъ, проходя горою,
Узрѣлъ долину красну предъ собой,
Освѣтлену вечерною зорю.

И въ солнечныхъ лучахъ, на молодой
Травѣ онъ утомленный уложился,
Моли Всевышняго о сонокой.

И томный взоръ его на сонъ склонился.
Но бодрый духъ, свинувши тѣла прахъ
И брениость всю, въ краю мечты носился.

Онъ будто видѣлъ въ солнечныхъ лучахъ
Лице Господне — а въ небесъ святинѣ
Его одежу въ чудныхъ зрѣль красахъ.

„О Боже,“ рекъ онъ, „ты о грѣшномъ сынѣ
Печешься, не вѣдый во зло ему,
Коль онъ въ своей сознается провинѣ.“

„Ахъ знаю я: кто здѣсь рожденъ, тому
Съ терпѣльемъ нужно крестъ земный носить;
Но крестъ различный далъ ты каждому.“

„Мой надто тяжкій! — а и убольшити
Силъ не могу — такъ дай мнѣ крестъ другій,
Или подъ тѣмъ прійдетъ мнѣ вѣкъ сгубити!“

Когда произносилъ онъ вопль такой,
Пришла нежданно буря — и ужчала
Его съ собой насильно въ край другій.

И тутъ ему дорогу указала
Невидяна рука въ пространный Храмъ,
Въ которомъ тма крестовъ всяда лежала.

Къ нему озвался громкій голосъ тамъ:
„Свою здѣсь пристань нужда вся имѣетъ,
Одинъ съ крестовъ тѣхъ выбрай ты самъ!“

Избрати самъ себѣ онъ и не смѣетъ,
Но впрочемъ лишь такой избрати бѣ радъ,
Егоже легко онъ нести успѣетъ.

Но выборъ не идетъ ему во ладъ:
Тотъ надто тяжкій крестъ, сей острогранный,
А съ тѣмъ не ступитъ ни въ передъ ни въ задъ.

Одинъ, изъ золота чей вылитый,
Свѣтился и его къ себѣ манилъ,
Но жалъ, онъ тяжкій былъ, якъ оловянный.

И сколько тѣхъ крестовъ ни подносилъ,
А все таки избрати неприятно
Изъ нихъ, бо каждый невыгодный былъ.

И пробу ту дѣлалъ онъ двоекратно,
И дармо силы снова свои терялъ
И время дорогое, невозвратно!

А крестъ, которого не замѣчалъ
Онъ прежде: тотъ наилучшій оказался,
Того онъ наконецъ себѣ избралъ.

Сей крестъ былъ дуже простой, но казался
Его отвѣтныи силамъ, — тожъ просилъ
Онъ Бога, чтобъ сей крестъ ему достался.

Когда жъ его онъ ближе изслѣдилъ
Очина, то узналъ, что крестъ избранный,
Былъ тотъ, противъ коему такъ вопилъ!

Онъ взялъ его и неслъ ужъ безъ роптаній.

Богданъ А. Д.

**§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО-
ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ
ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII.
ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.**

Сочин. Антошъ Петрушевичъ.
(Продолженіе.)

По смерти Даниловой произошло для отечества нашего еще далеко важнейшее событіе и естли бы зависть не препятствовала дѣлу, принесло бы было оно великія користи для югозападной Руси, пособствуя ей отрожденію, укрѣпленію и спокойствію сусѣднихъ земель. Войшелгъ сынъ Миндовга искренный другъ Василька и Шварна зятя своего, съ ихъ помощію овладѣлъ большею частью Литвы, раздробленной на многія области и окрестивъ много своихъ соплеменниковъ, отступилъ Литовскій престолъ Шварну (1266.), а самъ снова заключилъ въ Угровскій Монастырь св. Данила, 97.) Русь надѣялась напрасно, что такимъ образомъ прекратятся грабительства Литовскія, и что сей народъ оставаясь теперь подъ владѣніемъ одной русской династіи составитъ со временемъ одну державу съ Галицкимъ кня-

97.) Ипат. Лѣт. 204. подъ 1268. г. Покореніе Литвы Войшелгомъ относится Перва Новгородская Лѣт. стр. 58. къ 1265 году. Подъ тѣмже годомъ древній Лѣтописецъ (съ 1254 — 1379) напечатанный въ СП. 1774 стр. 14. пишетъ о Войшелгѣ, что, онъ услышавъ объ убіеніи своего отца (1263 г.) „сня съ себе ризы иноческія и на третій годъ общася пакы положити ихъ на себе, и никако же не измѣни устава и правила иноческаго. И совокупи воинство много, и пріятелі и друзи отца своего великого князя Миндовга, и иде на поганую Литву и Чудь и поцѣли вся тамо сущая. И стояше тамо лѣто все, и многихъ крести и церкви и монастыри въздвиже. Ини же отгуду убѣжаша въ Псковъ и съ женами и съ дѣтьми и крестяшася божественнымъ крещеніемъ. Овъ же сія управивъ добре, и воеводу большаго Андрея Даниловича

женіемъ; иначе хотѣло Провидѣніе, откладая тотъ преобразованный союзъ Литвы съ Русью къ позднѣйшему времени. Властолюбіе князя Льва забывающаго о блазѣ отечества довело его ко коварному убійству руслюбиваго Войшелка, изъ зависти какъ говоритъ Лѣтопись (Ипат. Л. 204.) за то, что послѣдній отдалъ землю Литовскую, брату его, Шварну. Тотъ господствовалъ едва два года на Литвѣ. умеръ кажется 1268. года; города его Холмъ и Галичъ достались князю Льву, а Литва сдѣлалась опять самобитною признавая свирѣпаго Тройнату своимъ Государемъ.

Скоро послѣ Шварна скончался князь Василько, храбрый и неутомимый въ войнѣ и достойный братъ Даниловъ; въ Владимірѣ началъ княжити сынъ его Іоаннъ — Владиміръ женатый на Ользѣ дочеръ Романа Михайловича Брянскаго (1271.) 98.) Левъ и Мстиславъ пособствовали польскому Го-

(не было ли Андрей имя крестное Шварна) постави ихъ тамо великимъ княземъ.
„Тогоже года (пишетъ Софійская Первая Лѣт. стр. 192) въбѣгоша въ Псковъ Литва съ гриста мужъ и съ женами и съ дѣтьми и крести ихъ князь Святославъ съ Псковскими и со Псковичи.“ Псковская Лѣт. стр. 180. подъ тѣмже годомъ говоритъ: „Взя Войшелгъ землю Литовскую; и прибѣже Домонтъ (Гимосей) въ Плесковъ и крестися.“ Такъ важную роль игралъ Войшелгъ въ распространеніи Христіанства по греческому обряду на Литвѣ; слѣдовательно Войшелгъ крестилъ первый Лѣтовцевъ, которыхъ Ягайло почти перекрещивалъ по другому латинскому обряду. Войшелгъ (говоритъ Карамзинъ) имѣеть право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христовой и любви къ нимъ, чтобы кровь св. Владиміра, браками Данила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала на Литвѣ.

98.) Зиморовичъ (Triplex Leopol.) ошибается говоря, что Василько скончался монахомъ въ Св. тогеоргіевскомъ Монастырѣ въ Львовѣ, ибо по

сударю Болеславу въ войнѣ его противу князя Вратиславскаго, содѣйствовали также свои полками въ битвѣ Владиміра Васильковича съ Ятвягами, которые теперь стали просити мира у русскихъ князей (1273).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

II.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО-СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Періодъ.

(Лѣтописецъ Косма. — Чешское всеучилище. —

Ринованыи лѣтописи. — Сборники законовъ и Словари. —

Поэзія XIV. в. — Милитъ. Штитный. —)

Кромѣ Краледворской рукописи, которой отрывки принадлежатъ отъ части также къ XII. и XIII. вѣку, и кромѣ нѣкоторыхъ любовныхъ пѣсней и повѣстей, осталось съ того времени еще не много словесныхъ произведеній, почти все религіознаго содержанія; такъ на пр. отрывокъ изъ „Повѣсти о страсти Господней” стихами, изъ

словамъ современной Волинской Лѣтописи (Ипат. Лѣт. 204) умеръ и былъ похороненъ Василько въ Владиміръ „во церкви святой Богородицы въ пискупьи Володимѣрской.” Съ честью упоминаетъ о Василькѣ Сербскій историкъ и Архіепископъ Даниль, сочинившій Родословъ въ началѣ XIV. вѣка. „Въ Рускую землю (пишетъ онъ) многократно послаше (Краль Стефанъ Храпавый сконч. 1270 г.) слъ своя съ многочисленными дары къ божественнымъ церквамъ, и елико милостивъ къ нимъ. Въ той бо землѣ Рускій имѣ любовнаго пріятеля, князя Василіа, и тому должну честь вздаваше, глаголы сладкія возсылая ему. см. Рача Истор. Сербовъ кн. VII. гл. IX. стр. 424. У Василька кромѣ Іоанна — Владиміра (Ипат Лѣт. 222) былъ еще кажется другій сынъ именеъ Василій (Wazul filius Wazulae), о которомъ упоминается въ буллѣ Папы Григорія XII. съ 1272. года, вѣсть съ Львомъ и Мстиславомъ Даниловичами, какъ о князяхъ русскихъ. см. Bullarium Franciscanorum — Romae 1756. Т. III. p. 181.

„Легенды о 12. апостолахъ” и, хвалебная пѣсня во славу чешскаго патрона, св. Вячеслава.” Къ тому осталась полная чешская Псалтырь, составленная въ набожныхъ пѣсняхъ или въ ринованныхъ молитвахъ, подобныхъ молитвамъ католической церкви. Сюда принадлежитъ также, по сужденію Анда и Добровскаго „Плачь влюбленнаго на берегахъ Молдавы.” списанный прозою. Первые лѣтописцы Чехъ Косма и Вияконтій, рожденныи въ серединѣ XI. вѣка, писали по латинѣ. Лѣтопись первого сохранилась до нынѣ.

Въ XIV. столѣтіи возмозлось вліаніе Нѣмцевъ такъ дуже, что противъ нему возбудилось недовольство великой части народа. Король призывалъ къ себѣ нѣмецкихъ дворянъ, на его дворѣ шло все по нѣмецки, и даже, привилеіи для города Праги съ 1341. написанъ по нѣмецки. Но во владѣніе Карла I. (Царя Карла IV), вознеслась чешская Держава на найвысшій степень славы. Карль обмежилъ привилеіи Нѣмцевъ въ Чехахъ, и уважалъ чешскій языкъ столь высоко, что законно приказалъ учиться его всемъ Царевичамъ. Наибольше добра сдѣлалъ онъ для своего любимого города Праги; въ г. 1348. учредилъ онъ тамъ чешское всеучилище, по образу всеучилища въ Парижѣ и Болоніи. Вліаніе добродѣтельнаго сего заведенія дѣйствовало не лишь на Чехи, но и на всю Нѣмечину, ба на всю Европу. Молодежь изъ Нѣмецъ, Швеціи, Польши, Угорщины стремилась численно къ тому единственному храму просвѣщенія. Для управленія различныхъ народностей, встречающихся другъ друга въ селѣ одномъ училищѣ, призналъ учредитель его Карль I. въ академическомъ сенатѣ одинъ голосъ Чехамъ, а три прочимъ чужинцамъ. Въ послѣдствіи выкажемъ, съ якою завистію смотрѣли Чехи на тое рѣшительное пре-

иущество чужинцевъ и якимъ произвело оно противодѣйствія.

Въ XIV столѣтіи изъобиловали Чехи рѣмованнымъ сочиненіями, однакожь въ тѣхъ вовсе не было поезіи. Се доказательство, что тогдашнее всеучилище еще не могло причинитись до развитія истинныхъ поэтическихъ дарованій. Съ того времени остала чешская рѣмованная лѣтопись, такъ звана Далемилова хроника, сягающая до 1314. года. Она писана въ то время, когда вліаніе Нѣмцевъ дѣйствовало въ найвысшей степени, для того дышетъ она противъ нимъ ненавистію. Она была черезъ два столѣтія улюбленною книгою чешского народа. Имя сочинителя ей не извѣстно: но ю приписываютъ обыкновенно кривошанному Далемилу Мезерицкому. Такого же рода есть Лѣтопись Пржибика Пулкавы, переведенная по велѣнію Карла I. (яко вѣм. царя IV) изъ латинского. Сюда принадлежитъ и римская Хроника, переведена 1400. г. изъ нѣмецкого Бенешомъ, и друга римская Хроника, переведена съ латинского Лаврентіемъ съ Брезова.

Нѣкоторые ученые того вѣка составляли Сборники законовъ, нѣмцы Словари. Изъ первыхъ важныи суть „найстаршіи чешскіи уставы“ Антоція съ Дубы; „гражданскій или феудальный законъ,“ переводъ съ латинского, славное Саксонское зеркало или законы Магдебурга. — Словарей считается въ томъ времени семь, съ которыхъ найизвѣстнѣйшій „Богемаріусъ,“ писанный 1309. г. гексаметрами. Словаріи были весьма неточны, и вмѣщали иногда такожъ энциклопедическіи знанія.

Поезія XIV. в. послѣдовала въ Чехахъ тому же направленію, якое имѣла въ Нѣмчинѣ, и сталась легкимъ произведеніемъ воображенія, посредственнымъ аллегорическимъ твореніемъ, предтечею нѣмцкой новелы. То-

го рода суть: Тристрамъ, повѣстка въ 9000 стихахъ пер. съ нѣмецкого; „житіе Александра“ и „Исторія Троянской войны.“ обое съ латинского и больше сказочного якъ исторического вида; Молодой Ткачъ, первотворъ, весьма улюбленный въ своемъ времени. Вся прочіи поэтическіи творенія сего вѣка суть басни, сатиры, легенды или аллегоріи религіино-поучительного содержания, якъ то уже познати можно съ ихъ заглавій, на пр. девять радостей Маріи, десять заповѣдей, пять источниковъ грѣха и пр. У всѣхъ великій недостатокъ истинной поезіи.

Больше полезнаго и добраго произведено въ то время въ богословскомъ отношеніи. Священникъ Іоаннъ Милпчъ написалъ 1370. г. „Розсужденіе о великомъ паденіи церкви;“ нѣмцы сочиняли книги о истинныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; чешскій дворянинъ Штитный, составилъ для своихъ дѣтей „Христіанскую науку;“ къ тому переведено книгу еврейского Рави Самуила „о происхожденіи Мессіи“ и нѣмцы подобныи дѣла. Такожъ большая часть Библии была уже въ XIV. вѣцѣ переведена на чешскій языкъ, хотя еще не состовлена въ якій порядокъ. На такихъ то хорошихъ сочиненіяхъ образовался славный Іоаннъ Гусъ, основатель новой эпохи въ чешской словесности.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

XIII.

У Запорожцевъ былъ обычай доставляти преступникамъ передъ казнію всевозможныи удовольствія. Вкусныи яствія и дорогіи напитки принесено на обѣдъ Алексѣю и Маріи; но они не тронули ихъ и сумно сидѣли, иногда поглядѣли другъ на друга и, съ якою непонятною, предсмертною

радостью усмѣхаясь, сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Но вотъ, уже солнце клонится къ западу; въ воздухъ стало холоднѣе; толпы козаковъ, шумно разговаривая бродили межъ куренами, въ дали выигрывала бандурка плясовую пѣсню, раздавался топотъ розгульного тропака, неслись невнятные слова пѣсней:

Отъ Полтавы до Прилуки
Заломали закаблукки,
Ой лихо! закаблукки!
Дамъ лиха закаблуккамъ...

И успешный тропакъ заглушалъ послѣдній слова. Съ другой стороны раздавались торжественныи протяжныи звуки, и чистый мужескій голосъ пѣлъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камѣ
Лесенкій соколъ жалобно квилить проквилить!...

Козацкій народъ, уставившись кругомъ, слушалъ пѣсню о храбромъ войсковомъ Писарѣ. — и самъ Писарь, сказанный на смерть, задумчиво стоялъ у крата, и слушая хвалебную пѣсню, тоскно глядѣлъ на солнце, идущее на западъ. Рывая ласточка высоко носилась въ воздухъ, весело щебетала, и опускаясь къ землѣ, вилась около тюрмы; недалеко передъ окномъ на старой крышѣ вытягался одинокій стебель якой-сь травки; онъ сквозился, блестялъ отъ косвенныхъ лучей солнца и колебимый вечернимъ вѣтеркомъ съ легка наклонялся къ тюрмѣ, будто прощаясь съ заключенными. Въ очахъ Алексѣя показались слезы.

„О, не гляди такъ тоскно, мой милый!“ говорила Марина, заламывая бѣлыи рученьки: „твоя тоска разрываетъ мѣнь сердце! Я, нерозумная, довела тебе до смерти... знаю, что ты думаешь“

— „Перестань, Марино! перестань смущаться; не знаешь ты моихъ тяжкихъ думъ.“

„Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь: ясное солнце, завтра не я уже буду гля-

дѣти на тебе! Завтра въ то время веселая ласточка станетъ пѣти и летати, якъ и нынѣ, и спокойно уснетъ вечеронъ въ своемъ гнѣздочку, и тая хилая травка завтра будетъ еще колебаться на Божіемъ свѣтѣ, и якій-нибудь залетный жучокъ посѣтитъ ю одинокую, а мене уже не будетъ! Нестанетъ молодого удалца: будетъ меньше на свѣтѣ одиницъ добрымъ козакомъ, и надармо вороний конь станетъ ждати на вѣрного козака — не прійдетъ больше его козака! Другій сядетъ на коня! Закрываются, ты думаешь, мои свѣтлыи очи! Сорветъ хищный воронъ чубъ съ моеи буйной головы и совѣтъ изъ него гнѣздо для своихъ дѣтей!...“ Рыданія перервали слова Марины.

— „Богъ съ тобою, моя ласточко! Яки черныи мысли прійшли на тебе? Видитъ Богъ, я не думалъ того...“

„Знаю, ты думалъ, къ чему довела любовь наша?... Что изъ ней вышло, кромѣ печали и несчастья?... Алексѣю, мой ненаглядный соколе! Чей я хотѣла того? Я несла тебя мою чистую любовь, мое непорочное сердце, а принесла — смерть!... Завтра умрешь, такъ возьми нынѣ мою чистую любовь... и съ тою любовью понесешь тамъ — высоко, — и будешь жити съ нею, якъ не жили на семъ свѣтѣ, — весело, счастливо! — Такъ чего же ты тоскуешь, мой милый?“ сказала Марина, съ гнѣхимъ упрекомъ смотря въ очи Алексѣю.

— „Не за себе тоскую я; ахъ, я вспомнулъ Пирятинъ, мою старуху — матерь! можетъ быти, въ то самое время она узнала отъ Герцака о моихъ почестяхъ, помолодѣла, думая скоро увидѣти мене... И можетъ быти, она глядитъ, тамъ далеко, въ Пирятинъ, на то самое солнце и проситъ Бога, чтобы сокрылось оно чѣмъ скорше за гору, выводило скорше другій день, та

чтобы и тотъ переходилъ скоро и пришло радостное время нашего свиданія! И теперь, коли я, глядя на солнце, прощаюсь съ нимъ, можетъ быть, она въ замковской церкви, передъ образомъ Богоматери, лежитъ на колынахъ, радостно плачетъ и благодаритъ Ю... Чуетъ ли твое сердце, добрая Мати, что ты не увидишь больше сына. что онъ, убѣгая, якъ поганый человекъ въ Пиратина, не попрощавшись съ тобою, оставилъ безпомощно на старости, и завтра умереть позорно?... Вотъ, что думалъ я, моя милая... А смерти я не боюсь, за гробомъ жизнь вѣчная!... Тамъ не плачутъ, не вздыхаютъ...”

„Такъ не разлучимся съ собою!” весело сказала Марина: „мы станемъ жить разомъ вѣчно, вѣчно! не правда ли? Наши души будутъ летать на свѣтломъ облачку, сядутъ на море и поплывутъ съ волны на волну далеко — далеко, и никто ихъ не скажетъ: куда вы? зачѣмъ вы? Мы будемъ свободнѣйши отъ небесныхъ птицъ, весело слетимъ на могилу, где будутъ поконтись наши кости; я разростусь надъ твоею могилою кустомъ калины, роскину въ точки широко, чтобы твой прахъ не топтали люди, не пекло солнце; темною ночью вспомню нашу здѣшнюю жизнь, наше горе — и тихо заплачу, но едва взойдетъ солнце, отру слезы, да никто не видитъ ихъ, весело зашевелюсь, засмѣюсь дробными листочками и благовонными цветками; молодой козакъ сорветъ въточку мнѣхъ цветовъ подарить ихъ своей милой; милая вплететъ, мой цветокъ себѣ межъ косы — и больше полюбитъ козака; я съумѣю навязать; нашептаетъ ей чары любви, — я любила на свѣтѣ... любила тебе, мой чернобровый козачо, тебе моя, радость!...”

„Ого! якинъ веселенькинъ!” сказалъ, входящій Никита.

„А чего же намъ печалиться?” спытала Марина.

„Чей васъ просити?”

„Нѣтъ; но мы тутъ разомъ, и умремъ разомъ и будемъ всегда разомъ...”

Никита покачалъ головою.

— „Якъ намъ не радоватися, брате Никито!” сказалъ Алексѣй: „попались въ бѣду; а тутъ якъ все насъ любятъ, все навѣщаютъ, приходятъ утѣшатъ...”

„Гмъ! ось что! хитро сказано, по шляхоцки, пзъ политики. На что людямъ перешкажати? Важъ, я думаю, веселѣйше безъ третого... А то немилу, что Алексѣй лихо думаетъ о Никитѣ, а Никита ось и теперь обѣщалъ вашини сторожамъ сорокъ михайликовъ вина, а меду сколько въ горло влѣзеть, чтобы пустили увидѣти васъ, пару немудрыхъ Алексѣевъ... Господи прости, что бабу нарекаю мужескимъ именемъ!... На Никиту сердятся, а Никита цѣлый день помлъ стариковъ, говорилъ съ попомъ та съ письменными людьми якимъ бы средствомъ спасти Пана Писаря. Богъ вамъ судья, братику!...”

„Чтоже они говорили?” спытала Марина.

„У! яка быстра! довела до бѣды доброго козака та и не кается! Что говорили? Ничего неговорили. ось, уже и плакати собирается!”

— „Оставь ю, Никита;” сказалъ Алексѣй, „грѣхъ оскорбляти женщину. Что? видно? нѣтъ надежды?”

„Та я только такъ, я знаю ихъ натуру; съ тобою другая рѣчь пойдетъ. Говорити то они говорили много, а толку мало; все ровно, что кашу варити изъ топора: хоть полъ дня кипитъ и шумитъ и пзнится; сними съ огня котелокъ, хлебни ложкою — чистая вода, а топоръ самъ посебѣ остался... Помлъ я до обѣда стариковъ характерниковъ; ничего сказати, старо-

свѣтскіи люди, стародавніи головы. твердыи души, а до объѣда поддались, изъ ногъ повалились, я тогда за совѣтомъ къ одному, къ другому: молчать, ни пары изъ устъ, лежать якъ осетры! Самъ виновать, подумалъ я, переліялъ матеріялу. По объѣдъ собралъ съ десятокъ письменныхъ душъ, поставилъ передъ ними цѣлое ведро горька и говорю: вы, братья, народъ разумный, не пара намъ дуракамъ. вы часто въ письмо глядите и знаете, что тамъ до чего поставлено и что за чьимъ руку тагнетъ, дайте совѣтъ и помощь въ такомъ дѣлѣ. якъ оно будетъ?... „А будетъ такъ, якъ Богъ дастъ,“ отвѣчали они. — Разумно сказано! сейчасъ видно птицу по лету, додалъ я. Выпили они по два, по три михайлики, а все молчатъ; смотрю: пьютъ уже по десятому, я вспомнулъ сердечныхъ характерниковъ, что до сихъ поръ храпятъ подъ валомъ, и сказалъ: а что же, Панове, якій будетъ совѣтъ? якъ разрѣшите дѣло? — „Ось, что я тебѣ скажу, Никита,“ пачалъ одинъ: „а что я скажу, такъ и будетъ; вся Сѣчь знаетъ, что я найрозумнѣйшій человекъ.“ — „Куда ты найрозумнѣйшій? Я найрозумнѣйшій,“ сказалъ другій. — „Вы дураки; я найрозумнѣйшій,“ вскричалъ третій, четвертый — и такъ подпаяли межъ собою письменныи души споръ, крики, сварню, якъ ваши перекупки на базарѣ въ Гетманщинѣ. Не успѣлъ оглядѣтись, подслухатись, а они уже одинъ другого за чубы; посварились, накулаковались, мовъ пѣтухи весною, и пошли до кѣрена позыватися; пропала только моя горька!... А тутъ уже вечерѣетъ, такъ я пошелъ до Панъ — Отца. Панъ — Отецъ мене выслушалъ и говоритъ: „дѣло, брате, важное, не выскочити Алексью отъ смерти!“ — Будьто, батьку, ніякъ не можно спасти? спыталъ я. — „Неможно,“ сказалъ Панъ — Отецъ:

„такій законъ на Сѣчи. Правда, коли найдется женщина, которая захотѣла бы изъ подъ топора или мотузка прямо вести преступника въ церковь и съ нимъ свѣнчатись, то его простать; но кто захочетъ опозорити себе? та и где возьмется на Сѣчи женщина? Люди въ старину нарочно сдѣлали такій законъ; знали, что женщины ни откуда взатись.“ — Ось и все тутъ, брате Алексью!... лихо!”

— „Лихо. Никита! Видно на то воля Божія! А все таки спаси — Богъ тебѣ. Господь тебѣ заплатитъ за твое стараніе.“

„Такъ, я выйду за Алексью!“ почти вскричала Марина: „я скажу передъ всѣмъ народомъ, что...“

„Опять свое. Что ты скажешь? Сама заварила кашу, та хочешь и росхлебати... Не до поросятъ свинь, когда ю смалятъ... Молчада бы лучше, та Богу молилась... Прощай, Алексью!“

— „Куда ты?“

„Такъ скучно, брате, хотя въ воду кинься, скучно! цѣлый день поилъ дураковъ, а самъ ни капли въ ротъ не бралъ; напьюсь съ досады...“

— „Не ходи, Никита, поголкуй съ нами.“

„Съ вами теперъ толковати, лучше воду толчи: только утомишься; и вамъ веселѣйше въ двоимъ; наговоритесь, пока есть время.“

— „Куда жъ ты?“

„Повду съ гора до Варки въ корчму!..“

— „Что тебѣ за горе?“

„Грѣхъ пыгати, брате Алексью! Развѣ менѣ не жаль тебе? Чортъ васъ знаетъ, за что я полюбилъ васъ, самъ не доберу толку! Еще тебе, знаю, ты человекъ съ характеромъ, а то и ю полюбилъ... кто нибудь подслушаетъ, свѣзатись станеть, а ей Богу полюбилъ! Будь она козакъ, а я бы ю полюбилъ — а она баба, но ей-

Богу, характерная баба! — Тожь якъ вспо-
нию про васъ, про обонхъ, точно ста-
нетъ, якъ бы три дни не влъ... Прощай-
те! Тяжко душъ; чей успокоюсь, якъ...
якъ похороню васъ...” Никита махнулъ
рукою и вышелъ.

XIV.

Только Богъ святой знае,
Що Кошевий думаетъ, гадае Укр. пѣс.

Встало утро, тихое, свѣтлое, радост-
ное; на востоцъ показалось солнце, и на
встрѣчу ему повзлетали жаворонки съ ши-
рокой степи. взвились широко подъ чистое
небо, запѣли звонкую привѣтственную пѣ-
сню; въ садахъ отозвались кукулки, засви-
стала иволга; бѣлый бузъко, дремавшій надъ
гнѣздомъ на кровлѣ хаты, закинулъ на
спину голову и, громко клетая, съ лег-
ка приподнял ю и опустил до самого гнѣ-
зда, будто привѣтствуя тѣмъ наступающій
день. потомъ распустилъ свои широкии бѣ-
лыи крыла, поднялъ ихъ въ гору, и плав-
во отдѣлился отъ крыши вольными кругами;
поднимаясь все выше и выше, съ любо-
вью поглядывая на землю, на дѣтей своихъ,
протягнувшихъ къ нему изъ гнѣзда шейки.
Былъ веселый Божій миръ, а въ Свчи не
радостно встрѣчали свѣтлое утро. Сумно,
тоскливо сходился народъ на площадь; на
площади прохаживался рижій пласконосый
Татаринъ, въ червонной сорочцѣ, съ корот-
кими рукавами, въ червонной шапцѣ; лице
Татарина было блѣдо, измученно, но жи-
ластыи руки играли топоромъ. Ипогда Та-
таринъ дышалъ на свѣтлую сталь и внима-
тельно смотрѣлъ, якъ сбѣгало съ ней лег-
кое облачко, навязанное дыханьемъ, или о-
сторожно трогалъ пальцемъ остріе, при-
чемъ игопеленый, злыи усмѣхъ быстро мель-
калъ на узкихъ губахъ мусулманна. Ко-
закъ съ презрѣниемъ отвертались отъ Та-

тарина, даже скидали на землю жупаны, до
которыхъ онъ случайно дотрогался.

Передъ тюрмою вилась и щебетала вче-
рашняя ласточка, якъ и вчера тихо колеба-
лась на крышѣ одинокая травка; въ тюр-
мѣ Алексѣй и Марина лежали на козънахъ
передъ иконою и молча слушали наставле-
ній священника.

Но вотъ, роздался на площади глухой
громъ литавръ.

„Пора, дѣти!” поважно сказалъ священ-
никъ: „готовы ли вы?” Заключенныи взгля-
нули другъ на друга, вышли изъ тюрьмы за
священникомъ; четыре вооруженныи козакъ
шли за ними. Кругомъ безчувственно глядѣ-
ли суровыи лица Запорожцевъ; порою съ со-
жалѣниемъ кивалъ въ толпѣ черной чубъ,
порою сплывала по съдымъ усамъ старика
блестящая слеза; но старикъ сейчасъ же
отеръ ю и гнѣвался на себе, что былъ столь
мягкосердеченъ.

Передъ церковью Покрова, Алексѣй и
Марина пали на землю, молясь со слезами,
потомъ встали, отерли слезы и бодро, смѣ-
ло подошли къ подмосткамъ (руштованью), на
которыхъ стоялъ страшный Татаринъ, съ
топоромъ въ рукахъ, въ червонной сорочцѣ.

„Християнскіи души!” замѣчали въ толпѣ.

— „Характерныи души!” говорили
други.

Площадь была набита народомъ; нику-
да было яблоку упасти, якъ говорилъ Ни-
кита. Противъ подмостковъ, где былъ катъ
— Татаринъ, стоялъ на возвышеніи Коше-
вий, окруженный старшинами; въ толпѣ на-
рода, у самыхъ подмостковъ, былъ Никита.
Глядя на Никиту, можно было подума-
ти, что онъ для бодрости въ такомъ пе-
чальномъ случаѣ отъ досвѣта былъ пьяный.
Его очи страшно сверкали, иногда накло-
няясь къ своему товарищу, закутаному въ
кобенякъ (плащъ съ капшономъ), таинствен-

но шепталъ, громко кашлялъ и самодовольно опускалъ руки въ кишени своихъ широкихъ шараваръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОПИСЬ

Съ Коломыйскаго.

Dische sapientiam, quae mater est Justitiae.

„Изъ пыткаго думаня и дохоженя родятся ошибочныи мѣтнія,” сказалъ г. І. Лозинскій, и осудилъ пыткудумцами всѣхъ, которы только не соглашаются съ его мѣтніемъ. Однакожь о сколько остерегался онъ же самъ того пыткаго думаня и дохоженя. оказываеъ все то, что написалъ онъ доселѣ въ 64, 65, 78—82 ч. „Вѣстника” и 36 ч. „Зори Галицкой.” Самое ивѣйшее доказательство пыткаго думаня есть безсомнѣтельно противорѣчіе себѣ самому. И вопстиню, едва можно найти у котораго нибудь изъ нашихъ писателей, разсуждавшихъ когда либо о русскоиъ языкѣ или русскоиъ литературѣ, столь много противорѣчій, сколько встрѣчается въ реченныхъ статьяхъ г. І. Лозинскаго, не вспоминая уже о его прежнихъ противорѣчіяхъ! Не имѣя, мимо его возванія, подробно разбирати всякое сказанное нимъ изреченіе, мы укажемъ только главнѣйшіи погрѣшенія и противорѣчія, возродившіяся изъ пыткаго думаня.

И такъ: разъ говоритъ онъ, что не повстаеъ на удаванься въ потребѣ до церковнаго или иного (безсомнѣтельно польскаго и „наиблизшаго намъ російскаго”) нарѣчія, и, якъ то явственно изъ многихъ употребленныхъ нимъ, нашему народу непонятныхъ, словъ старорусскихъ (по его ошибочному мѣтнію болгарскихъ), самъ иногда весьма неумѣренно зачерпываеъ изъ тѣхъ

зерель,

Съ которыхъ Россіянинъ языкъ свой прозявелъ;

другій разъ гнѣвается на „Зору,” что и она беретъ

„...отъ старыхъ ово,

Чѣмъ передъ свѣтомъ прославилась,

А именно: тія слова,

Въ которыхъ наша жизнь и сила.”

и утверждаеъ (г. Лозинскій не Зора), что народъ нашъ слова тія (корени словъ, не слова сами) имѣеъ, безусловно отвергаеъ всѣми Русинами принятое правило, дополняти недостатки нашего языка старорущиною. Разъ желаетъ онъ, чтобы языкомъ научовымъ былъ исключительно языкъ нашето про-

стонародія и не хочетъ видѣти ніякого розличія между книжнимъ научовымъ а розговорнымъ простонароднымъ языкомъ; другій разъ, заглубившись въ практическіи изслѣдованія признаеъ потребу книжнаго, розличнаго отъ простой бесѣды, языка, и приводячи приѣмъ изъ исторіи развитія польскаго языка, утверждаетъ, что и польскій языкъ, ставшися книжнимъ, „былъ заразы розличнымъ отъ бесѣды на Шлезску и Великоиъ Польщѣ звычайной” (просто и ар а одной), соизволаеъ такожь и у насъ развиватися такому розличному книжному языку, однакожь „безъ нашего свѣдѣнія и намѣренія. Разъ сердится онъ на дописыватея „изъ Будина,” что тотже упрекаеъ „Вѣстникъ” за кованье новыхъ, угорскимъ Русинамъ непонятныхъ, словъ, и такитъ дѣломъ самъ не похвалаеъ словокованіе; въ другій разъ доказываеъ потребу кованья новыхъ словъ стихами Горациа; онъ самъ доказываеъ иногда правду своихъ словъ стихами Горациа, а въ иномъ мѣстцѣ упрекаеъ другихъ, что приводятъ въ такихъ же случаяхъ стихи Рикерта. Разъ нарекаеъ онъ на писателей нашихъ, которы употребляя сокращенныи формы (украинскаго нарѣчія), якъ: боюсь, колимъ, домой, дѣлатъ и пр. испорчивають по его мѣтнію „гармонію, мелодію, тактъ, словити цѣлый характеръ народнаго языка; другій разъ радуеъ тому, что нашему языку прибывають новыи формы на пр. боюсь. Онъ упрекаеъ „Ладу” за то, что она употребляеъ нѣкоторми чужестранныи слова, якъ: кармакъ, го-мѣйстерина, жилетъ, жеманство, кофѣйный и пр. (съ которыхъ въ „Зорѣ” нѣтъ ни одного), а самъ, пишучи будто языкомъ простонародія, пользуется многими, тому же народу непонятными словами, якъ: маяія, мелодія, тактъ, эпока, дипломатичный и пр., не подавая даже для простаго народа ніякого словъ тѣхъ изъясненія или словарца, якъ то въ нѣкотормъ оглошеніи похвалительно дѣлала „Лада,” котора переводила таковыи слова на польское, къ сожалѣнію, на польское, бо наши женщины лучше знаютъ нимаъ польскій языкъ, якъ свой матерній русскій. Г. Лозинскій узнаеъ потребу приводити для изобразенія житя верхомницевъ слова изъ ихъ (подкарпатскаго) нарѣчія, для представленія житя Козаковъ, хорошихъ слова украинскаго нарѣчія (въ котормъ естъ и ходитъ, дѣлатъ, и собой, домой, и сибѣтсь, беретсь, и боюсь, пужаюсь и пр.), ба, для описанія частей корабля, искусства плавбы, для бесѣды моряковъ совѣтуеъ онъ удаватися къ Русинамъ ажъ надъ Черноое Море; а не прійшеъ тамже лю-

гически на тую мысль, или лучше не сказалъ того откровенно, что для научныхъ предметовъ и въ сочиненіяхъ, опредѣленныхъ для просвѣщенныхъ людей, нужно употреблять слова, соотвѣтны такъ предмету какъ и читателямъ; хотя въ прочемъ отъ части въ полунучковой диссертациі своей самъ такіи слова употребляетъ. Г. Лозинскій предлагаетъ нынѣшнимъ Русинамъ тотъ русскій языкъ, которымъ говорили на дворахъ не только русскихъ князей, но также польскихъ королей, думая, будь то оба точнѣе подобны нашему народному; и въ томъ есть противорѣчіе, бо, если судити о дворскомъ языкѣ нашихъ князей и польскихъ королей изъ его письменныхъ памятниковъ, то русскій языкъ тѣхъ дворовъ различался другъ отъ друга стократно больше, нежели различается языкъ Будиского дописывателя или нашего историка Петрушевича отъ языка дописи г. Лозинского. Къ тому можемъ г. Лозинского увѣрити, что онъ самъ ни однимъ изъ тѣхъ дворскихъ языковъ не пишетъ и бо истину не радъ бы даже писати. Г. Лозинскій взываетъ всѣхъ австрійскихъ Русидовъ; чтобы такъ писали, какъ пишетъ „Вѣстникъ“; а самъ иногда ни слога ни даже правописи его не наблюдаетъ, какъ то явственно изъ подлинной дописи его помѣщенной въ 36 ч. „Зори Галицкой“. Тамъ пишетъ онъ: вИтИкальемъ, смИсленныи, пазИвають, иИсли, форми, вИродИхъ, правдИслячого и пр., когда напротивъ въ „Вѣстнику“ въ такихъ случаяхъ стоятъ майже всегда правильно И; Г. I. Л. пишетъ вИпоВильемъ доВжность, доВжныи, когда всѣ русскіи писатели и также „Вѣстникъ“ приняли въ тѣхъ случаяхъ вмѣсто народнаго В книжное Л, яко и самъ г. Лозинскій въ противорѣчіе той своей безправильности не пишетъ никогда ходИвъ, держАвъ, но ходИлъ, держАлъ; онъ пишетъ разъ ошибочно: вИжши цѣнять, другій разъ правильно: лучшЕ было, разъ писателИИ, другій разъ писателѢВъ разъ чулжу, другій разъ (въ 64 ч. „Вѣстника“ отчуждило (вмѣсто правильного отчудило); онъ пишетъ: говорѣти, какъ народъ говорѣтъ, но такъ народъ не говорИтъ! Онъ пополнилъ даже яко грамматикъ великую грамматическую ошибку, яку не найти уже ни въ одной русской книжцѣ, онъ написалъ: въ каждИиъ россійскиИиъ словарѣиъ находятъ. Правда, г. Лозинскій сознается, что нѣтъ у него той зарозумѣлости, дабы свой языкъ (и разумеется свою правопись) за наилучшій представлялъ, „бо при улонности людской, и начинающей развивати словесности нашей никто совершенностей похвалити-

ся не возможе;“ однакожъ г. Лозинскій имѣетъ славу русскаго грамматика, г. Лозинскій выступилъ съ настрожшимъ судомъ противъ языка другихъ нашихъ писателей, онъ распочалъ на ново, уклоненную уже почти, борьбу за азбуку, онъ рѣшился вести ю со всѣми нашими известными языкоговорами, бо выступилъ противъ ихъ основному мнѣнію, онъ напередъ упоминалъ своихъ литературныхъ противниковъ, чтобы не писали пустое, упоминалъ словами: *verba volant, ast scripta manent*; не свободно ли съ другой стороны и намъ желати отъ него, чтобы къ азбучной борьбѣ той приступалъ вооруженный лучшимъ знаніемъ языка, чтобы не надѣвалъ на себе пестрого одѣяна безконечныхъ противорѣчій, чтобы или сотворилъ себѣ, яко нѣкій реформаторъ, кую нибудь свою собственную, но на логическихъ правилахъ основанную, правопись, или употребляя словенскую правопись „Вѣстника“, наблюдалъ ю точнѣе и не дѣлалъ касательно ней и касательно грамматики такіи ошибки, якіи подчеркиваются въ письменныхъ заданияхъ ученикамъ въ самыхъ низшихъ школахъ. Если не вымогаемъ того отъ тѣхъ ч. нашихъ братьевъ, которы по недостатку времени или способности, не приучились еще донимѣ наблюдать съ точностію правила принятой всѣми словенской орфографіи: то необходимо требуемъ сіе отъ известнаго грамматика, который предпринялъ учити всю австрійскую Русь, какъ ей писати подобаетъ. Въ противномъ же случаѣ пытаемъ, кто удостоитъ такъ противорѣчающаго себѣ учителя уваженіемъ, и кто за достойно почтитъ съ такъ безсильнымъ литературнымъ противникомъ сражаться?

Закѣмъ приступимъ къ дальшему разбиранию дописи г. I. Лозинского, въ 36 ч. „Зори“ помѣщенной, хочѣмъ застановитись надъ тѣмъ, чего vlastиво г. Лозинскій желаетъ? Помимо противорѣчій, на якіи мы въ известныхъ дописяхъ его указали, можемъ однакожъ съ приблизительнымъ правдоподобіемъ заключити, что онъ не желаетъ для насъ такого книжнаго языка, якоимъ пользуется всякій образованный народъ въ свѣтѣ, т. е. такого, который своимъ высшимъ слогаемъ и научными словами различается отъ простонародной бесѣды; то явственно также изъ его словъ: „нашѣреніе и стремленіе мое есть писати чисто народнымъ (т. е. не смѣшеннымъ со старорусскими или иного новословенского — съ изытіемъ польскаго — нарѣчіи словами) „русскимъ языкомъ, и по той воли, додаетъ онъ, „извольтъ мя судити. Мы выскажемъ

яснѣйше его желаніе: онъ хочетъ, чтобы о всѣхъ предметахъ, будь научныхъ, будь ненаучныхъ, будь практическихъ, будь отвлеченныхъ (абстрактныхъ, являя по строгому сужденію есть всякая наука, Wissenschaft), писати простонароднымъ языкомъ: онъ хочетъ, чтобы такимъ дѣломъ въ научныхъ нашихъ подвигахъ имѣлъ самое большее участіе и добрый шагъ, но бѣдный черезъ свою темноту народъ, или чтобы учителя его подавали ему полными горстями свѣтло высшей науки въ простой его бѣдѣ, и вознесли его сей же часъ на тую просвѣщенія степень, на какой нынѣ сами стоять. Добрая то воля, похвалительное намѣреніе! И мы, когда были молодыми, имѣли ту же самую мысль, и мы такъ само мечтали, и мы бывали въ той Аркадіи! Такъ говорило тогда юношеское наше сердце, а практического розуму еще мы не совѣтовались. Мы думали: „Христосъ и Апостолы проповѣдали найвысшую мудрость простыми словами, и не заставлялись, что Апостолы писали найобразованнѣйшимъ книжнымъ греческимъ языкомъ. Мы видѣли въ простонародной нашей бѣдѣ верхъ всего совершенства: и ю похвалили такоже нѣкоторымъ ученымъ, именно польскимъ, якъ „Баняке, Мицкевичъ, Мацеевскій, Раковецкій“ (и М. Грабовскій и Бѣловскій, знавшіи языкъ нашъ народный изъ прекрасныхъ украинскихъ пѣсень, или изъ средновековой польской его эпохи, или наконецъ только по наслуху: они захвалили намъ по многоразличнымъ видамъ и намѣреніямъ тое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, подварѣчіе польского языка: и многи съ насъ вѣрили имъ, или лучше вѣрили себѣ и своимъ силамъ. Искренніи любители малорусского народа стали писати съ перва только пѣсенки, сказочки, повѣстки, и простонародный языкъ доставлялъ имъ къ тому довольно выраженій. Они не думали тогда еще много о высшихъ наукахъ,— и найдучи знатокъ всѣхъ словенскихъ нарѣчій, глубоководный Шафарикъ, похвалилъ тѣмъ подвиги нашихъ и украинскихъ писателей слѣдующими, многоважными словами: „Въ новѣйшемъ времени начали нѣкоторые любители матерьяго нарѣчія сочиняти и издавати пѣсни, повѣсти и нынѣ забавныя творенія въ простой, чистой, милосердующей малорусинѣ, что яко особенность, въ томъ своемъ обмеженіи, единству литературы невредящая, всегда свою хвалу имѣетъ.“ (Slov. Narodopis v Praze. 1842. str. 28). „Въ томъ обмеженіи, сказалъ патриархъ словенской литературы, великій Шафарикъ,— и мы сперва словъ его непонимали; мы думали еще въ 1848

г., что даже и для научныхъ предметовъ и для высшихъ понятій довольно будетъ того одного милосердующаго, простонароднаго языка, и съ цѣлымъ жаромъ русскихъ народолюбцевъ приступили мы къ переводу научныхъ сочиненій, писанныхъ въ которомъ изъ образованныхъ языковъ, преимущественно въ нѣмецкомъ.— И чтоже? ото явилось, что въ простонародныхъ нарѣчій нашихъ недоставаесть словъ для высшихъ понятій, для наукъ; что въ нихъ суть только корни, зароды, а нѣтъ развитыхъ, полнорѣчивыхъ словъ, которыми бы ясно и полно высказати можно отвлеченныя мысли; нѣтъ строго научныхъ выраженій (терминовъ); бо и откуда могли бы они у народа взятись, коли онъ столько вѣковъ пребывалъ безъ тѣхъ наукъ, коли столько вѣковъ языкъ его не образовали ученые, коли онъ позабылъ умную бѣду нашихъ Предковъ! И тогда поняли мы Шафариково: „въ томъ своемъ обмеженіи! Мы стали раздумывати надъ собою, стали раздумывати, якъ бы тотъ недостатокъ нашъ заполнить: по теоріи были различныи межъ нами голоса и мнѣнія, но въ практикѣ рѣшились всѣ безъ изытія удаватись о помощи къ старословенщинѣ, или лучше къ старорусскому, Предковъ нашихъ образованному, языку, отъ котораго уже давнѣйше заимствовали мы глубоководную, на самыхъ неопровержимыхъ началахъ основанную, правопись. Съ того времени отдались мы съ большимъ приближеніемъ изученію церковнаго языка, познани близше тотъ драгоценный скарбъ, влюбилась цѣлымъ сердцемъ въ тую священную и единственную спадщину нашихъ любезныхъ Предковъ, и выбирая изъ того неисчерпаемаго жерела превзобильныи, многорѣчивыи слова, приоровляя тѣмъ же къ духу малорусского, и исправивши по его правильнымъ видамъ нѣкоторыи исперченныи формы нашего народнаго необразованнаго языка, мы наполнили отъ части и безпрестанно заполняемъ наши недостатки, украшаемъ языкъ нашъ и возношаемъ его на ровную степень съ другими, дѣлаемъ его книжнымъ, и дѣлаемъ то со свѣдѣніемъ, съ намѣреніемъ! Съ каждымъ днемъ видѣли мы передъ собою, якъ наша нынѣшняя литература, развиваясь на народной почвѣ и насыщаясь здоровыми соками литературы нашихъ Предковъ, стремится безпрестанно къ тому, чтобы съ сею послѣдною составить одно цѣлое, крѣпкое, самыи Богомъ предназначеное, единство. И высокое Правительство, велѣвши преподавати въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій, св. Псалмы, Слово о полку Игоревѣ, Нестора, пол-

помогаетъ тѣмъ само развитію такого наукового языка, и выдавая ежечасно школьнымъ учебники, составленные въ книжномъ малорусскомъ языкѣ, похваляетъ и укрѣпляетъ то наше литературное стремленіе.

Вотъ вамъ въ короткихъ очеркахъ раскрыто начальное развитіе нашего книжного языка, который употребляютъ, съ малозначными отиѣнами въ правописаніи или нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ, всѣ наши малорусскіи писатели, всѣ наши временописцы, и „безъ свидѣнія и намѣренія“ даже самъ г. І. Лозинскій.

А однакожь г. І. Лозинскій выступилъ неприяно противъ тому нашему литературному стремленію, и вмѣсто, чтобы, какъ намѣрялъ онъ, критиковати (т. е. разумно разбирати) его основаніе, и съ честію говорити о противномъ другихъ, заслуженныхъ людей, мѣшталъ, обругалъ онъ всѣхъ не много иначе отъ него пишущихъ русскихъ литераторовъ, о чемъ, понеже нынѣшнее письмо мое пространствомъ своимъ вышло уже за предѣлы обыкновенной временописной дописки, изволить меня ч. Редакція сказать нѣсколько словъ въ будущемъ.

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Въ Будинѣ печатаются современно стараніемъ многозаслуженного о нашу литературу Пряшевскаго Крылошанна, А. Духновича, русскій „Молитвенникъ съ тропарями и пѣснями;“ нынѣ также вышедшіи книги, какъ: „Хлѣбъ души“ (два изданія) и „Литургическій катихисисъ цѣлкомъ рукописнымъ, такъ что не найти одного экземпляра въ книжныхъ лавкахъ угорской Руси.

-- Сочинитель „Цвѣтнаго Кошечка,“ г. С. Яновичъ, преподаетъ въ Пряшевской гимназій русскій языкъ.

— Въ Познанѣ вышло сими днями важное сочиненіе славнаго польскаго историка Лелевела: „Народы въ словенскихъ земляхъ передъ началомъ Польши.

— Славная угорская родина Зринскихъ (Зринихъ) имѣла межъ своимъ членами также одного словенскаго поэта. Въ цѣсарской Вѣденской библиотекѣ нашелъ тамошній архиварь г. Кукулевиць рукописную поему подъ заглавіемъ: „Сирена адрианскаго моря,“ составленную гр. Петромъ Зринскимъ.

— Оставшіи, доселѣ неизданныи сочиненія умершаго недавно въ Парижѣ астронома Араго, закупили два книгопродавцы за 100.000 фр.

— Англійскіи литераты пользуются дуже великими пѣняжными доходами; такъ, извѣстному писателю Боу-Дейкенсу принесла найновѣйшая его повѣстка 300,000 р. срб.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Дня 20 с. м. яко въ день св. Михаила, возносили Львовскіи Русины во всѣхъ церквахъ искренніи молитвы къ Небесамъ за многолѣтствіе и благоденствіе нашего Преосвященнѣйшаго Архипастыря, Митрополита и Примаса всея Галичины, Михаила, благодаря Всевышняго, что соизволилъ Ему доспѣти такъ многолѣтнего вѣка и сохраняетъ Его во здравіи и крѣпкихъ силахъ для блага св. Церкви и нашего Отечества. Якъ ежечасно, такъ и нынѣ не преминули прилѣжными питомцы здѣшняго сѣменища поздравити въ тотъ священный день своего Архипастыря доброжелательнымъ стихомъ, который отличается содержаніемъ и красотою слога.

— Съ достовѣрныхъ жерель узнали мы, что Его высочество, архикнязь Кароль Людвикъ прїѣдетъ до Львова въ первыхъ дняхъ Декабря с. г. Здѣшніи жители ожидаютъ прїбытія Его съ радостію и наилучшими надеждами.

— Число ежегодно умершихъ жителей въ Англій стоить къ числу живыхъ въ такомъ отношеніи якъ 1: 46 (т. е. изъ 46 людей умираетъ въ году одинъ); во Франціи якъ 1: 20; въ Россіи якъ 1: 27. Такимъ дѣломъ наименьше людей умираетъ въ одномъ году въ Англій, что тѣмъ удивительнѣе есть, якоже тамъ находится премного мѣстъ фабричныхъ, где обыкновенно люди не живутъ долго. Но тотъ недостатокъ вознаграждается въ Англій значительнымъ числомъ заможнаго сословія земледѣльцевъ, якого не найти нынѣ въ никакой державѣ, и отъ того слѣдуетъ, что число умершихъ бываетъ тамъ сравнительно меньше, якъ въ иныхъ краяхъ, где земледѣльцы не живутъ такъ добраго быта.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дна 19 Нова.
 Акціи н. червоонецъ 21 1/2
 „ серебра 15 1/2

Слѣдуетъ число 38 „Почетній Церковныхъ.“

Изданіемъ и типою Института Ставропигіянскаго.
 Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Андрицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточною получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЧЕГО НАМЪ НЕДОСТАВАЕТЪ ?

(Подражаніе Коляру.)

Все имѣемъ, вѣрте братія
И друзья мои, что украшаетъ
Ужъ и сердце, и что насъ ставляетъ
На высоку степень житія :

Правдѣвъ языкъ, и красныя
Пѣсни, что народъ нашъ сохраняетъ,
Главы. руки; лишъ намъ недостаетъ
Просвѣщенья и согласія!

Дайте тѣмъ намъ, и мысль одну
А словесность наша будетъ нынѣ,
Кая не бывала въ старину :

Межъ нѣмецкой и греческою
Станетъ тая русска въ среднѣхъ,
И прославить Отчину свою!

Богданъ А. Д.

ВЫШНЕВЫЙ КУСТЪ.

(Басня.)

Вышневыи кустъ росъ во углу,
И не давалъ уже два дѣта

Не только что плодовъ — ни даже цвѣта!

„Что такъ ты невеселъ?“ сказалъ другій ему;

„Что ты стояшь такій и вялый, и безсильный?“

„Ахъ приносилъ бы я плодъ зрѣлый и обильный,
Когда бы дали мнѣ на солнцѣ жити;

Я въ холодѣ, въ тѣни, съ крапивою въ сосѣдствѣ,

Не на своемъ я тутъ посаженъ мѣстцѣ,

Не можно въ той глушѣ мнѣ и силъ развить!“

Дж.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевскій.

Начальное опустошеніе Дорогичина свирѣпыиъ Тройденюиъ вооружило Русь противу Литвы. Озлобленный Левъ просилъ помощи у Татаръ: Ханъ Менгу — Тимуръ прислалъ къ нему воеводу своего съ Татарами, Романа Брянского съ сыномъ Олегомъ и иными Заднѣпровскими князьями, „ибо говоритъ летопись, всѣ князья были въ волѣ въ Татарской.“ (Ипат Лѣт. 205.) Намыреніе Львово, истребляти враговъ врагами не осуществилось; союзники князья поссорившись въ походѣ, и достигши едва Новгородка Литовского, не хотѣли ити далѣе въ Литву; Татары на возвратномъ пути опустошили отечество наше, такъ что современный летописецъ повѣствуя о томъ произшествіи, былъ принужденъ въ предостереженіе потомства замѣтити, что дружба съ невѣрными, не лучше брани (1274.) 99.)

99.) См. Троицкая Лѣт. у Карам. И Г. Р. Т IV. стр. 150. Въ описаніи того похода Волынской Лѣ-

Около сего времени появилось на северозападныхъ предѣлахъ Владимірскаго княжества, новое съ Литовцами родственное племя т. е. Прусы и Борты, которые сильно тѣснили Нѣмецкимъ Орденомъ, искали убѣжища у Тройдена, поселившаго ихъ въ городахъ Городнѣ и Слонымѣ: такое близкое сосѣдство ихъ не нравилось Русскимъ князьямъ. — Владиміръ со Львомъ взялъ за то у Тройдена города Слонымъ, Турійскъ и села на рѣцѣ Нѣманъ, Тройденъ же опустошилъ окрестности новопостроеннаго Каменца (1276) 100.) Хотя теперь русскіе князья заключили были миръ съ Тройденомъ, однако гордый Ханъ Татарскій Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ могольскаго оружія въ Литовской земли, прислалъ въ самую позднюю осень своихъ пословъ, говоря имъ: „мы постоянно жалуетесь мнѣ на Литву; вотъ я вамъ даю рать и съ нею воеводу Мамшея, пойдите же съ нимъ на враговъ своихъ.“ Владиміръ, Мстиславъ Даниловичъ и Юрій Львовичъ ходили снова безуспѣшно съ Татарами на Литву, и когда послѣдніе опустошали окрестности Новго-

топью, упоминается южная часть Литвы подъ именемъ Польска (Ипат. Лѣт. 206.), какъ до сихъ поръ еще южная часть прежняго Воеводства Мяскаго и Брестолитовскаго именуется, съ раздѣленіемъ на Волинское и Литовское Польсье.

100.) Такимъ образомъ южная страна древняго воеводства Мяскаго и Троицкаго, стала быти позднѣе населена Литовцами уходящими предъ мечемъ Нѣмецкаго Ордена, тѣмъ болѣе, что таа часть земли русской для частыхъ стычекъ Руси и Литвы, была мало заселенна. Русскіи князья Владиміръ и Левъ кажется опасаясь такового колонизованія русской земли Литовцами, взяста ѳ, а быша земля не подѣдали. Ипат. Л. 206. О первоначальномъ русскомъ народонаселеніи упомянутыхъ странъ свидѣтельствуютъ русскіи названія тамошнихъ городовъ и деревень. Память Пруссовъ сохрани-

родка, русскіе князья осаждали Городно: но та и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Городенскіе Прусы захватили были даже въ нечаянномъ нападеніи лучшихъ бояръ Галицкихъ и только предложенный честный миръ съ стороны Русскихъ освободилъ ихъ изъ плѣна (1277). Тотъ походъ русскихъ князей съ Татарами не сдѣлалъ кажется великаго урона Литвѣ, ибо съ слѣдующимъ годомъ опустошали Литовцы съ Ятвягами, въ великой силѣ, окрестности польскаго Люблина. Князь Мазовецкій Конрадъ мста Ятвягамъ за опустошеніе Польши пограбилъ подъ своимъ городомъ Полтускомъ русскія лоды съ хлѣбомъ отправившіяся изъ Берестія р. Бугомъ и Наровою въ Ятвязскую землю 101). Владиміръ не получивъ

лась до нинѣ въ названіи городка Прушаны (Prusany ср. Прузи Ипат. Лѣт. 207.) въ повѣтъ Городенскомъ. Впрочемъ русскословенская земля смежная съ областью населенной настоящими Литовцами называлась такожъ Черною Русью, обвиная въ себѣ прежне воеводство Литовско-Новгородское съ частью Троицкаго (около Городка) и Мяскаго; хотя названіе Черной Руси употреблялось нѣкоторыми географами и для древней Московской Руси.

101.) Ипат. Лѣт. 207. „Господине княже Володимере! (говорили Ятвязскіе послы прося хлѣба у кн. Владиміра Волинскаго) прѣхали есмь къ тобѣ ото всихъ Ятвязъ, надѣючесь на Богъ и на твое здоровіе; господине, не помори насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое продать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, воскуль, бобровъ ли, черныхъ ли куль, серебряль мы ради дамы.“ Приводя часто выписки изъ русскихъ Лѣтописей, желалъ бы я такожъ обратити вниманіе нашихъ полурусскихъ грамотѣвъ на русскій языкъ XIII столѣтія, особенно на нѣкоторыя слова и формы его, которыя кажутся имъ быти странныя, получивъ отъ нихъ ложное названіе словъ и формъ московскихъ, російскихъ... Дѣлаемые

никакого удовлетворенія отъ Кондрата, во-
евалъ его волости съ сей стороны р. Вис-
лы и принудилъ Мазовецкаго князя проси-
ти у него мира (1279).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

(Продолженіе.)

Осужденныи, подошедши къ подмосткамъ,
низко поклонились Кошевому и всему на-
роду. Никита значительно посмотрѣлъ на
своего товарища, закутаннаго въ кобе-
някъ, мигнулъ ему усомъ и наконецъ тол-
кнулъ локтемъ подъ бокъ; товарищъ сто-
ялъ, якъ статуя.

„Вотъ, братья...“ началъ было Никита,
но сейчасъ замолкъ, его молчаливый това-
рищъ ровнымъ крокомъ выступилъ на пло-
щадку, поклонился народу, снялъ шапку и
опустилъ изъ плечей кобенякъ. Народъ съ у-
жасомъ подался въ сторону: на площадкѣ
стояла женщина.

„Урожай на бабъ въ то лѣто!“ замѣ-
тилъ кто-то въ толпѣ.

Блѣда, дрожащая стояла сія женщина
роспустивши по плечамъ долгиі каштано-

выми упрёки русскому языку и заслуженнымъ
русскимъ писателямъ, носятъ на себѣ рѣзкіи
отпечатокъ грубого невѣжества и пристрастія.
Незная различати языкъ русскій отъ его мно-
гочисленныхъ нарѣчій, не вѣдаютъ они даже о
томъ, что когда именемъ кончающимся на скій
надобно означати языкъ извѣстнаго народа или
издѣлія его искусства, тогда имя тое произ-
водится отъ имени народа, а не отъ имени
земли, въ которой живетъ народъ, потому что
говоритъ и дѣйствуетъ народъ а не земля. Та-
кимъ образомъ не слѣдуетъ говорить: языкъ
Россійскій, Франціискій, Данійскій и т. п.,
а языкъ Русскій (отъ Руссы или Русь),
Французскій (отъ Французъ), Датскій (отъ
Датчанинъ).

выи косы, съ легка повела очина надъ пло-
щадію и остановилась на Алексѣя. На разъ
лице ей розгорѣло, очи заблестали, руки
вытянулись, и рѣшительныйи голосомъ ска-
зала она: „Волею или неволею я возьму у
смерти Алексѣя Поповича; хоть падутъ на
мене грѣхи его, а отвѣчу за нихъ Богу.
Алексѣю, обвини мене, жену твою.“

„Ай, Тетьянна!“ сказалъ въ толпѣ мо-
лодой козакъ. — И все утихло.

Въ якой-то торжественной красотѣ сто-
яла передъ Алексѣемъ Тетьянна, сознав-
ши въ душѣ всю цѣну своей заслуги пе-
редъ любимымъ человекомъ; ей очи бле-
стали, лице горѣло; полная, круглая грудь
высоко поднималась.

Алексѣй молчалъ; толпа притаила ды-
ханье.

„Хочешь ли ты, вмѣсто смерти, об-
ручитись со мною?“ сытала Тетьянна; но
уже голосъ ей дрожалъ, прежняя блѣдность
скоро сгонила съ лица румянецъ.

Алексѣй поглядѣлъ на Тетьянну, по-
далъ Маринѣ руку — и смѣло взойшелъ
на подмостки. Никита плюнулъ и махнулъ
обоимъ руками; Тетьянна шатаясь упала на
землю.

„Молодецъ! отказался!“ раздавалось въ
толпѣ: „характерно, чортъ возьми! и пога-
ная Тетьянна хотѣла его взяти за мужа!
хотѣла извести добрую душу! прочь съ ба-
бою! гоните ю палками, коли не хочеть
прогулятись межн небомъ и землею...“

И съ посмѣшками и толчками толпа пе-
редавала съ рукъ на руки Тетьянну. На пло-
щадкѣ поднялся шумъ и говоръ. Уже не вид-
но стало Тетьянны, а толпа все еще вол-
новалась и только замолкла, когда Коше-
вый взмахнулъ булавою.

„Тише!“ раздавалось въ толпѣ: „Ко-
шевый проситъ слова.“

— „Войсковый Писарь Алексѣй Попо-

вичь нарушилъ законы нашего товариства,” сказалъ Кошевой: „то вамъ вѣдомо.”

„Вѣдомо, вѣдомо!”

— „Старшины войсковыи и рада присудили Алексѣя съ его искусителемъ, Мариную, укарати смертію, хоть Алексѣй и вѣрно служилъ войску и въ ніякіи художества не мѣшался. — но законъ велить!”

Народъ молчалъ.

— „Что же вы, Паны товарищи, согласны?”

„Ничего дѣлати, коли законъ велить,” печально отвѣчали козаки.

— „Хорошо, хлопцы! знаменитыи рыцари вы есте! законъ прежде всего, а тамъ уже прочее... Зачѣмъ же мы до сихъ поръ беззаконно поступали съ нашимъ войсковымъ писаремъ? даже самъ я, каюсь за грѣхъ мой, я поступилъ беззаконно.”

„Не знаемъ, батьку.”

— „А я такъ знаю. Не должно ли всякому челоуку нашего товариства давати благородное рыцарское прозвище?”

„Должно, должно! якъ же безъ того?..”

— „Самы говорите; а якое достойное рыцарское прозвище дали вы своему собрату Алексѣю Поповичу?”

„Якое? извѣстно якое... Поповичъ.”

— „Съ тѣмъ же прозвищемъ прїехалъ онъ изъ Гетманщины; и то не прозвище: мало ли у васъ есть Поповичей. а все они титулуются по рыцарски: вотъ, передъ вами Лапоть, вотъ Чубарый.”

„Ось, и я, Максимъ Поповичъ изъ Чигирина,” отозвался одинъ козакъ: „а зовутъ мене Недоводкомъ, и за то Спаси-Богъ!”

„Тши!...”

— „Не шикайте, братья!” продолжалъ Кошевой: „не перебивайте хорошей бесѣды свободнаго козака; козакъ вольный говоритъ толковыи рѣчи. Такъ ось вамъ и

Недоводкъ, ось Брехунъ, ось Бродяга, а все они суть Поповичи. И якъ мило имъ носити добрыи имена; и посмотрите, якъ весело глядитъ на нихъ солнце. для того, что они законно живутъ на свѣтъ.”

„Правда, правда.”

— Самы знаете, братья, что правда; вы народъ розумный — а согрѣшили, не дали имени храброму козаку; за томоже быти, Богъ караетъ его и насъ разомъ, отнимая у Сѣчи характернаго козака.”

„А можетъ и такъ!...” сказалъ кто-то въ толпѣ.

„На правду такъ, дѣло ясное!” почти вскрикнулъ Никита и за нимъ нѣсколко голосовъ.

— „За что же мы оскорбили христіанскую душу?...” продолжалъ Кошевой: „не дали запорожскаго имени рыцарю-товарищу? Безъ имени овца — баранъ, говорятъ мудрыи люди... Но якъ же явится на свѣтъ добрый козакъ безъ законнаго прозвища? Грѣхъ намъ всѣмъ, великій грѣхъ! Готовились въ походъ на Крымъ, а забыли законъ исполнити.”

„Виноваты, батьку! что жъ намъ дѣлати?”

— „Дадимъ ему хоть теперь доброе имя, снимемъ грѣхъ съ души.”

„Добре, батьку! добре, дѣльно сказано! Якое жъ ему имя дати?...”

— „Вотъ послушайте, братья, моеи рады. Вамъ извѣстно, что Алексѣй Поповичъ самъ хотѣлъ умерти за наше войско, просилъ, чтобы его кинути въ море, лишь бы спасти наши головы, — исповѣдалъ передъ Богомъ, моремъ и нами, старшинами-товарищами свои грѣхи, и умилоствивилъ Бога своими молитвами и тѣмъ спасъ все наши чайки. Многимъ изъ насъ не стоить бы на площади, не думати бы о Сѣчи и о

нихайликъхъ безъ заступленія Алексѣя.“

„По вѣкъ не забудемъ того!...“ громко закричали козаки.

— „И хорошо дѣлаете. Такъ не назвати ли Алексѣя Поповича, во память избавленія чаетъ, Чайковскимъ? Якъ вы думаете?“

„Ты намъ батько. голова, ты думаешь. и вы думаетъ: да будетъ Чайковскимъ!“

Громкое „ура!“ отозвалось на площад; шапки полетѣли въ гору.

— „И такъ.“ продолжалъ Кошевий. поднявъ булаву. отъ чего народныи восклицанія утихли. „отъ нынѣ никто не смѣетъ подѣ смертною карою иначе назвати бывшего Алексѣя Поповича. якъ Алексѣемъ Чайковскимъ. Слышите. храбрыи рыцари?“

„Слышимъ. батьку! никто не смѣетъ!“

— „Теперь на прощанье не заспвайти ли намъ. братья. Алексѣю Чайковскому про Алексѣя поповича Пирятинского? Вотъ бы услышалъ человекъ въ послѣдній разъ нашъ козацкій. рыцарскій напѣвъ про свои добрыи дѣла для нашего воинства! Хорошо, братья?“

„Добре, добре!“ кричали козаки: „начинай Данило.“

И Данило кобзарь чистымъ ровнымъ голосомъ затянулъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камнѣ,
Ясневкій соколъ жалбно квилить, проквиле.

Мало по малу окружающіи принимали участіе въ пѣсни, и подѣ конецъ вся площадь слилась въ одинъ звучный, дикій, но стройный хоръ. Пѣсня видимо розжалобила Запорожцевъ...

— „Жалко доброго козака!“ сказалъ будто самъ себя Кошевий, когда козаки окончили пѣсню и стояли въ печальномъ раздуміи.

„Жалко, жалко!“ со всѣхъ сторонъ отозвалось въ народъ: „жалко, а дѣлати

ничего, когда законно...“

— „Еще, хлопцы, я прошу у васъ одной рады: войсковый Писарь, Алексѣй Чайковскій хочетъ женитись съ дочерію Лубенского Полковника Ивана. Полковникъ Иванъ одурѣлъ на старости и было признанъ думался; но его дочка знаетъ, что такое Запорожскій рыцарь, кинула отца и пришла на Сѣчь просити у товариства благословенія!... Согласны вы на то?“

Козаки въ недоумѣніи молчали.

— „Знаю, братья.“ продолжалъ Кошевий: „вамъ жалко лишитись характерной души. якъ Алексѣй Чайковскій, но надобно ему заплатити за заслугу. Онь общается всегда помогати намъ на войнѣ и дѣтей своихъ пришлетъ служити на славное Запорожье.“

Козаки любили Алексѣя и уважали за личную храбрость и непреклонный характеръ. и для того съ радостію согласились на его сватьбу.

„Ой такъ, собака нашъ Кошевий!“ кричалъ Пикита, розмашисто толкая товарищей: „доказалъ штуку!“

„Штука!“ говорилъ народъ: „и справедливо, и законно, и весело!“

„А для чего жъ я привезъ Татарина?“ спыталъ печально сѣдый козакъ.

— „Чтобы казнити Алексѣя Поповича.“ отвѣчалъ строго Кошевий: „найди его и прикажи казнити.“

„Да, найди его Дмитро!“ кричали козаки: „прикажи казнити! ось штука! дай Богу штука!“

„Смерть Алексѣю Поповичу, а шибже льта Алексѣю Чайковскому!“ гремѣла толпа, ломая подмостки и торжественно уводя Алексѣя и Марину къ церкви Покрова.

„Бійте для потахи поганого Татарина!“

Подмостки рухнули, и долго еще было видно межъ досками тѣло Татарина, оде-

тое въ червоную сорочку, когда народъ отойшелъ и окружилъ церковь, въ которой вычали Алексѣя Чайковского съ Мариною.

Послѣ вѣнца сейчасъ выпроводили новобранцевъ за ворота Съчи: тамъ старшины простились съ Чайковскимъ; Кошевой подарилъ ему пару добрыхъ коней и порядочный мышокъ дукатовъ. совѣтовалъ ѣхать на зимовникъ старого Касьяна и тамъ ждать вѣстей отъ полковника, общался пріѣхати къ нимъ на свадьбу въ Гетманщину и быти старостою.

Алексѣй и Марина были въ наибольшемъ восхищеніи; мы не беремъ радость ихъ описывать: суть минуты въ жизни, суть чувства, которыя не подлежатъ ніякому описанію, хоть они доступны майже всякому. Кто изъ насъ не понимаетъ въ полнѣ красоты и величія солнца, и кто изъ прославленныхъ живописцевъ изобразилъ его, хотя многіи изображали, изображаютъ и будутъ изображать?

XV.

Когда повхалъ Кошевой и старшины, Алексѣй съ Мариною, упавши на колѣна помолились Богу, обнялись, и повхали на зимовникъ старого Касьяна. И вотъ, они уже въ чистой степи; Съчь уже скрылась изъ виду; кругомъ зеленая пустыня — только земля и небо; по землѣ серебристою волною, будто море, лоснится степовой бурянь, когда вѣтеръ съ легка его заводнуетъ; на небѣ горитъ одинокое солнце. Тихо, пусто... но нашимъ путешественникамъ степь не казалась пустынею, ихъ души были полны внутренней жизни, сердца близко билась другъ подлѣ друга, имъ улыбался Божій міръ, и они улыбались глядя на него и пожимали себя дружно руки, якъ бы стараясь увѣрити себе, что се не сонъ, а истинное происшествіе. Счастье было надто великое, надто неожиданное...

На далекомъ небосклонѣ показалась черная точка; она, казалось, не росла, не уменьшалась, не двигалась въ стороны.

— „Уже не ворогъ ли то?“ сказалъ Алексѣй.

„Кустъ или камень,“ отвѣчала Марина.

— „Сколько я помню, тутъ не бывало ни куста ни камня! Въ прочемъ, посмотримъ.“ додалъ Алексѣй, остановилъ коня, поднесъ къ очамъ нагайку, и прижмуривши лѣвое око, долго смотрѣлъ правымъ черезъ пагайку.

„А что?“ спытала Марина, когда Алексѣй, опуская нагайку, сомнительно пожалъ плечами.

— „Не ростолюю, что бы то было, а вѣрно что живое; когда приложу нагайку, сходитъ немного въ сторону съ нагайки. Для чего жъ оно ни ѣдетъ къ намъ, ни уходитъ отъ насъ?“

„Можетъ быти, орелъ теребитъ заяца.“

— „Похожо на то; пріѣдемъ ближе, увидимъ.“

Чѣмъ больше подѣзжали они къ незнакомому предмету, тѣмъ больше точка увеличалась. яснѣйше обозначался образъ предмета, и вскорѣ легко можно было различити стоящего коня и возлѣ него въ заду челоуѣка. припавшого надъ чѣмъ-то на колѣна. Челоуѣкъ былъ въ однихъ шараварахъ и сорочцѣ; куртка и черкеска лежали въ сторонѣ на травѣ; засучивши рукавы по локоть, казалось, онъ что-то связывалъ или развязывалъ и такъ былъ занятъ, что не слышалъ, когда его конь, увидѣвши прозжающихъ, чутко выпрямилъ уши, вытянулъ шею и заржалъ въ полнѣ голоса: онъ ажъ тогда обернулъ свою голову, когда Алексѣй былъ отъ него на два кроки.

— „Никита!“ закричалъ Алексѣй.

„Да, Никита! Хорошо тебѣ выкрики-

вати! Посмотри, ось твоя работа." При томъ онъ всталъ, держа въ рукахъ окровавленный ножъ и показалъ имъ на лежащую мертвую женщину.

— „Бѣдная Тетьянна! чей ты ю зарѣзалъ Никита?...”

„По словамъ видно Гетманца! справедливый Запорожець не скажетъ того. Никита рѣжетъ Турка, рѣжетъ Татарина, и всякую нехристь, а бабъ не станеть рзати: ты убилъ ю своими быстрыми очами, та черными бровями, та солодкою бесядою!... Дурна была покойница, — а подумаешь — то и я дуракъ.”

— „Богъ съ тобою!...”

„Богъ со мною, всегда со мною, для того, что я христіанскій рыцарь, а все таки моя правда: дурно я сдѣлалъ, что повхалъ до Варки въ корчму: думалъ то разумно, а вышло дурное — думалъ тебе спасти, Алексью, а погубилъ добрую бабу!.. Я, видишь, якъ услышалъ отъ Панъ - Отца, что есть способъ тебе вызволити отъ смерти, отвелъ на сторону Тетьянну и розказалъ ей, въ якоѣ ты несчастіи находишься; гляжу, она поблѣднѣла, бѣдная, якъ полотно, вѣрно душею почувала близкій конецъ. Я вижу, что розжалобилъ Тетьянну и сталъ просити ю: спаси, ахъ, спаси войскового Писаря, коли мене любишь; черезъ тебе, говорю, пропалъ старый Писарь, — такъ, да черезъ тебе молодой поживетъ на свѣтъ! Якъ кинется она менѣ на шею, якъ стала цѣловати мене и говорить: „я тебе теперь такъ люблю, Никита, якъ никогда не любила; я пойду на Сѣчь, вырву Алексю изъ рукъ смерти!...” и опять кинулась цѣловати, менѣ даже стало якоś неспокойно, что дѣвка такъ мене любить, а будетъ твоею женою... Я пилъ всю ночь, прикинулся пьянымъ, оставилъ въ корчмѣ Крымское золото, и сползъ съ ногъ и сво-

его товарища Бурулку и Варку и ей сестриницъ, а по полуночи повхалъ домой; я подождалъ немного въ долинь недалеко оврага на Тетьянну; она вскорѣ пріѣхала ко мнѣ на Бурулкиномъ кони и въ его кобеляцъ; мы поскакали и раненько были на площади у подмостковъ, где гулялъ невѣрный Татаринъ, нахваляясь на твою крещеную голову... Что было потомъ, ты самъ знаешь... Гей! бѣдняжка! видишь, якъ ю вытягнуло! Жаль... весела была Тетьянна!”

— „Зачѣмъ же теперь ты здѣсь? что ты сдѣлалъ съ нею?”

„А что жъ? чей грѣхъ помочи христіанской души? Покойница хоть была баба, но все таки христіанка. Видитъ Богъ, якъ жаль менѣ стало, когда выгнали ю хлопцы изъ Сѣчи, хоть и я смѣялся надъ нею и толкалъ изъ политики якъ собаку. Хорошо еще, что на Сѣчи было много знакомыхъ покойницъ межъ молодыми козаками, тѣ ю и защитили: окружили, будто толкая, а самы все дальше и дальше выводили изъ Сѣчи, бо бы старики затолкали ю были на смерть. Съ начала бѣдная Тетьянна шла пошатываясь, спотыкалась немного, ворочая головою, будто человекъ, только — что вынырнувшій изъ воды, а потомъ ничего, обошлась, та привыкла. Вывели мя ю за ворота Сѣчи, и сказали: „убѣгай теперь на всѣ четыре стороны, теперь твоя воля.” Изъ политики никому невозможно было провожати ю, и притомъ всѣ торопились на площадь, узнати, что тамъ дѣлается. А когда я увидѣлъ, что дѣло пошло хорошо, и тебе повели вѣнчати съ Мариною, то и подумалъ: теперь Чайковскому и чортъ не брать; онъ счастливъ и счастлива его баба; теперь мене никто не видитъ, поѣду за Тетьянною; сѣлъ на коня, махнулъ по свѣжему слѣду, якъ собака за зайцемъ — и нашелъ ю тутъ!...”

— „Мертвую?...”

„Якъ бы мертвую? лучше бы мертву засталъ, а то сидитъ на травѣ, задумалась и смотреть на медный дукатъ, что висѣлъ у ней на шеѣ разомъ съ крестикомъ. Здравствуй, Тетьянна! сказалъ я: ждешь мене? — „Здравствуй, Никита.” отвѣчала она, „и не думала ждать!” — Зачѣмъ же сидишь тутъ, дурная баба? — „Бѣжала, Никита.” говоритъ она, „утомила, дуже утомила, сама отдохнути. А ты, зачѣмъ туга вздишь, дурный козакъ?” — Вольному козаку никто не запретитъ вздти куда ему хочется. Я прѣхалъ тебе провѣдати, моя уточка, и привезъ тебѣ хорошую вѣсточку: напѣ Алексѣй живъ, здоровъ и тебѣ кланяется. —

„То жъ то вы” закричала она: „отняли его у Кошевого? Ай, молодцы Запорожцы! розкажи же скорше, якъ то было.” И где взялась сила у покойницы! прежде ни жива ни мертва сидѣла, а теперь быстро вскочила на ноги, схватила за поводы коня и кричить: „розказывай!” Я розказалъ ей все якъ было; оставилъ, говорю, ихъ въ церковь... Гляжу, выпустила Тетьянна изъ рукъ поводы, поблѣднѣла, опустила руки, вытянулась, и смотреть на мене такъ страшно, будто съести хочетъ, а сама смѣется... Что съ тобою? спыталъ, я „А! старый дурень!” сказала она: „ты, менѣ такъ вѣсти носишь?... Мой милый, мой Алексѣй съ другою, а ты зачѣмъ тутъ?... Слухай пѣсню:

Ты думаешь дурню,
Что я тебе люблю,
А я тебе дурню,
Словами голублю!...

Понимаешь, Никита?... Я думала, онъ умеръ... Жаль было, душа болѣла, только я радовалась, что ни ей, ни менѣ не достался!... А теперь, охъ! сватъба!... свачи, гробъ!... Слышишь! поють:

Жукъ гудеть
Сватъба будетъ...

Слышишь?... поидежь, поидежь!... „Тутъ она залилась слезами, а я догадался, что кругомъ дуракъ; что она тебе, Алексѣю, любила, а мене голубила словами, и такъ горько стало, не для того, чтобы я любилъ ю, якъ тамъ Паны любятъ въ Польшѣ, а съ досады, что баба, та еще молодая, изведала мене. Турокъ не известь, Татаритъ не известь, а изведала баба!... Проспится, такъ перекрестнишься!... Немного поплакавши Тетьянна заговорила со мною, но я ничего уже не понималъ: то кланялась тебѣ, то цѣловала крестикъ и медный дукатъ на шеѣ, но глядя на дукатъ, вспоминала свою мать, просила у ней благословенія, потомъ запѣла свадебную пѣсню, — на разъ остановилась, будто кто ей ротъ заперъ рукою, и повалилась на землю! я къ ней — не дышетъ, очи отверты и не двигаются... Что будешь дѣлать? подумалъ я, ось въ прошломъ году въ походѣ совсѣмъ такое случилось съ моимъ гнѣдымъ, совсѣмъ издыхалъ конь и ноги откидалъ; посоветовали тогда люди пустити степную кровь — онъ и ожилъ. И теперь взялъ я ножъ, пустилъ Тетьянну степную кровь якъ пошла кровь дѣвическая порядочно, гляжу, вздохнула Тетьянна, повзла очима, посмотрѣла на мене и шепчетъ: „Прощай, Никита, кланяйся Алексѣю... и сними съ моеи шеи и отдай ему тотъ медный дукатъ; въ немъ, говорятъ, много силы, онъ...” и не договорила... Богу душу отдала. Я уже и тру ю сукошкою и горьку лью въ ротъ, ничто не помогаетъ, холодная якъ ледъ...”

— „Бѣдная Тетьянна!” сказалъ Алексѣй: царство ей небесное; добрая была душа! Что же ты, Никита станешь дѣлать?”

„Вырию саблю яну, сновлю молитву, и похороню небогу.”

— „И я поногу тебѣ.”

„А куда вы ѣдете?” спыталъ Никита.

— „На зимовникъ Касьяна.“

„Ось, что я тебѣ скажу: эдь ты съ женою своею дорогою; дорога тебѣ еще далекая: дай Боже за свѣтла добратись не заморивши коней; а якъ со мною еще простоишь часть, другій, то придется заночевати въ полѣ; козаку то въ полѣ ночевати — здоровья набывати, но ты не одинъ, съ тобою такая птица, что въ вечеръ и росы бонтя. Эдь брате Алексю, а я одинъ похороню Таньку, у тебе есть теперъ о чемъ заботитись... Прощай Алексю, и возьми дукать, что тебѣ оставила Танька.“

— „Богъ съ нимъ! Что она менѣ была? таки ничего. Зачѣмъ же я возьму дукать?“

„Отдай его менѣ Никита.“ сказала Марина: „она менѣ родная. она любила моего Алекся, а буду носить ей подарокъ... Ты менѣ отдашь его. Алексю?“

— „Бери. коли тебѣ хочется, мое золото!“ говорилъ Алексій, надѣвая на шею Марины спурокъ съ медною татарскою монетою, и глядя ей въ очи, полныи слезъ.

„А теперъ ступайте.“ говорилъ Никита: „не пристаю вамъ быти подлѣ мертвого. — Прощайте! да храпитъ васъ Богъ, и защищаетъ отъ напастей святая церковь Покваро...“

Алексій и Марина попрощались съ Никитою и быстро поскакали по степи, будто убѣгая отъ страшного зрѣлища смерти. Никита добылъ изъ ноженъ саблю, перекрестился и началъ копати могилу, напѣвая въ полѣ голоса:

„Вѣтеръ вѣетъ, трава шумитъ,
Въ степи лежитъ козакъ убитъ:
Не для него вѣтеръ вѣетъ,
Не для него солнце грѣетъ;
На голову, покрытую
Зеленою ракиною,
Ужъ свѣтъ воронъ, шумно кричетъ,
А вѣрный конь у ногъ плачетъ.
„Не кушанье, не медъ готовъ,

Менѣ, наконько трюбъ конай новъ,
Въ менѣ три доски сословны,
Четвертая кленовая!... (Прод. слѣд.)

ДОПИСЬ

Съ Коломійского.

Es ist die größte Ungerechtigkeit, wenn man Gesinnungen, die, von anderen Standpunkte aus betrachtet, auch gut, und unserem Gegner heilig sind, mit Hass und Spottworten angreift.

Geistl.

Мы уже сказали, яково есть властивое желаніе г. І. Лозиньского, мы похвалили добрую его волю, мы даже сознались, что было время, когда и насъ пѣняли мечтанія о простонародно-ученомъ языкѣ, но мы указали (отъ части словами самого г. І. Л.) непрактичность того противорѣчающаго себѣ мечтанія, и различивши языкъ научный отъ простонародного, воздали тому послѣдному съ ученымъ Шафарикомъ принадлежащую честь въ обмеженіи его на простонародной литературѣ, — и такимъ дѣломъ отдали мы съ нашей стороны честь его защитнику, г. І. Лозиньскому.

Но что же, пытаемъ, далъ намъ съ своей стороны г. Лозиньскій? — поруганія и нии: „перекличковъ, педлячмыхъ, выродныхъ сыновъ народа!...“ Правда, г. І. Л. извиняетъ себе въ 36 ч. „Зори, что онъ „не вытыкалъ при томъ случаѣ ничіей особы.“ и кинулъ свои порицанія только „на тѣ письма публичныи (т. е. одну книжку), въ которыхъ названъ нашъ языкъ простымъ, грубымъ, языкъ черни и пр., а плекатели его мрачныи изступленники, язкѣи невѣжды и пр.“, но се не подавало ему права порицати и тѣи письма публичныи (с. е. двѣ наши временописы), въ которыхъ подобныи выраженія доселѣ вовсе не находились; не подавало ему права обругати, высѣяти все то, что само по себѣ добро есть, а сердцамъ многихъ дорого и свято! — Мы не намѣраемъ вступатись тутъ за оного Писателя, который вѣистину не совѣтитъ прилично сказавъ вышеприведенныи слова въ поважнѣи своемъ историческомъ сочиненіи; Писатель сей есть человекъ со своимъ умомъ, онъ, навѣрно будетъ въ состояніи самъ за себе отвѣчати. Мы только скажемъ въ защищеніе его нѣскольکو такихъ словъ, якіи бы сказати собствениая его скромность и другіи обстоятелства ему не сонзволни, именно то: что онъ мужъ многозаслуженный на полѣ литературы не только нашей малорусской, но и польской и великорусской, извѣстный яко глубокосвѣ-

лучшій историкъ ученому свѣту такъ въ Австріи якъ и за границею, вѣковій человекъ, который говорил и трудился много въ пользу малорусского народа, и прославлялъ и очищалъ изъ калу зависти и предразсудковъ его исторію еще тогда, когда, не велика въ сравненіи съ поприщемъ его славы, посвященная часть Австрійской Руси о г. І. Лозинскомъ, о Зорѣ и Вѣстнику, и о Андрѣ Ивановичу К. еще ничего и не знала. Пытаемъ, свободно ли на такого человека, если бы онъ разъ и потянулся, обратити почестное имя „перекличника, невдячного, выродного сына народа? — того народа, для которого онъ посвящалъ всю жизнь юношескую и мужескій вѣкъ, для которого и нынѣ посвящаетъ всѣ дни трудовымъ, ночи бессонными старческихъ лѣтъ своихъ? Заслужилъ ли онъ на то имя и тогда, когда написалъ былъ Исторію Галичского Княжества въ польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, арабскомъ или даже хинскомъ языкѣ? О Гне Юсифъ Лозинскій! если уже у васъ и было великое отвращеніе къ тому языку, на которомъ заслуженный историкъ нашъ писалъ дѣло свое о древней Галичской Руси, если уже свободно вамъ было безъ никакихъ критическихъ разбираний назвати его Исторію „не Исторією а только матеріалами для Исторіи,“ если уже свободно вамъ было назвати нѣсколько нелѣпыхъ его выраженій въ простомъ вѣщаннѣ способѣ картанья „нечуваную безчельностію, заслѣпленною зарозумѣлостію: то никогда не имѣли вы права нарицати (не письма его, бо письма не „сыны народа, но) доброго, и сердцамъ многихъ драгоцѣннаго человека, честнаго старика, брата по матери Руси, „перекличникомъ, невдячнымъ, выроднымъ сыномъ народа!“ И солнце имѣетъ свои туманныя пятна, но никто не дерзнетъ за то противъ всему солнцу роптати; и первостепенными геѣми не разъ погрѣшаютъ, но никто не имѣлъ сердца предвѣщати имъ за жива, что о дѣлахъ ихъ и „слухъ загине!“ — Ото послушаемъ, якъ при подобномъ случаѣ, где одно мнѣніе ученаго Добровского оказалось подъ критикою глубоумнаго Шафарика невѣрнымъ, якъ сказалъ сей послѣдній о старшемъ отъ себе историкѣ и филологу все-словенскомъ: „ему (Добровскому) случилось тутъ въ преклонной старости то, что всѣмъ великимъ и взиошенимъ предметамъ къ вечеру свѣчаино приключастся; что долгу и велику тѣмъ по за себе кидають. Такъ говорити, значить говорити со связхожденіемъ, съ ненарушеніемъ чести другихъ заслуженныхъ людей, якимъ есть такоже — со мною

скажетъ вся Русь Австрійская — нашъ Денисъ Зубрицкій!

Но г. Лозинскій не удовольился тѣмъ, чтобы посрамити „письма публичныя, писанныя въ июль, ненавистномъ ему, словенскомъ языкѣ: онъ обругалъ такоже тѣмъ наши „публичныя письма, которыя правописею, слогами, и во обще цѣлымъ складомъ языка весьма малозначно розличаются отъ захваляемыхъ ими же самымъ твореній нашей малорусской литературы, тѣмъ письма, которыя никогда не допускатились напротивъ нашего простонароднаго языка якимъ либо поруганій. — Уже въ началѣ своея дописи, помѣщенной въ 64 и 65 ч. „Вѣстника,“ говоря о „невдячныхъ сынахъ народа“ указываетъ на нихъ приводячи имена: „Ивановичъ, Гавриловичъ, Федоровичъ, Онуфрисевичъ а т. д.,“ и высмѣиваетъ добрый обычай нашихъ Предковъ, сохраненный нашимъ простонародіемъ донынѣ, по которому благодарный сынъ принималъ къ своему крестному имени такоже имя своего отца съ законченіемъ на вичъ или овъ; тотъ обычай, егоже злоупотребленіе со стороны украинской шляхты справедливо высмѣивалъ когда-то славный повѣстеписатель Гоголь, введенный нынѣ на ново нѣкоторыми галицкими Русинами, ставшия дорогимъ и священнымъ, якъ всякое добро е наслѣдіе, для сердецъ многихъ, не имѣетъ самъ по себѣ ничего злого, и обвинители его не заслужаютъ вовсе Гоголевыхъ или — якимъ горьшихъ поруганій. Г. Лозинскій прорекаетъ съ остроумною насмѣшкою далыше, что „прійде часъ, же и московско-болгарска (эпока) не удержится, же може и Зоря иначе свѣтити начне, и модна Лада жежи боги утѣкне, и о иныхъ подобныхъ письмахъ слухъ загине“: а въ 65 ч. „Вѣстника,“ представляя за единственный образецъ (книжный, не якъ онъ думалъ, простонародный) языкъ Вѣстника, законовъ державныхъ, распоряженій и пр. пытается съ негодованіемъ: „чижъ и. п. Зоря и Лада коньче потребуе якогось иншого языка?,“ а приводячи сей же часъ слова изъ одного прилѣчанія въ Исторіи Гал. Ки., которую однакоже не цитуетъ, обращается непосредственно „потомъ къ якимъ — то „зарозумѣлымъ паничкамъ,“ и „каргаетъ ихъ за то вѣрно не отъ нихъ подходящее насмѣваніе слѣдующею желчи полною апострофою: „а вы зарозумѣлы панички и глѣдайтеся языка тоненького, мягонького, пѣщеного, кусого, якій бы вамъ до смаку припалъ, но на нашъ народный языкъ не клеветайте!.....“ Изъ приведенныхъ тутъ словъ г. Лозинского явственно, что „перекличникомъ, вырод-

внѣ сыномъ народа,“ не есть сямъ сочинитель тѣхъ „публичныхъ писемъ, въ которыхъ языкъ нашъ названъ простымъ, грубымъ и пр.“, но и всѣ наши братія, которыя употребляютъ внѣ ния по отцу съ законченіемъ на вѣчь, и тѣмъ „зарозумѣлымъ паничками“, подъ которыми вовсе не можно себя представляти сѣдоглавого старика, нашего Историка. Г. Лозинскій не именовалъ ихъ особы, то правда; но нужно ли тутъ еще именовать особы, когда поименно обруганы известныхъ же особъ произведенія? „Зоря“ и „Лада“ го два письма, которыя поставлены въ реченной дописи г. Лозинского въ противоположность съ „Вѣстникомъ“. Якъ сей послѣдній удостоился отъ него всякихъ похвалъ, всякой признательности, чей можетъ за то, что не пишетъ по забытой всѣми „Грамматикѣ“ Іосифа Лозинского, такъ двѣ первыя надѣлены отъ него всею недаскою, всѣмъ опроверженіемъ за тотъ же самъ вопіющій грѣхъ литераткн! Не беремъ на себе говорить за „Ладою“, которая о сколько различна была отъ „Зори Галицкой“ не только своимъ слогаомъ, но и весьма частымъ употребленіемъ словъ чужестранныхъ, знаютъ самыя ихъ Читатели, котору однакожь, яко третью русскую времечонисъ, яко юную подружку и по радушному выраженію Духиновича „корчилицу дѣвицъ русскихъ“, безсердечно было отсылати съ руганіемъ межн боги за то что не писала слово въ слово такъ само якъ Вѣстникъ, тѣмъ больше, что она сама прирекла нѣкоторымъ грѣхн исправити. Не намѣряемъ такожъ вступатися тутъ за „Зорю“, которая такъ своимъ многоцѣннымъ содержаніемъ, якъ своимъ русско-словенскимъ народолюбіемъ и правильностію русскаго слога сама себе наилучше противъ подобнымъ враждамъ защищаеть: мы вступася только за тѣхъ „зарозумѣлыхъ паничковъ“ г. Лозинского, которыя будто „на нашъ народный языкъ клеветаютъ“. Если, якъ справедливо, исключимъ отъ тѣхъ паничковъ нашего многолѣтн ого, заслуженнаго Историка, который одинъ въ жарѣ обуренія противъ нѣкоторыхъ ругателей старорусскаго языка („жертвой бабусъ“) ех regula пристрастныхъ поборниковъ противорѣчнаго фантома простонародно-науковаго бестды, сказали нѣсколько горькихъ словъ и противъ необразованному нашего народа языку, если, кажемъ, исключимъ отъ тѣхъ паничковъ сѣдоглавого Историка; то не встрѣтимъ больше въ ніякой у насъ изданной книжцѣ или выходящей донинѣ времечонисы подобныя руганія на языкъ народный. Если же такъ есть востину, то киненное на тѣхъ „заро-

зумѣлыхъ паничковъ“ (т. е. молодыхъ, трудолюбивыхъ, ударованныхъ людей, съ которыхъ большею частію состоитъ наша пишущая интеллигенція) обвиненіе о клевету на нашъ языкъ народный, есть обвиненіе о „ложно выдуманной вадѣ и блудѣ“, есть клеветою по дефиниціи самого же г. Лозинского!

И послѣ столь явныхъ доказательствъ оклеветанья нашихъ публичныхъ писемъ, или лучше ихъ сочинителей, сотрудниковъ и въ нѣкоторой степени даже любителей ихъ и покупищиковъ (кто бо выродныхъ сыновъ любить и вспираеть, тотъ и самъ недалекій отъ того, статися выродкомъ), послѣ такого обруганія всѣхъ нашихъ похвалительныхъ литературныхъ подвиговъ, самозволенныхъ и подкрѣпленныхъ в. Правительствомъ, желаемыхъ здоровымъ розумомъ и цѣлю высшего народнаго просвѣщенія, послѣ такого неприязнаго нападенія на друзей литератовъ, послѣ раздѣленія согласныхъ братьей на Болгаръ, и не-Болгаръ, на Москалей и не-Москалей, на переклячиковъ и не-переклячиковъ, на выродныхъ и не-выродныхъ, на волки и овцы, послѣ того всего — г. Лозинскій выпирается обруганія, закидаеть клевету тому, кто первый посмѣлъ на ню у него указать, и даже увѣраеть насъ съ рѣшимостію невинно преслѣдованнаго мученика, что онъ, „боронячи народнои справы, готовъ за ню и поруганія (отъ насъ, боронящихъ такожъ народную справу) терпѣти!“ О Гне Лозинскій! вы чѣрили для другихъ такъ несправедливою жѣркою, вы осуждали другихъ такъ строго, такъ безпомядно, а озлоблястесь за то, что люди дерзнули говорить о томъ вышемъ сужденіи, что обруганныя вами братья изрекли слово въ свое защищеніе!

Но пытаемъ еще, чего хотѣлъ г. Лозинскій тѣмъ пристрастнымъ противъ насъ выступленіемъ осягнути? Думалъ ли очъ, что своимъ „картаньемъ“ отвѣдетъ старика-историка, якъ тую несвѣдущую дѣтину отъ небеспечной съ огнемъ забавки, отъ противнаго ему мнѣнія, — или насъ отъ той природной, глубоковкорененной любви къ священному Предковъ нашихъ языку? Обруганіе и „картанье“ кажется намъ въ томъ случаѣ найнеустрѣйшимъ средствомъ! — Г. Лозинскій утверждаетъ, что „пишущи критику, имѣлъ право до картанья; но то доказываетъ, якъ низкое понятіе имѣлъ онъ тогда о критикѣ. Наилучшее понятіе о критикѣ, и о раздѣленіи ей въ практикѣ на два рода, изъявилъ, по нашему мнѣнію, любимецъ нашъ, великій Гете, котораго слова приводимъ тутъ въ поученіе для всѣхъ

русскихъ критиковъ: „Es gibt eine zerstörende Kritik und eine productive. Jene ist sehr leicht, denn man darf sich nur irgend einen Mastab, irgend ein Musterbild, so bornirt sie auch seien, in Gedanken aufstellen, sodann aber kühnlich versichern: vorliegendes Kunstwerk (что тут сказано о искусственномъ дѣлѣ, тоже само разубѣдится и о мнѣнїи другихъ) passe nicht dazu, taue deswegen nichts, die Sache sei abgethan, und man dürfe ohne Weiteres seine Forderung als unbefriedigt erklären; und so befreit man sich von aller Dankbarkeit gegen den Künstler.— Die productive Kritik ist um ein gutes Theil schwerer, sie fragt: Was hat sich der Autor vorgesetzt? Ist dieser Vorsatz vernünftig und verständig, und in wie fern ist es gelungen, ihn auszuführen? Werden diese Fragen einsichtig und liebevoll beantwortet, so helfen wir dem Verfasser nach, welcher bei seinen ersten Arbeiten gewiss schon Vortschritte gethan und sich unserer Kritik entgegen gehoben hat.“— Который съ тѣхъ двохъ родовъ критики избралъ г. Лозинскій въ статьи своей, въ 64 и 65 ч. „Вѣстника помѣщенной, явственно изъ всего вышесказаннаго нами.

Что касается нашихъ двохъ вопросовъ, предложенныхъ къ рѣшенію г. Лозинскому, то признаемъ со всею справедливостію, что они разрѣшены лишь въ полнѣ, и только слова, заключенныя послѣ признанія его, что межъ каждою сотнею словъ въ его дописи есть около 90 такихъ, которыя въ каждой россійскомъ словарѣ находятся, а около 80 такихъ, которыя употреблялъ Несторъ и старинныя русскія писатели: только, кажемъ, заключенныя также слова его: „(сли правда?),“ мѣшаютъ намъ лучшее наше о немъ понятіе. Яко малорусскій грамматикъ, яко литератъ, учившійся, по собственному его признанію, „церковнаго и россійскаго языка двадцать нѣсколько лѣтъ еще передъ 1846 годомъ,“ г. Лозинскій не на своемъ мѣстѣ поставилъ тѣмъ скептическій вопросъ „(сли правда?).“

Однакожъ, застановившися надъ его откровеннымъ отвѣтомъ; изъ котораго явствуетъ, что мимо того, же въ нашемъ письменномъ языкѣ есть много словъ, сходныхъ со словами старорусскаго и „наиблизшаго намъ россійскаго“ языка, не можно языкъ нашъ назвати „московско-болгарскимъ,“ но

всегда малорусскимъ,— застановившися надъ тѣмъ, — якъ же то недостойно и противорѣчно окажется намъ ово порицаніе и обруганіе якой-то „московско-болгарскаго эпохи“ нашей литературы тѣмъ же самымъ г. Лозинскимъ!

Но, Господи! прости ему, онъ не вѣдалъ, что творилъ!.....

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

На желаніе и съ помощію одного ревнѣйшаго Покровителя и Любителя нашей литературы печатается современно въ типографіи Став. Инст. во Львовѣ „Сборникъ русскихъ стихотвореній,“ и „Земъ Нотайскій“ повѣсть, извѣстная нашимъ почт. Читателямъ изъ 25-29 ч. „Зори Галицкой.“— Современно доносимъ, что „Матица галицко-русская“ перепечатывается изъ „Зори“ историческимъ статьи нашего ученаго Петрушевича.

— Въ чешской Читаниѣ для IV класса гим. находятся также переводы словесныхъ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ Русиновъ, именно: „Первое сраженіе Галичанъ съ Уграми,“ изъ Ист. Гал. Ки. Д. Зубрицкаго. „Городъ Галичь“ и „Торговля подкарпатскихъ Русиновъ,“ изъ путешествія по угорской и галицкой Руси Я. Головацкаго, „Гуцулы,“ И. Вагилевича. и „Поменьшія народности галицкія и буковинскія,“ В. Ковальскаго.

— Полуриядовымъ „Словникъи Новинимъ,“ выходящимъ подъ редакціею дра Лихарда въ Вѣднѣ, которыя до сихъ поръ печатались въ большей части такъ званымъ швабахомъ, т. е. нѣмецкими буквами, начнутъ отъ 1 Января 1854 г. употреблять исключительно латинскія буквы съ чешскою правописію. Редакція тѣхъ же Новинъ замѣчаетъ, что „употребляеть кви жиний (письменный) языкъ, которыя пишутъ Моравляне и Чехи,“ а который различается отъ простонароднаго словацкаго языка далеко больше, нежели книжный малорусскій языкъ отъ бесѣды нашего простонародія. Мы дѣлаемъ еще то замѣчаніе, что в. Правительство, не смотря на усилія нѣкоторыхъ защитниковъ простонародной словацкой бесѣды, приказало переводити для Чеховъ, Моравлянъ и Словаковъ, всѣ законы и распоряженія на одинъ книжный чешскій языкъ.

Слѣдуетъ число 39 „Поученій Церковныхъ.“

Издвненіемъ и типою Института Ставропигіинскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Дидицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Сер е ду два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. н. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. н. — Желающимъ чвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. н. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. н.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИСПЫТАНІЕ САМОГО СЕБЕ.

(Изъ Платона.)

Очей до сна ты не смыкай,
Пока себе не спросилъ:
Якъ имѣвшій я день прежилъ?
Якоо дѣло залишилъ?
Такъ передъ сномъ себе пытай;
Кому бо грѣхъ свой снится,
Тому не мило спится.

Служилъ ли ты лукавому?
Иль дѣло оставилъ любви?
Тогда не можетъ Богъ тебе
Любити, ни ты самъ себе.
Скажи то сердцу своему,
И всяку склонность злую
Брани якъ дрянъ якую.

И то, что вчера доброго
Не сдѣлалъ ты — днесь учини
И завсегда сіе помни:
Что, кто дорогой истини
Идетъ; и отъ душевного
Зла есть всегда свободный,
Тотъ Богу есть угодный.

ЖИЗНЬ ПРИМѢРНАЯ.

(изъ того же.)

За истинной слѣдн
И жизнь вести по ней,
Другимъ благотворити,
Но лишь не для очей;
Сближаетъ смертного
Къ Творителю его! Я съ Я.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевичъ.

(Продолженіе.)

По смерти польскаго Государя Болеслава, возникли въ Польшѣ несогласія въ томъ. кому быти княземъ, ибо бездѣтный Болеславъ оставилъ пять племянниковъ, изъ которыхъ претендентовъ польскіе бояре избрали одного Лешка (Лестка) и посадили его княземъ въ Краковъ. На противъ тому властолюбивый Левъ замышлялъ самъ быти наслѣдникомъ Болеслава и Государемъ всей Польши. или по крайней мѣрѣ присовокупити при сей способности нѣсколько польскихъ украинскихъ городовъ, смежныхъ своей волости: но. когда польскіе вельможи сопротивились его намѣренію, въ досадѣ поахалъ онъ самъ въ Орду къ Ногаю и просилъ у него помощи для похода своего въ Польшу 102.). Ногай въ самомъ дѣлѣ отпустилъ съ нимъ трехъ своихъ воеводъ съ

102.) Ипат Лѣт. 208. „По смерти же великаго князя Болеслава не бысть кто княжа въ львской

